

ЦАРСТВА СМЕРТИ

КРИСТОФЕР
РУОККИО

Пожиратель Солнца

Кристофер Руоккио

Царства смерти

«Азбука-Аттикус»

2022

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Руоккио К.

Царства смерти / К. Руоккио — «Азбука-Аттикус»,
2022 — (Пожиратель Солнца)

ISBN 978-5-389-23477-2

Жертва придворных интриг, Адриан Марло, прозванный Пожирателем Солнца, отправляется в ссылку на далекую планету. Но император не забывает о своем рыцаре и советнике. Объединенные кланы беспощадных сельсинов под началом Сириани Дораяики наносят имперским легионам поражение за поражением, и кто, как не Адриан, может изменить ход войны? Марло получает тайное задание: отправиться на другой край Галактики, в загадочное Лотрианское Содружество, где верховной властью считается книга, и договориться с давними конкурентами Империи о военном сотрудничестве. Но тривиальная на первый взгляд миссия принимает непредвиденный оборот... Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-23477-2

© Руоккио К., 2022
© Азбука-Аттикус, 2022

Содержание

Глава 1. Сумерки	6
Глава 2. Истина	12
Глава 3. Красное и черное	18
Глава 4. Несс	26
Глава 5. Солнце у горизонта	32
Глава 6. Старые шрамы	38
Глава 7. Придворный демон	45
Глава 8. Битое стекло	51
Глава 9. Короли и пешки	57
Глава 10. Рай	62
Глава 11. Великий конклав	67
Глава 12. Содружество	74
Глава 13. А оркестр все играет	78
Глава 14. Дух машины	81
Глава 15. От огня	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Кристофер Руоккио

Царства смерти

Christopher Ruocchio

Kingdoms of Death

Copyright © 2022 by Christopher Ruocchio

All rights reserved

© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство Азбука®

* * *

Элджину и Дарлин, моим вторым родителям. Люблю вас

Глава 1. Сумерки

Ночь.

Ночь опустилась на Эйкану, и придавленные тьмой крыши старого завода ошетинились антеннами, торчащими, будто древние надгробия. Луна не светила, лишь звезды, далекие и холодные, как и распростертый до самого горизонта серый песок, несли молчаливую вахту.

– Бледные даже не догадуются, – произнес Бандит шепотом, хотя на корабле было вполне безопасно.

Я чувствовал и его нетерпение, и горячность солдат, сгрудившихся вокруг меня, словно ахейцы в чреве деревянного коня. Все затаили дыхание.

– Хорошо бы, если так! – буркнул Паллино. – Основной флот прибудет только через три часа.

– Милорд, поглотители тепла в норме, – обнадежил пилот. – Нас разве что из окна увидишь.

Эти массивные маскирующие устройства действительно позволяли в течение нескольких дней скрывать субсветовой след, и поэтому наш корабль невозможно было засечь тепловыми и световыми радарам. «Ашкелон», перехватчик класса «Чаллис», для секретных заданий был идеален. Быстрейший во флотилии, маленький, всего пятьсот футов в длину, с системой жизнеобеспечения и гидропоникой, рассчитанными на активную команду из десяти человек, и с яслями криогенного отсека еще на сорок. Тесновато, но я надеялся, что для нашей миссии – в самый раз.

Три часа.

У нас было три часа, чтобы занять топливный завод «Ямато» в Вирди Планум.

Выглянув в узкий иллюминатор, я увидел ровный ряд серебристых адронных коллаидеров. Работая в полную мощь, машины производили за день килотонны антиматерии, синтезируя нестабильную субстанцию из мельчайших квантов и получая достаточно топлива, чтобы обеспечить корабли целого сектора. Вдали я различал глянцевитые купола подготовленных резервуаров, ожидавших транспортировки с Эйканы на орбиту.

Без антиматерии мы не могли перемещаться быстрее скорости света.

Без Эйканы столичная планета магнархии Центавра Несс, а также значительная доля имперских кораблей в ее провинциях оставались почти беспомощны. Непростая цель.

И сельсины обычно не выбирали сложные цели для нападения.

Большинство сельсинов.

– Адр, все нормально? – спросил Паллино, видимо прочитав на моем лице беспокойство.

Я обернулся – он пристально меня разглядывал.

Когда мы с Паллино впервые встретились много веков назад на Эмеше, это был старый прожженный солдат, одноглазый, покрытый шрамами. За десятилетия верной службы Империи под моим началом он смог заработать на новую молодость и новый глаз, тогда как я, паладин, чьи генетические преимущества позволяли прожить сотни лет, заметно изменился. Вот уже без малого век я служил советником магнарха Несса, а Паллино проспал все это время ледяным сном на борту «Тамерлана». Теперь я выглядел старше его, но он по-прежнему относился ко мне почти с отцовской заботой.

– В этом нападении видна рука Дораяики, – уверенно заявил я.

Его, сельсинского Князя князей, величайшего врага человечества, звали Бичом Земным и Пророком. Армады сельсинов кочевали из системы в систему, мимоходом уничтожая планеты, но у Дораяики был выверенный план. Оно имело прекрасное представление о нашей стратегии, чем не мог похвастаться никто из его сородичей. Дораяика сжигало верфи, перекрывало пути снабжения, захватывало транспортные корабли с легионерами.

– Откуда ты знаешь? – состроил кривую мину Паллино.

– Знаю, – ответил я, переводя взгляд на солдат, облаченных в броню и маски, мой Красный отряд. – Завод должен быть зачищен до прибытия флотилии! – повысив голос,скомандовал я и отодвинулся от переборки, одной рукой придерживаясь за прорезиненный арочный свод. – Ребята, работаем чисто и аккуратно. Не позволяем их разведчикам обнаружить нас.

Завод необходимо было взять штурмом. Любой неточный выстрел с корабля или неудачно расположенный взрывчатый заряд мог привести к детонации в громадных хранилищах антиматерии под куполами. Этого добра на Эйкане было достаточно, чтобы превратить равнину Вирди Планум в кратер и даже насквозь пробить земную кору.

– Все будет как по маслу, милорд, – отозвался Бандит, поправляя кинжалы на перевязи.

«Ашкелон» снижался по дуге, рассекая воздух, словно нож. Серебристая вереница коллайдеров за окном, скользя, оказалась у нас под брюхом.

– Приготовиться! – крикнул я и нажал переключатель на воротнике, активировав шлем.

Металлические панели раскрылись, как цветочный бутон, и сомкнулись вокруг моей головы. Спустя миг включилась система улучшенного обзора, спроецировав мне на сетчатку глаз два луча. Паллино, Бандит и остальные проделали то же. Теперь на меня смотрела группа бронированных солдат в невыразительных белых масках с эмблемой Красного отряда – пентаклем и трезубцем – на месте левого глаза.

Нужно было действовать быстро – в те самые опасные несколько секунд, что «Ашкелон» пробудет над коллайдерами. Прибравшие себе завод ксенобиты могли легко заметить наш корабль, коршуном зависший над трубами.

– Сбрасываю давление через пять секунд, четыре, три... – Дальнейший отсчет пилота потонул в шуме прилившей к ушам крови.

Почти семьдесят лет я пробыл в ссылке на Нессе – таково было наказание, назначенное мне судом Фермона, да и сам суд длился двенадцать. Вот почему уже добрую сотню лет я не вступал со съельсинами в бой.

Очень долго...

Стук моего сердца был заглушен громким свистом воздуха, выходящего из кормового отсека «Ашкелона». На Эйкане воздуха не было, и трап откинулся в гробовой тишине. Это к лучшему – без ветра никто не услышит наших шагов и разговоров.

Первым вниз сошел я, следом – Паллино. Трубопровод длиной сотни ярдов тянулся к приземистым и грубоватым на вид постройкам перерабатывающего комплекса. Чуть дальше перед нами по обе стороны были лестницы. Жестом я приказал солдатам рассредоточиться и, дождавшись, пока они разойдутся, обернулся. Наш черный корабль-клинок тихо поднялся на репульсорах, убрал трап и незаметной тенью скрылся во мраке ночи.

– Лорд Марло? – окликнул меня пехотинец, последний в группе.

Я сообразил, что все еще стою на коллайдере. Мой взгляд задержался на убегавшей за горизонт серебристой веренице этих устройств. Адронные коллайдеры опоясывали всю планету, и, если захотеть, можно было пройти вдоль них по экватору и вернуться к заводу с другой стороны. Единая непрерывная дорога-кольцо.

– Лорд Марло? – повторил гоплит.

Предвкушая драку, я спустился за ним по лестнице.

Солдаты группами по трое – триадами – перемещались из укрытия в укрытие. Мы быстро прошли по оборонительной стене снаружи гигантского машинного комплекса. Почти минуту в моей личной вселенной звучал лишь топот каблуков, вибрирующий от подошв вверх по бронированному комбинезону.

– Вижу цель, – раздался голос по рации. – Слева.

На крыше ближайшего здания стояла темная рогатая фигура – спустившаяся из заоблачных высей инопланетная горгулья. Она не замечала нас, и я подумал, не уснул ли на посту этот нелюдь-часовой.

Впереди гоплит поднял копье. Лазер вспыхнул и выжег в горгулье дыру. Ни звука. Ни крика. Рогатая фигура пошатнулась и упала.

- Еще двое, – предупредил другой солдат.
- Точно в яблочко, один-три!
- Всех сняли, – снова произнес первый.
- Похоже, нас не ждали. Охраны маловато!
- «А зачем она им?» – подумал я.

Съельсины полагались на дистанционные сенсоры и считали, что мы в лоб атакуем их флотилию, заблокировавшую орбиту. Они не предвидели высадки десанта – на это был наш расчет, и в этом было наше преимущество.

Перед нами замаячил основной заводской корпус, где свежую антиматерию извлекали из коллайдера и перегоняли по магнитным спиральям во внешние хранилища. Там же находился центр управления – наша главная цель. Если получится остановить коллайдер и очистить цех от нестабильной субстанции, прибывшие с подкреплением корабли смогут атаковать без ограничений.

В одиночку нам не справиться.

На стене справа открылся люк, откуда появилась фигура в темном шишковатом доспехе. Восемифутовому ксенобиту пришлось нагнуться, чтобы поместиться в проем. На первый взгляд его можно было принять за человека. Две руки, две ноги, стройный торс. Рога казались украшением шлема. Но я слишком хорошо, до мельчайших особенностей, изучил съельсинов и знал, какой необъяснимый ужас они внушают любому, кто засмотрится на них. Чересчур длинные руки этих созданий оканчивались когтистыми кистями с многочисленными корявыми пальцами. Ноги были кривыми и узловатыми, туловище – необычайно тонким и коротким. Рогатый венец являлся вовсе не частью шлема, а естественным продолжением головы неземной твари.

Ксенобит не ожидал нашего визита, и его закрытое белой маской лицо удивленно вздрогнуло, когда он нас заметил. Круглые черные линзы расширились. Молниеносно мелькнула рука Бандита, и миг спустя существо согнулось, поливая пол чернильной слизью из перерезанного горла. Бандит перескочил через тело, на ходу выдернув из шеи тонкий метательный кинжал.

Не замедляясь, Карим просигналил двум триадам, чтобы те вошли в открытый шлюз и посмотрели, откуда там взялся ксенобит.

- Проверьте, не осталось ли еще кого-нибудь, – сухо, без эмоций скомандовал он.

Отправляясь на Эйкану, мы тщательно изучили план завода «Ямато», и в моем шлеме сбоку отображалась его трехмерная проекция.

- Адр, не нравится мне это, – поделился мыслями Паллино по закрытому каналу, чтобы не взбудоражить солдат. – Слишком, черт побери, тихо.
- Скоро станет громко. Вход недалеко.

Не успел я договорить, как Бандит уже добрался до нужной двери – массивного квадратного стального блока. Примыкавшие к адронному коллайдеру заводские помещения содержались в абсолютном вакууме, чтобы лучше изолировать антиматерию на случай утечки. Дополнительная, пусть и бессмысленная, пожалуй, мера безопасности. Наш техник нагнулся над панелью управления и легко оторвал ее от стены. Вытянув из своего наручного терминала тонкий провод, он сунул его в образовавшуюся дыру.

- Откроешь? – спросил Бандит.

– Не вопрос, сэр, – ответил техник и нахмурился, – но как только это случится, они узнают. Постараюсь заблокировать сигнал тревоги.

– Лучше вернуться к шлюзу, откуда тот жмурик вылез, – предложил Паллино, кивнув в направлении оставшегося на платформе трупа.

– Не годится, – сказал я, на всякий случай сверившись с картой. – Заблудимся среди коллекторов. Нужно подняться в центр управления и перекрыть все входы и выходы.

– Тыфу ты! – выругался техник. – Не получится открыть эту дверь без срабатывания сигнализации.

– А просто отключить датчики нельзя? – спросил Бандит. – Дверь прорежем.

– Они заметят повышение температуры, – ответил специалист.

– Не заметят, если будем резать вот этим, – сказал я, расталкивая солдат, и, щелкнув магнитной застежкой на правом бедре, взялся за кожаную рукоять джаддианского меча. – Посторонитесь.

– Готово, милорд, – сообщил техник, подчиняясь.

Я нажал на двойной активатор, и клинок из высшей материи вспыхнул лучом лунного света на планете, где никогда не было луны. Экзотический предмет переливался, словно ртуть, сверкая искрами жидкого хрусталя. Меч отбрасывал призрачные блики на платформу и металлическую стену возле нас. Я так давно не бывал на полях сражений, что забыл то напряжение, то ощущение натянутой струны, которое всегда испытывал. Но сейчас я вновь чувствовал себя тридцатилетним юношей, а не трехсоттридцатилетним мужчиной.

Осторожно левой рукой я нащупал переключатель энергетического щита и приготовился. Кончик меча пронзил дверь. Металл поддался легко. Тончайшее лезвие рассекало молекулы, и очень быстро мне удалось прорезать в стали кривое отверстие. Не отключая гудящего клинка, я отошел, уступив место Бандиту и двум легионерам. Они налегли на дверь, и та упала с глухим ударом, который невозможно было услышать – лишь уловить вибрации стопами.

Первым вошел Бандит, в одной руке сжимая окровавленный кинжал, а другой держась за навершие керамического меча на поясе. Он крался как леопард, втянув голову и бесшумно ступая. За ним четко, словно шахматные фигуры, двинулись солдаты. Они поводили короткими копьями, готовые стрелять при появлении врага. Но сигнализация не сработала, и никто не выскочил нам навстречу.

– Как-то чересчур легко, – засомневался Паллино.

Взглядом показав, что ему лучше помолчать, я переступил порог вслед за гоплитами. Легионеры позади меня несли факелы, и моя тень вытянулась по полу далеко вперед.

Стоило мне войти в зал, как я увидел на стене отблеск света.

– Контакт! Контакт! – раздались возгласы.

Из бокового коридора вывалился гоплит. Задрав копьё, он боролся с серебристым змееподобным аппаратом, обвившим его предплечье.

– Нахуте! – воскликнул я, бросаясь на помощь.

Отчаянные крики солдата по рации заглушали остальных. Дрон пришельцев крепко вцепился в него и сжимался все сильнее. Летучий змей надавил на локоть, и кость переломилась. Гоплит, истощено воя, рухнул на пол.

– Держись! – приказал я, пытаясь вправить его руку.

Он, кажется, не слышал и продолжал вопить. Змееподобный дрон нахуте переключился на мое запястье. Я поднял меч и разрубил смертоносную машину надвое. Останки упали на пол и затихли.

– Встать можешь? – спросил я раненого, наклонившись к нему, но не дождался ответа.

Еще два серебристых дрона вылетели из темного коридора, скрипя зубами-дрелями. Один пронесся надо мной, другой, слишком нетерпеливо возжелавший отведать моей крови, отскочил от щита. Я рассек его мечом и встал наготове, всматриваясь вглубь коридора.

Из сумрака явилось невыразительное бледное лицо с острым подбородком и громадными черными глазами. Рога. Когти. Грозный белый меч. Сельсин-берсерк бросился на меня;

его вытянутое тело как будто воплотилось из сгустка темноты. Я понял, кто метал в нас дрон-змей, и ринулся навстречу, надеясь, что враг не подал сигнала тревоги. Белый меч мелькнул над моей головой, рубанув по стальному косяку, когда я уклонился. Вероятно, этот сельсин прежде не видел высшей материи и не осознавал ее опасности. Остановить такой клинок могли лишь длинноцепочечный углерод и адамант, из которого изготавливали космические корабли, – и, разумеется, сама высшая материя. Прорезиненные полимеры сельсинского скафандра не были помехой.

Приподнявшись, я взмахнул мечом снизу вверх, разрубив врага вместе с дверной рамой. Две половины сельсина упали на пол.

– Теперь-то они наверняка поняли, что мы здесь, – заметил Паллино, с оружием наготове подходя ко мне.

Я пинком выбил меч павшего ксенобита из его застывших пальцев и потыкал тело мыском ботинка. Под разрубленным нагрудником мигали какие-то тусклые красные огоньки, от света которых кровь сельсина блестела. Система диагностики? Или индикатор тревожного сигнала? Я понял, что Паллино прав.

– Нужно спешить.

Прошло уже полчаса отведенного нам времени, и наша миссия перестала быть секретной. Я успокаивал себя тем, что сельсины не могли знать, кто их атакует – армия или одинокий выживший работник завода, – но это не слишком помогало. Мы карабкались по угловатым винтовым лестницам. Некогда здесь штат насчитывал пятьсот человек, это были единственные постоянные жители безвоздушной засушливой Эйканы.

Центр управления находился рядом, несколькими уровнями выше, за продольными мостками над топливным коллектором и служебной трамвайной линией. Само помещение располагалось так, чтобы техники с высоты могли видеть все сложные машины.

Разумеется, центр должен быть под охраной.

Когда я достиг третьего уровня, лестница вздрогнула и впереди полыхнули энергокопья. Солдаты закричали в рации. Отсутствие воздуха позволило нам бесшумно проникнуть на территорию комплекса, но у этого были и минусы.

Мы не слышали приближения врага.

– Стой! – скомандовал Паллино, рукой преграждая мне путь.

Наверху рогатые фигуры, числом не меньше полудесятка, схлестнулись с нашими солдатами. Стальные ступени тряслись у меня под ногами. Посмотрев вниз, я увидел и там черные силуэты врагов.

– Не выйдет!

Лестница обрушивалась ступенька за ступенькой. Сельсины выдирали болты. Мы с Паллино прижались к перилам, в то время как внизу появилась бело-серебристая, похожая на скарабея фигура сельсинской химеры. Мозг пришельца, заключенный внутри машины, направил на меня оптические сенсоры. От живого сельсина там оставалось мало – союзники-люди построили для него тело, что было гораздо прочнее плоти. Сегментированная железная рука уцепилась за лестницу и смяла ее, как бумагу.

– Лезем! – крикнул я, подталкивая Паллино.

Мы успели выйти на платформу за миг до того, как тварь сорвала ступеньки. Они пролетели десяток футов и упали с громким ударом, отозвавшимся в моих подошвах. Следом кувыркнулись двое замешкавшихся солдат.

Химера напрягла могучие бедра, заработали поршни, и она прыгнула. Паллино выстрелил, но его копьё было поглощено энергожитом чудовища. Маги, создавшие новое тело сельсина, использовали все свои умения. Составные белые пальцы уцепились за край нашей площадки, но химера забыла элементарные законы физики. Под ее огромным весом металл

изогнулся, и я почувствовал ногами, как массивные болты скрежещут о пористую каменную стену.

Мы бросились бежать, подгоняя солдат. Сквозь открытую дверь я выскочил на мостки, перескакивая через трупы людей и ксенобитов. Меч Бандита черной линией расчертил глотку одному из нападавших и, не задерживаясь, парировал удар другого. Норманский фехтовальщик плавно ударил противника кинжалом под мышку и вынул окровавленный клинок. В безвоздушном пространстве чернильная субстанция бурлила, съельсин отчаянно попытался ответить на выпад, но не успел – его пронзил штыком другой гоплит.

Вмиг мостки заполонили рогатые черти в белых масках и черных доспехах. У каждого была либо сабля цвета кости, либо свернутый кольцами, словно серебристый кнут, нахуте.

Ничего не поделаешь.

Нужно было прорываться.

– Закрывать дверь! – гаркнул кто-то, и люк позади нас захлопнулся.

В покатые окна слева виднелась вереница адронных коллайдеров и магнитные сифоны, собиравшие и перекачивавшие нестабильное топливо в хранилища. Я мельком заметил центр управления, перевернутым грибом висящий под потолком цеха. Но из рации донеслись новые крики солдат, вернув меня в реальность.

Между нами и шлюзом, ведущим к центру управления, было около двадцати ксенобитов. В нашу сторону полетели клацающие зубами дроны, замелькали сабли. Вспыхнули энергокопья, замерцали завесы энергощитов. Люди и съельсины гибли наравне. Бандит мечом вычерчивал кровавые лабиринты в телах врагов, пока его красно-белые доспехи не почернели от съельсинской крови. Я лично ликвидировал двоих. Меч, некогда подаренный мне сэром Олорином, легко справлялся с этими тварями.

Сквозь щит одного из гоплитов пробрался нахуте и между пластинами доспеха вгрызся в тело. Брызнула алая кровь, пузырясь, как и черная. Еще троих солдат съельсины убили на месте.

Но мы были близки к победе.

Бум!

Под нами содрогнулся пол, и, оглянувшись, я увидел, как дверь люка выгнулась, словно от удара могучего кулака. Химера наконец вскарабкалась наверх.

– В шлюз! – скомандовал Бандит.

Шлюзовые переборки были вдвое крепче той двери, которую мы только что закрыли, а также защищены электромагнитным полем, – впрочем, не знаю, какой от него был бы толк в случае критической аварии на заводе. От антиматерии не спасут ни стены, ни щиты. Все будет аннигилировано.

Бум!

Новый удар смял дальнюю дверь. Я задержался у шлюза, окинув взглядом груды мертвых людей и чудовищ. Мы были почти у цели.

– Милорд?

– Закрывайте! – распорядился я.

Глава 2. Истина

– Сколько продержится дверь? – спросил я, осматривая центр управления, в котором после нашего вторжения осталось лежать на креслах и консолях около дюжины мертвых ксенобитов.

Хотя съельсины и разместили огромную флотилию на орбите Эйканы, завод защищали небольшие группы воинов. Возможно, основные силы были сконцентрированы у хранилищ и готовились поднимать ценное топливо по гравитационному колодцу.

Не знаю, кто мне ответил. Голос из шлема был лишен отличительных черт. В центре управления стояла духота.

– Достаточно долго, если только они не приведут кого-нибудь покрупнее того великана.

– А взорвать дверь они не могут? – прозвучал чей-то вопрос.

– В непосредственной близости от коллайдера? – возразил Бандит. – Если только им жить надоело.

Но я видел, как съельсины без раздумий жертвовали собой в бою на земле и в космосе, и потому насторожился.

– Можете все отключить? – спросил я, разглядывая магнитные катушки и паутину опутавших комнату проводов.

– Надеюсь, милорд, – повернулся ко мне склонившийся над центральным пультом легионер. – Тут топливная система сложнее, чем на «Тамерлане», но коллайдер я сейчас отключу. Тогда будет проще заставить сифоны перекачать антиматерию в хранилище.

Он был младшим инженером из команды Айлекс.

– Точно? – усомнился Паллино.

Хилиарх смотрел на меня с места возле пульта. Мне не нужно было оборачиваться на него, чтобы почувствовать, что он не верит и разочарован.

Я взмахом руки призвал к тишине и встретился взглядом со своим отражением в алюмо-стекле. Лицо прикрывала бесстрастная черная маска с лабиринтовым орнаментом вокруг глаз. Доспех после стольких лет был по-прежнему впору – нагрудник в форме мускулистого торса на римский манер с алой эмалированной эмблемой моего дома: пентаклем и трезубцем посреди восьми могучих крыльев. Под нагрудником красная туника, на бедрах и плечах – кожаные птеруги с вычурным тиснением. Наручи и поножи были литыми, украшенными керамической лозой и ликами. И поверх всего – черный плащ на алой подкладке, с застежкой над правым плечом.

С отражения на меня взирал лорд Адриан Марло.

В эту минуту покоя я увидел – он увидел, мы увидели – бесконечное множество нас. Тысячи Адрианов смотрели на меня со стекла. Тысячи тысяч глаз, десятки тысяч черных масок... во всех бесчисленных версиях этого момента, каждая неуловимо отличалась от другой, и чем дальше было отражение, тем значительнее разница. Я наблюдал, как несчетные варианты меня скрывались в огненных вспышках – результате ошибки техника. Целые параллельные миры исчезали из-за его неудачных действий. Я не знал, какой выбор стоит перед этим парнем, не понимал, как работают ускорители частиц и электромагнитные сифоны, но отдавал себе отчет в последствиях, к которым может привести любая оплошность.

Говорят, что в присутствии созерцателя световые частицы складываются из энергетических волн в лучи и наши глаза способны воспринимать их. Полагают, сознание изменяет реальность. Меня изменила встреча с Тихими в их обители. Тогда я почувствовал то, что, наверное, чувствует слепец, внезапно прозревший, – будто я был слеп всю свою жизнь. И как глаза выпрямляют световые волны, так мое новообретенное зрение выпрямляло время. Нужно было просто всмотреться. Сосредоточиться. Выбрать.

Я выбрал жизнь, проложив путь сквозь время туда, где герметичность коллайдеров не была нарушена.

– Готово, – отчитался техник, не ведая о моем вмешательстве.

Видение ушло, отражения слились воедино, бесконечность сжалась, пока я снова не остался лицом к лицу с одиноким отражением.

– Молодец, солдат, – бросил я, зажмурившись; пользоваться выборочным зрением всегда было нелегко. – Долго еще до прибытия флота?

Бандит снял шлем и, пригладив растрепанные черные кудри, ответил:

– Час и тридцать семь минут. Продержимся.

Прищурившись, он посмотрел в окно на платформу, откуда мы пришли. Я проследил за его взглядом. Сельсины торопливо бегали, передавая приказы и поднося амуницию.

– Взрывать они не станут, – сказал Бандит, – воспользуются плазменными резаками.

– Скорее всего, – согласился я.

Но в цеху появлялись все новые ксенобиты. Очевидно, основные силы, размещенные на заводе, теперь знали о нашем вторжении. По моим прикидкам, там собралось больше двухсот сельсинов... может быть, триста. Я не в первый раз пожалел, что не был схоластом, способным на глаз определять точное число.

Пока мы разговаривали, тихий механический гул, который стало едва слышно после того, как мы прошли через шлюз в центр управления, замедлился. Опоясывающий планету громадный механизм начал процесс отключения. После остановки коллайдера требовалось совсем немного времени, чтобы сифоны опустошили очистные установки от нестабильного топлива и перегнали его в хранилища, расположенные в нескольких милях от цеха. Существовала вероятность, что Бледные не заметят этого в вакууме. Если бы заметили, то могли бы взорвать центр управления целиком и довольствоваться топливом, которое уже успели собрать. Они не знали о прибытии нашей флотилии.

Но я решил, что они в любом случае этого не сделают. Разбрасываться ценными ресурсами было не в духе Сириани Дораяики, а завод «Ямато», безусловно, был ценным ресурсом. Нет, Бледный Князь князей выжмет из него все до капли. Сельсины не станут рисковать, пока есть шансы удержать производство. Вот почему крайне важно было остановить коллайдер. Если бы он был активен, как прежде, любой шальной выстрел привел бы ко всеобщей гибели. В отключенном состоянии его можно было повредить, но не уничтожить.

Каждая сторона оставалась при своем.

– Не нравится мне это, – снова заворчал Паллино. – Отступить некуда.

– Есть куда, – заявил Бандит, извлекая что-то из мешочка на поясе.

Несмотря на многолетнюю службу Империи, бывший норманский наемник продолжал носить поверх доспеха красно-белый джаддианский кафтан.

– Сидя ровно, далеко не отступишь, – парировал старый солдат.

Бандит прислонился к пульту так небрежно, как будто это было дерево в парке. Развернул фантик из воценой бумаги, закинул конфету в рот и принялся задумчиво жевать.

– Скоро наши прилетят, – беспечно сказал он и уронил обертку на пол. – Хочешь конфету?

Паллино недовольно мотнул головой и отвернулся. Воцарилось неловкое молчание. Я не вмешивался. Солдаты группами караулили у выхода; один по голографическому терминалу следил за тем, что происходило в шлюзе и на платформе снаружи.

– Сэр... а можно мне? – сняв шлем и откашлявшись, вдруг осмелел молодой легионер.

Не сказав ни слова, Бандит достал из мешочка конфету и бросил ему. Больше никто не просил.

– До полного отключения коллайдера девять минут, – сообщил техник. – До очистки магнитных сифонов – тринадцать.

Я едва заметно кивнул в ответ и, проходя к двери, хлопнул его по плечу.

– Чем заняты Бледные? – спросил я наблюдателя.

Тот вскочил как ужаленный:

– Не могу точно сказать, милорд. Они протянули снизу какой-то кабель, после чего наружные камеры отключились. Не хотят, чтобы мы смотрели... – Он покосился на меня и отвел взгляд. – Думаю, у них там плазменный бур. Будут сверлить, как предполагал командер. Но с такого ракурса сложно судить.

Я высунулся у него из-за плеча изучить голограмму. Там отображались данные с четырех камер внутри шлюза, одна из них была направлена сквозь алюминостекло в сторону внешнего люка. Гигантская химера неподвижно стояла снаружи, повернув гладкую лицевую пластину к центру управления. Должно быть, она попыталась вломиться в шлюз, но сталь в локоть толщиной не поддалась. Ксенобиты возились у массивного черного ящика, ребристого и кривого. Если бы ящики могли умирать, как живые существа, этот точно был бы гниющим трупом.

Вне всякого сомнения, это было орудие. Возможно, плазменный резак или какая-то дрель.

– Жаль, что мы не можем с ними поговорить, – скривился я под маской шлема.

Я не часто произносил столь очевидные истины. В цеху снаружи не было воздуха, и я не мог обратиться к нашим врагам, если только...

– Получится подключиться к системе всеобщего оповещения? – спросил я.

– Думаю, да, – сказал солдат, изменив что-то на пульте. – Да.

– Ты, кажется, новенький?

В эту экспедицию мы набрали много новичков. После суда на Фермоне значительную часть технического и вспомогательного состава Красного отряда забрали с «Тамерлана». На судовых техников и инженеров всегда высокий спрос. И пока я томился в золоченой клетке на Нессе, а «Тамерлан» вместе с командой был обречен на сотню лет простоя, эти специалисты понадобились в других местах. Когда же вторжение на Эйкану положило конец моему семидесятилетнему пребыванию в чистилище, мне дали новых людей.

– Так точно, лорд Марло, – сказал легионер, отвлекаясь от терминала. – Мой первый боевой вылет.

– А зовут тебя как?

– Леон.

– Леон, – повторил я, рассматривая его знаки различия. На нем были тяжелые доспехи гоплита, но при этом на плечах красовались алые круги энсина. – Старинное имя.

– Так точно, милорд. В моей семье оно в ходу уже много-много лет.

– Леон, ты раньше не видел сьельсинов?

– Только на голограммах.

В его голосе я расслышал нотки огорчения.

– Не думал, что они такие здоровые, – сказал он, повернув ко мне закрытое маской лицо. – Правда, что они... едят людей?

Я незаметно улыбнулся, вспомнив разговор за обедом с моим братом Криспином, состоявшийся больше трехсот лет назад.

– Ты в этом сомневаешься? – спросил я.

– Нет.

– А я сомневался, когда был ребенком. Считал, что Капелла нас запугивает, чтобы дать повод для войны...

И зачем я изливал душу этому парню? Слишком долго был вдали от битв? Слишком нервничал? Или попросту постарел, несмотря на еще молодой вид?

– ...но оказалось, что в некоторых слухах есть немалая доля истины. Это ужасно. Когда веришь, что все неправда, можно видеть мир таким, каким хочешь.

– Милорд? – смутившись, произнес Леон и помрачнел.

– Врать не стану, – сказал я. – С каждым боем будет все труднее. – Я хлопнул его по плечу. – Но мы будем сражаться вместе.

– Так точно, сэр! – отчеканил молодой солдат, встав по стойке смирно.

– Открой для меня общий канал и отойди.

Леон выполнил все, как велено, и даже увереннее теперь управлялся с пультом. Я отметил это, но про себя подумал: хорошо, что не ему приходится отключать матрицу адронных коллайдеров.

В углу голографической проекции мигнул синий огонек, сигнализируя о том, что система оповещения включена. Большинство мест на заводе были безвоздушны, но отдельные комнаты, включая центр управления, кондиционировались для удобства рабочих. Из динамиков в вакууме раздастся тишина, но я не сомневался, что где-нибудь меня услышат, и был вдвойне уверен, что химера – и такие же, как она, если они были на базе, – услышит все по встроенному радио.

– Bayarunbemn o-ajun! – сказал я на языке ксенобитов. «Мы знаем, что окружены». – Я хочу поговорить с вашим командиром.

На всех голографических проекторах наверняка появилось мое изображение, мое черно-красное облачение. Даже там, где не услышат мой голос, увидят мое лицо – мою маску. Я сотни лет сражался со сьельсинами на десятках планет от Пространства Наугольника до провинций Центавра: на Аптукке и Оксиане, Беренике и Меттине, Коме и Синуэссе.

Мое лицо и маску прекрасно знали.

Нелюди не спешили с ответом. Враг как будто еще не проснулся или о чем-то глубоко раздумывал. На панели не появилось изображения. Раздался лишь высокий, холодный, нечеловеческий голос, лишенный всяческой интонации.

– Ты Дьявол! – произнес он.

– Во плоти, – сказал я. – Ты здесь главное?

– *Daratolo ne?* – спросило существо теряющимся в помехах монотонным голосом. – Ты жив? Спусти столько лет... я уже не надеялся столкнуться с тобой.

Я стоял не шелохнувшись, внутренне радуясь, что под маской не видно моего удивления. Не такого приветствия я ожидал.

– Кто ты? – спросил я после секундного замешательства; голос был мне незнаком.

– Ты убил двух моих сестер-братьев, – сказала существо. – *Raka'ta ude ti-wetidiu.*

«Теперь нас осталось четверо».

Ответ открылся мне словно последняя гадальная карта мистагога.

– Иубалу, – произнес я. – Бахудде.

Раздался бессловесный злобный рык, похожий на скрежет зубьев пилы. Он был неестественным, как будто сгенерированным неким звуковым устройством, а не исторгнутым из живого горла. Услышав эти имена, мой собеседник разозлился.

– Ты одно из Иэдир, – заключил я.

Иэдир Йемани – «Белая рука» – было общим названием генералов Сириани Дораяики, его любовников и верных слуг. Каждому правитель даровал механическое тело, и ни одно не было похоже на другое. Одно я убил по пути к Немаванду, а на Беренике с помощью воинов-ирчтани одолел другое.

– Не смей произносить их имен! – рявкнуло существо.

– Адр, на мостках какая-то суматоха! – отвлек меня голос Паллино, и я покосился в окно.

Сьельсины собрались у внешнего шлюзового люка и сняли крышку со своего непонятного ящика, но мне не было видно, что внутри.

– Я доставлю тебя хозяину, – продолжил холодный пустой голос.

– Попробуй, – ухмыльнулся я уголком рта. – Могу я узнать имя того, кто станет моей погибелью?

Существо пронзительно взвыло, словно особо рьяная плакальщица. Так съельсины смеялись.

– Я Хушанса Многорукое, *vayadan ba-Shiomu*, и я восторжествую, когда он разорвет тебя на куски. Мой хозяин... давно тебя хочет.

Мне пришлось усилием воли подавить приступ тошноты. Я слишком хорошо знал, на что способны съельсины.

– Сначала победи меня, – парировал я.

– *Siajenu ti-saet yu kianuri!* – воскликнуло Хушанса. – Тебе некуда бежать. Тебе не спрятаться. Мы тебя схватим.

– Твои собратья тоже так думали, – ответил я холодно, подражая химере, и отключил передачу.

– И к чему ты все это устроил? – спросил Паллино.

Повернувшись, я увидел, что он внимательно следит за мной, и ответил:

– Хотел понять, с кем имеем дело. И дать понять, что они имеют дело со мной.

– Зачем? – спросил мой старый друг.

Никто другой не осмелился бы публично оспаривать мои решения.

– Теперь им нужно будет брать меня живым. Они не станут предпринимать ничего, что убьет нас всех.

Паллино понял мою логику и умолк. Я представил, как скрежещут его зубы.

– Но нам все равно некуда отсюда деваться, – возразил он.

– Это не так, – ответил я, подходя к окну, и посмотрел на происходящее в цеху.

Группы съельсинов по-прежнему суетливо сновали вниз и поглядывали на нас страшными белыми масками. У них не было огнестрельного оружия, и, судя по всему, закидывать нас взрывчаткой они тоже не собирались, что я принял как подтверждение моей гипотезы.

Я взглянул на наручный терминал:

– Семьдесят девять минут до прибытия флота. Нужно максимально потянуть время.

На платформе за шлюзом съельсины подготовили машину. Она стояла на трех тонких ногах, а по лестнице с нее сползали трубки и кабели. Это, очевидно, был плазменный бур, устройство для горнодобычи, переделанное так, чтобы прожечь укрепленную металлическую дверь. В обычное время инопланетные мастера, должно быть, использовали его, чтобы пробивать тоннели в астероидах, служивших им домом.

– Сколько у нас времени? – спросил я, наблюдая, как съельсины прилаживают устройство к люку.

– Толщина дверей – восемнадцать дюймов, – к моему удивлению, ответил Леон. – Если их резак похож на наши... минут пятнадцать? Двадцать?

– На каждую дверь... – Я задумался. Слишком быстро. Нам нужно было как минимум вдвое больше времени. – Напомните-ка мне, когда опустеют сифоны?

– Уже опустели, – подал голос техник, занимавшийся отключением коллайдера.

– Отлично, – кивнул я, решив, что, наверное, долго болтал с Леоном и Хушансой. – Заминируйте выход. Используйте самую мощную взрывчатку.

Мой приказ был встречен ледяным молчанием. Все уставились на меня, не отваживаясь сказать ни слова. Я понимал, что они думают. Даже в отсутствие антиматерии подрыв мощного взрывного устройства в тесном помещении гарантированно нас убьет. Но я не собирался терпеть возражений.

– Милорд?

– Выполняйте!

Мы успели вовремя. Сьельсины, как и ожидалось, проделали дыру во внешнем люке и спустя несколько минут аккуратно протащили сквозь отверстие плазменный бур. Химера вошла следом, ведя за собой пехотинцев, которые принялись обрабатывать внутреннюю дверь.

Счет шел на секунды.

Я объяснил свой план и приготовился, наблюдая, как дверь сначала покраснела, а затем приняла золотой оттенок.

– Пятьдесят минут до прибытия флота, – отрапортовал Бандит; он отсчитывал время пятнадцатиминутными интервалами. – Пора сматываться.

Норманец снова надел шлем и держал ладонь на рукояти меча.

– Еще немного, – ответил я.

Каждая лишняя секунда шла нам на пользу. Как только мой план будет приведен в исполнение, нас атакуют сьельсины. Я сомневался, что химера, встреченная на лестнице, была Хушансой. Она точно была не одна, и другие вполне могли оказаться гораздо хуже.

– Всем приготовиться! – скомандовал я, глядя, как сталь растекается подобно тающему льду.

Наконец момент настал.

Я вынул меч и прочертил им круг на полу.

Бетонный пол провалился подо мной, и я полетел вниз – через сорок футов оказался в цеху. Амортизирующий гель комбинезона принял на себя удар, защитив кости и чувствительные суставы, но я все равно поморщился от удара. Во время падения я отключил меч, чтобы не напороться на него, и активировал щит. Перекатившись, я увидел, как за мной дождем падают остальные солдаты – все сорок два, оставшиеся от шестидесяти, пришедших со мной.

По моему сигналу центр управления вспыхнул маслянистым алым пламенем. Вскоре раздался второй взрыв – это не выдержал плазменный бур. Я представил, что химера и десятки набившихся в шлюз солдат-нелюдей превращаются в пепел, и скривился, вообразив, как весь завод взрывается из-за маленькой пропущенной капельки драгоценного топлива.

Но всеобщего уничтожения не случилось.

Враг окружил нас, словно стая акул.

Глава 3. Красное и черное

Как там звучит старинная поговорка? Из огня да в полымя.

Мы были окружены, но смогли нанести врагу серьезный удар. До прибытия нашей флотилии оставалось меньше часа. Чтобы продержаться, нам нужно было занять более выгодную позицию. Мой фокус в центре управления выиграл нам время и уничтожил целый взвод сельсинов, но из одного сложного положения мы сразу же попали в другое.

Когда я прорезал пол, весь воздух из центра управления вышел, и копья наших солдат теперь беззвучно стреляли в наступающих врагов. Прорезиненные доспехи сельсинов вспыхивали и дымились, когда раненые падали.

– После такого завод уже не запустят, – заметил Бандит, глядя на руины центра управления. – Надо просигналить на «Ашкелон», пусть нас заберут. Они успеют раньше флота.

– Но сельсины теперь знают, что мы здесь, – возразил я. – Они будут настороже и собьют корабль на подходе. Без прикрытия никуда!

С этими словами я надвое разрубил вражеского нахуте, прервав его смертоносный полет. Одинокый берсерк спрыгнул с платформы над нами, желая пронзить меня мечом. Я отскочил. Керамический клинок ксенобита ударился об пол и разбился. Берсерк отбросил бесполезный обломок и двинулся на меня. Существо, чье лицо было скрыто маской, удивительно напоминало марионетку вроде тех ростовых кукол, что участвуют в представлениях при дворах ниппонских лордов.

– Нельзя здесь оставаться! – громыхнул по рации голос Паллино.

– Трамвай! – крикнул кто-то.

Трамвай. В цеху было несколько служебных трамваев, которые ходили вдоль кольца коллайдеров, позволяя рабочим ездить вокруг громадного механизма для выполнения необходимого технического обслуживания. Иногда работа требовала от заводских техников уезжать на тысячи миль от Вирди Планум, и на всем протяжении пути были размещены промежуточные станции, где позволялось отдыхать. Трамваи ходили с помощью магнитных ускорителей и в безвоздушном пространстве Эйканы могли развивать скорость около трехсот миль в час.

– А получится? – усомнился я.

– Получится! – ответил тонкий голос. – Трамвайная сеть должна быть подключена к другой системе.

– До них рукой подать! – добавил другой солдат.

– Не так уж и близко, – возразил третий.

– Вперед! – скомандовал я, махнув мечом в сторону трамвайной платформы.

Троица сельсинских штурмовиков спрыгнула с навеса, под которым размещались магнитные катушки. Паллино подстрелил одного и пронзил штыком второго. Доспех защитил хилиарха от меча третьего, а другой наш солдат метким выстрелом лишил существо новой попытки.

Ближайшая трамвайная платформа была совсем рядом: прямо и вниз по короткой лестнице за пересекающей цех вереницей адронных коллайдеров. Бандит уже спускался по ступенькам, тесня вниз злобного Бледного. Мимо меня пролетел нахуте, ударившись сегментированным металлическим телом о щит, словно ошалевший угорь. Слева закричал и упал солдат, корчась в муках, – дрон вгрызлся в подкладку его доспеха и зарывался в плоть.

На ближайшую платформу спрыгнуло что-то громадное и белое. Тонкая полоска металла прогнулась под весом и в зловещей тишине обрушилась на пол. Химера размером с крупного медведя нависла над солдатами. Тусклая белая броня и тонкие конечности делали ее похожей на скелет великана. Полумашина схватила длинными пальцами-кинжалами одного гоплита

и разорвала его, как тряпичную куклу. Не останавливаясь, громадина швырнула останки в группу легионеров, которые посыпались на пол от столкновения с погибшим соратником.

– Не останавливаться! – крикнул Паллино, прицеливаясь в химеру.

Сельсины набросились с флангов. Они превосходили мой отряд числом и обладали позиционным преимуществом, но нас защищали щиты, а энергокопья проходили сквозь врагов, как нож сквозь масло.

Химера-великан одним махом снесла двух солдат. Они ударились о стену и покатались вниз по ступенькам вслед за Бандитом.

Я приблизился с мечом в руке.

Но я был не с той стороны.

Голова-башня химеры повернулась ко мне.

– Попался! – раздался во встроенных в шлем динамиках пустой механический голос, и я понял, что передо мной не простая химера.

Вдвое выше человека и уже в плечах, она казалась отброшенной на землю вечерней тенью. Белая адамантовая броня была неязвима для моего клинка. В изящные руки химеры, грозные пальцы-кинжалы и ужасную безликую конструкцию с металлическими шипами, заменявшую голову, было вложено все гнусное искусство МИНОСа. Не простой лейтенант, не прислуга. Это был сам генерал-вайядан Хушанса.

– А ты меньше остальных! – съязвил я на его собственном языке; и многоруким его тоже было не назвать... – Тебя что, из остатков собрали?

Я смотрел генералу за спину, где первая группа наших солдат скрылась за поворотом к трамваю.

Пальцы Хушансы еще удлиннились. В плече открылся отсек, откуда появился серебристый наконечник какого-то оружия. Это было что-то вроде абордажного крюка; он полетел ко мне со скоростью стрелы – достаточно медленно, чтобы пробить щит. Время растянулось, и передо мной вдруг оказались миллионы таких крюков. Система прицеливания генерала была столь точна, что большинство крюков впивались в мягкие сочленения моего доспеха и пронзали меня, как рыбу. Другие отскакивали, и лишь некоторые... Я замахнулся мечом и разрубил канат надвое, прежде чем злобный крюк добрался до меня.

– *Gennithar ne!* – воскликнуло Хушанса.

«Не может быть!»

Я не ответил.

– Адриан, не задерживайся, – бросил мне оказавшийся рядом Паллино.

– Знаю.

В металлического великана ударил фиолетовый луч, и Хушанса припало на колено. Цвет водородной плазмы ни с чем нельзя было спутать.

– Ложись! – раздался крик, и на спине пошатнувшегося ксенобита разорвалась граната с перегретой плазмой.

Хушанса упало плашмя, царапая пол, как краб клешнями.

Я увидел на верху лестницы Бандита; его джаддианский кафтан почему-то развевался, несмотря на отсутствие воздуха. Рядом с ним стояли двое легионеров, целясь из гранатометов в лежащее металлическое чудовище. Плазменные гранаты, покрытые коллоидным гелем, прилипали к любой поверхности. Сами гранатометы были помповыми, с газовыми картриджами, чтобы выпускаемые снаряды гарантированно проникали сквозь любой щит.

Но Хушанса поднялось и двинулось на солдат.

– *Talaq!* – крикнул Бандит.

«Огонь» на его родном джаддианском.

Гренадеры выстрелили, и вокруг Хушансы опять образовались фиолетовые цветы. Металлическое чудовище отпрыгнуло назад и выпустило из отверстия на запястье множество мелких снарядов. Они отскочили от щитов Бандита и легионеров, не причинив вреда.

– Вперед! – скомандовал я оставшимся со мной солдатам, указывая на лестницу мечом.

Очередной гранатный залп попал в цель. Во все стороны полетели белые осколки генеральской брони. Шипастая голова отвалилась и упала на металлический пол – если бы здесь был воздух, нас наверняка оглушило бы грохотом.

Мне было некогда размышлять над столь скорой гибелью великого командира наших врагов. Следом за Паллино я стремглав сбежал по ступенькам, подгоняя солдат. Бандит остановился помочь раненому гоплиту, подставил ему плечо. Бежать было недалеко: сразу за лестницей свернуть налево по коридору, ведущему под коллайдерами до трамвайной платформы.

Дорогу попытались преградить съельсины, но мы порубили их, как только спустились с лестницы, практически не сбавляя шага. Дважды мне пришлось сбивать мечом пролетающих нахуте, а когда один съельсин спрыгнул на нас с коллайдера, я взмахом клинка отсек ему ноги.

Трамваи стояли перед нами: два коротких вагона на магнитном рельсе, проведенном под коллайдерами. Вагоны были уродливыми, угловатыми, совершенно не аэродинамичными. Их изготовили из той же оружейной бронзы, что и большинство конструкций самого завода. Я пробежался взглядом вдоль рельса, который шел по прямой до арочного отверстия во внешней стене цеха и скрывался на горизонте.

– Еще чуть-чуть, – подбодрил Бандит раненого.

– Начинайте посадку! – скомандовал я Паллино, подкрепив приказ активными жестами.

До прибытия флота оставалось еще минут сорок. Если удастся добраться хотя бы до ближайшей промежуточной станции, мы будем спасены. Наш авангард уже набивался в открытые двери трамвая. Бандит дошел до вагона и передал раненого в руки двух легионеров, а сам развернулся, чтобы их прикрыть.

– Мы готовы, – сообщил техник, который ранее отключил ускоритель частиц.

– Садись в первый вагон и поезжай! – крикнул я Бандиту.

Он кивнул и вскочил в вагон. Я подбежал ко второму и обернулся. За мной следовал еще добрый десяток легионеров, растянувшись на полсотни ярдов. Их нагонял небольшой отряд Бледных. Одни съельсины раскручивали нахуте, словно боласы, другие спешили, едва не волоча по полу длинные руки.

Вдруг раздался крик, похожий на металлический скрежет, настолько громкий, что я почувствовал вибрацию не только подошвами, но и грудью. Я застыл на месте, понимая, что этот крик возвещает о появлении нового злодея. Съельсины метнули летучих змеев, и гоплиты открыли огонь. Один нахуте вспыхнул и рухнул на обшитый металлом пол. Другой нагнал замыкавшего процессию солдата и сбил с ног. Я дернулся, чтобы броситься на помощь, но меня остановил Паллино.

– Поздно, Адр! – воскликнул он, крепко сжимая мою руку.

Я услышал, как позади первый трамвай с громким ударом снялся с тормоза. Весь цех содрогнулся, вибрация разнеслась по трубопроводам, когда включились электромагниты. Оглянувшись, я заметил Бандита за закрывающейся дверью трамвая. Старый ассасин не стал отдавать честь, лишь легонько взмахнул двумя пальцами левой руки – остальные по-прежнему сжимали один из его излюбленных кинжалов. Затем он скрылся, а с ним и половина наших солдат беззвучно умчалась вдаль – трамвай почти мгновенно развил скорость в триста миль в час. За считанные секунды вагон достиг арки в стене и вскоре превратился в маленькую черную точку, стремящуюся к горизонту... и спасению.

Все конструкции цеха задрожали от металлического визга, и даже Бледные замерли как вкопанные.

– Живее! Черт бы вас побрал! – ругался Паллино, подгоняя солдат.

Вдали среди надвигающейся орды я заметил бледный силуэт. Как обычный сьельсин, но выше и уже, с серебристым шипастым венцом на гладкой голове-башне.

– Не может быть! – вырвалось теперь у меня.

генерал-вайядан Хушанса, широко раскинув когтистые руки, возвышался над своими бойцами, как валун посреди темного русла реки.

– Думал, только тебя невозможно убить? – произнесло существо прежним монотонным голосом и холодно рассмеялось.

– Еще одно? – спросил Паллино.

– То же самое, – помотал я головой.

– Но ребята Карима разнесли же его к чертям, – заметно напрягся хилиарх.

– Очевидно, нет.

Должно быть, сьельсинский генерал подал солдатам сигнал, потому что те расступились, позволяя командиру приблизиться ко мне. Вайядану пришлось наклониться, чтобы пройти под опорой, поддерживавшей коллаидеры, и даже так кончики его рогатого венца едва не чиркнули по металлу.

– *Marerose o-okun*, – произнесло существо, выпрямляясь. – Я же говорило: тебе не спрятаться.

– Адриан... – потянул меня за руку Паллино.

Вмешательство генерала позволило нашим легионерам без помех преодолеть несколько ярдов на пути к трамваю. До свободы было рукой подать.

– Адриан!

Настойчивость, с которой было произнесено второе «Адриан», заставила меня обернуться. С другого конца зала к нам приближалась вторая химера в шипастом венце, идентичная первой – и той, которую на лестнице убил Бандит.

Хушанс было двое.

– Хушанса Многорукое, – произнес я, переводя взгляд с одной копии на другую.

По мере того как я приглядывался, во мне раковой опухолью росло осознание. Существо, побежденное Каримом и его гренадерами не было Хушансой, как и те два, что стояли перед нами в цеху. Скорее всего, химера, атаковавшая нас при подъеме и погибшая во взорванном шлюзе центра управления, тоже не была одной из этих. Настоящее Хушанса где-то пряталось – может, в ангаре на шаттле или вообще на орбите. Эти тела – руки – были его тенями, его марионетками, воплощением его злобной сущности. В отличие от братьев Хушансы, в этих телах не было ни капли плоти. Среди вайяданов «Белой руки» не было двух одинаковых. Люди-маги, служившие сьельси́нам, сделали каждого согласно их потребностям. Иубалу было скрытным ползучим ужасом, Бахудде – тридцатифутовым великаном. Хушанса было призраком, перемещающимся из тела в тело, и способным одновременно управлять сразу несколькими.

– Понятно, – заключил я, поворачивая голову так, чтобы поочередно видеть обоих существ.

– Тебе не победить, – раскинула руки одна из копий. – Что тебе здесь понадобилось? Мы заберем топливо и взорвем эту планету с орбиты. Чего ты добился?

– *Sim yadanolo ne?* – спросил я, пряча под маской улыбку.

«Не догадываешься?»

У первого Хушансы раскрылось правое бедро, и генерал вытащил оттуда меч. Клинок вытянулся в полную длину – семь футов от рукояти до кончика, но в чрезмерно длинной руке хозяина все равно казался коротким. Всеми фибрами души я хотел броситься к трамваю, но понимал, что стоит мне повернуться спиной, как химера накинется на меня. Что-что, а одну вещь о металлических демонах, созданных учеными-предателями на Эринии, я знал наверняка: они были стремительны.

Я приказал мозгу успокоиться и мысленно отправился на островок невозмутимости позади эмоций – в пространство Тихого. Первое Хушанса устремилось на меня с мечом. Я отскочил с его дороги и оттолкнул Паллино. Второе Хушанса ожидаемо повторило тот же маневр, пытаясь схватить меня. Оба двигались быстрее самого быстрого смертного, но достаточно медленно, чтобы проникнуть сквозь энергетическую завесу моего щита. Клинок должен был пронзить мне грудь, как минимум – повредить доспех. Когтистые руки собирались вцепиться мне в плечи и ноги.

Но на каждый потенциальный исход, в котором им сопутствовал успех, приходилось столько же квантовых исходов, где они терпели неудачу. Вместо того чтобы вонзиться в меня, меч проходил сквозь, а когти хватали лишь воздух. Поймите: я не становился бесплотным. Я лишь замещал одну реальность другой. Меч Хушансы и моя грудь оказывались в одной точке вселенной, но благодаря особому дару Тихого я мог пожелать, чтобы они не встретились. В эти секунды вселенной пришлось смириться с парадоксом.

Я положил конец этой игре, шагнув в сторону, выйдя из зоны досягаемости клинка и когтей. Мой собственный меч сверкнул, разрубив керамический клинок врага и глубоко погрузившись в его коленный сустав. В отличие от устойчивого к высшей материи доспеха, суставы химер были из обычного металла. Нога подломилась, и один великан споткнулся, обрушившись на другого.

– Садись! – крикнул я Паллино и буквально втолкнул его в трамвай.

Но сам я оступился на входе; голова кружилась от мысленных усилий, которые только что пришлось совершить. Меня затошнило и едва не вырвало прямо в шлем.

«Это пройдет», – сказал я себе и втиснулся в вагон следом за Паллино.

Позади двое Хушанс безуспешно пытались расцепиться. Сьельсинские солдаты метали в нас нахуте. Я развернулся и ударил по красной кнопке, которая беззвучно активировала гидравлический привод дверей.

– Заводи, черт поberi! – прошипел я в передатчик.

Тошнота уже отступала, в голове и перед глазами прояснялось – лишь кровь по-прежнему тупо стучала в ушах.

Солдат, поставленный вести трамвай, послушался, и я почувствовал слабое гудение электромагнитов. Мы двинулись мягко, как корабль на зеркальной водной глади. В алюминостекло было видно, как раненое Хушанса поднимается на ноги. Шипастая голова-башня крутнулась, заметила нас скрытой оптикой. Мы уже ехали со скоростью полсотни миль в час.

Химера побежала.

Пользуясь длинными руками как дополнительной парой ног, мерзкое создание помчалось за нами по трамвайной платформе с резвостью, неподвластной живым существам. Мы ускорились, но химера неумолимо приближалась.

– Черная Земля... – выругался кто-то.

Платформа кончалась. Впереди был арочный проем в стене цеха, который мы должны были миновать через считанные секунды. Дальше абсолютно прямой рельс тянулся над пустыней и безвоздушными равнинами Вирди Планум, скрываясь за горизонтом.

– Отступите! – крикнул я, проталкиваясь в заднюю часть вагона.

Хушанса прыгнуло. Благодаря массе и высокой скорости оно пролетело как ракета, и вагон зазвенел от удара, словно колокол. Я припал к борту и успел лишь заметить белый торс твари за задним стеклом. Хушанса уцепилось за вагон, словно какое-то гигантское насекомое.

По вагону прошла приглушенная вибрация, и он содрогнулся. За окнами мелькала мрачная черная пустыня. Мы покинули территорию завода, скорость трамвая приближалась к максимальной. Орда сьельсинов осталась далеко позади.

– Где оно? – заскрежетал я зубами, пытаясь понять, куда подевался враг.

Я вытягивал шею, наугад выглядывал из окон. Новый толчок раздался у меня под ногами. Я представил, как химера ползет под днищем вагона, и на мгновение подумал о том, чтобы ткнуть в пол мечом. Наверху под коллайдерами мелькали фонари, отмечая милю за милей, пока мы все быстрее уносились от завода.

Промых был смерти подобен.

Вагон вдруг затрясся, и вся конструкция вокруг нас устрашающе закрипела.

– Теряем питание! – закричал водитель.

Магниты, расположенные вдоль рельса, отключились. Трамвай потерял скорость и остановился, по инерции пройдя еще участок рельса. Станции было не видать, а позади завод маячил бледным размытым пятном на горизонте. Сыпля проклятиями, водитель тщетно колотил по кнопкам.

Вагон тряхнуло от нового толчка... и мы упали, полетели вниз с рельса, словно канувший в воду камень. Низкое притяжение было нам на руку, и кто-то успел крикнуть, чтобы все приготовились к удару. Вагон рухнул в песок и подскочил; все перевернулось с ног на голову. Я ухватился за поручень и не отпускал его, радуясь, что гелевый амортизатор доспеха защищает мои суставы. Но я все равно ударился о потолок. Мы с солдатами были как сельди в бочке. Вагон кувыркался по пустыне, вздымая песок и пыль.

Прокатившись несколько сот ярдов, мы наконец остановились вдали от серебристой вереницы адронных коллайдеров.

– Откройте двери! – скомандовал я. – Нужно выбраться, пока тварь не проникла внутрь!

Если бы химера залезла в разбитый вагон, мы превратились бы в фарш за считанные секунды.

Треть легионеров растянулась на сиденьях и сером полу – то ли мертвые, то ли контуженные. Доспехи должны были защитить их, как защитили меня, но я не мог судить об этом на глаз, а времени проверять каждого не было. Вагон остановился под таким углом, что к выходу нужно было карабкаться. Двое солдат открыли двери, и гоплит выскочил на песок с копьем наготове.

Куда подевалось Хушанса?

– Свяжись с другой группой, – приказал я солдату. – Передай, что случилось.

Я ненадолго задержался на пороге, осматривая песок. Наверху, словно гигантский акведук, мерцала вереница коллайдеров, единственный памятник цивилизации в этих краях, грациозно протянувшийся в двух направлениях к вечности.

Какое расстояние мы успели преодолеть за столь короткий срок и насколько быстро?

В голове еще звенело от удара. Я потерял счет времени: сколько оставалось до прибытия флота?

И где Хушанса?

Я прыгнул на песок, радуясь тому, что на Эйкане слабое притяжение. Иначе наше падение окончилось бы куда трагичнее.

– Видишь его? – спросил один солдат другого, вглядываясь в горизонт и готовясь в любой миг пустить в ход копьё.

– Может, рядом с рельсом упало? – почти беззаботно ответил легионер.

Остальные постепенно выбирались из разбитого трамвая, здоровые помогали раненым. Несколько человек получили переломы; кому-то просто не повезло, кого-то подвели комбинезоны. Наше падение оставило большой шрам на поверхности Вирди Планум – черную рану длиной в несколько десятков ярдов. Без ветра здесь было как-то неестественно. Ничего не горело. Не было дыма, не пахло паленым.

– Милорд! – воскликнул один солдат, указывая в направлении коллайдеров.

Под арками стояла высокая белая фигура, и даже издалека я мог различить венеч Хушансы. Через сотни ярдов мои глаза встретились с его оптическими сенсорами, и я знал, что оно тоже меня видит.

Я снова ухмыльнулся и вскинул левую руку, подчеркивая приказ:

– Все назад!

Скорость Хушансы позволила бы ему убить всех подвернувшихся на пути солдат.

– Ему нужен я.

У него был приказ по возможности не убивать меня. Его злобному хозяину я нужен был живым. Но в то же время из всех солдат я был приоритетной целью.

Другие его не интересовали.

Металлическое чудовище сдвинулось и поскакало к нам по равнине, пользуясь всеми четырьмя конечностями, как обезьяны из утраченных джунглей Земли. Я принял низкую стойку, правой рукой держа неактивированный меч.

Было тихо и спокойно, и мое особое зрение включилось с легкостью, игнорируя пульсацию крови в ушах.

Хушанса размножилось, как ранее мое отражение, превратившись из существа в квантовую волну, хлынувшую на меня как девятый вал. Я выжидал, наблюдая, как сходятся в одной точке различные вероятности – как осколки стекла собираются воедино в обратной съемке. Тело генерала-вайядана было покрыто адамантовым доспехом, неуязвимым к моему джаддианскому клинку. Неуязвимым... за исключением тех редких мягких элементов, где титановый эндоскелет не был прикрыт броней. Я мог миллиард раз ударить по нему мечом – и миллиард раз не нанести урона.

Чем ближе был враг, каждым прыжком преодолевавший десяток ярдов, тем меньше у меня оставалось вариантов. Слепляющая боль пронзила глаза, и я потерял концентрацию. Целые фрагменты спектра исчезли, замылились от чрезмерных попыток объять бесконечность простыми человеческими органами чувств.

«Побыстрее бы это закончилось», – подумал я и стал ждать, не убирая пальцев с двойного активатора меча.

Рука была слегка отведена назад, нога выставлена вперед. Я знал, что найду способ – один из миллиарда – ударить точно в цель.

Демонический генерал достиг меня и прыгнул, протянув ко мне когти.

Я нажал на активатор, и жидкий металл расцвел, засиял ярче внимательных звезд. Один выпад – и все вероятности сошлись в чистый, звонкий миг единой совершенной реальности.

Клинок вошел в ногу Хушансы снаружи колена и разрезал ее. Двинувшись вверх, он дотянулся до шарнирного бедренного сустава химеры и рассек левую ногу до самого паха, после чего продолжил движение и отрубил левую руку по локоть. Разрубленный великан рухнул передо мной в песок. Мой клинок завершил свой путь. Я стоял неподвижно. Победоносно.

Солдаты вокруг радостно закричали.

– Полусмертный! – восклицали они. – Марло! Марло!

Я медленно повернулся и увидел, как верхняя часть туловища Хушансы пытается приподняться на одной руке. Угрожать ему не было смысла – это тело изначально не было живым. Мозг и прочие органические ткани были в другом месте. В этом механическом корпусе находилось лишь эхо, призрачная копия Хушансы. В последней отчаянной попытке достать меня машина выпустила из плеча гарпун, но потеряла равновесие, и тот прошел мимо.

– Это тебе не поможет! – раздался в динамиках голос вайядана. – Рано или поздно мы до тебя доберемся. Ты попадешь к нам в руки. Так сказал шиому.

Пророк.

Я остановился в пяти шагах от увечного великана. Химера оперлась на единственную уцелевшую руку и с вызовом вскинула голову.

– Вы проиграли. *Kianna!* – Существо издало пустой пронзительный звук, который заменил сельсинам смех. – Беги к своему императору и передай, что вы проиграли. Эта планета – наша.

– Вот как? – парировал я и сделал еще шаг, чтобы показать, что не боюсь. – Это ты ползи к своему и передай, что скоро я приду по его душу.

– *Tsuareu suh cadolo ni ne?* – снова рассмеялось Хушанса.

«Все думаешь, что можешь победить?»

Я отошел и дал отмашку левой рукой.

Солдаты поняли сигнал. Два гранадера обстреляли останки генерала. Тело-марионетка разлетелось в фиолетовом фейерверке, в сиянии которого моя тень раскинулась далеко на песке.

Дальше – тишина.

Оставалось ждать. Вскоре в небе вспыхнуло и почти сразу погасло новое солнце. Затем еще одно. Третье затмило звезды, одну за другой. Флотилия прибыла строго по расписанию. Спустя немного времени в небе появились шаттлы и лихтеры и обстреляли производственные корпуса. Мы дожидались помощи в пустыне, наблюдая непродолжительный бой за Эйкану. Коллайдеры были нейтрализованы, и наши войска без опасений смогли взять завод.

Наконец, вместе с настоящим солнцем, поднявшимся над Вирди Планум, на горизонте появился похожий на наконечник стрелы силуэт «Ашкелона». Он приземлился в сопровождении двух шаттлов, откуда выскочили Бандит и медики. Лишь тогда ко мне подошел юный Леон.

– Как у вас все это... – он обвел рукой останки третьего или четвертого тела Хушансы, коллайдеры и далекие очертания завода, – получилось?

Никакого тебе «милорд», никакого «сэр».

– Я уже говорил, – ответил я, – в некоторых слухах есть немалая доля истины.

Глава 4. Несс

После моей смерти на «Демиирге» навязчивые сны преследовали меня даже в фуге. После Анитьи, после дней, проведенных на вершине другого мира, я заново переживал во снах все, что видел. Тихое открыло мне время, вложило в мою голову прошлое, настоящее и все варианты будущего. Целые вселенные событий столь невероятных, что их невозможно отличить от сна. Я отпил из этих вод и как будто выпил целый океан – проглотил, но не удержал и выплюнул обратно.

Ко мне возвращались фрагменты общего видения, звуки и образы, ощущения, отложившиеся в бессознательных механизмах моего слишком человеческого мозга. Я был скован по рукам и ногам и хромал, будто старик. Меня окружали сельсины, глядя лицами без масок и сверкая черными прозрачными зубами. Стражники подгоняли меня копьями. Впереди половиной яйца возвышался черный купол, на ступенях которого дожидался силуэт в черно-лазурном одеянии, увенчанный серебряной короной.

– Ты же знал, что до этого дойдет, родич, – заявило Сириани Дораяика, буравя меня черными глазами, и, подняв когтистую руку, указало на небо. – Время на исходе.

Я проследил за жестом – и закричал.

– Адриан!

Темнота.

Свет.

Холодная сухая рука на щеке. Запах дыма и сандалового дерева.

– Валка...

Мы были в постели. Она включила лампу – вычурную, из цветного стекла – и приподнялась на локте. Я не сразу вспомнил, где нахожусь. Глаза блуждали вдоль резных балок и по потолку с лепниной, останавливались на деревянных пилястрах, джаддианских коврах и высоких окнах, выходивших на балкон и сады.

Поместье Маддало. Сананна. Несс.

Старинная вилла некогда была аббатством, где еще до прихода Империи на Несс жили монахи – последователи Сиды Артура. Она примостилась на утесе над деревнями, окружавшими крупный город Сананну. По ночам высокие шпили и циклопические постройки сухих доков, достигавшие мили в высоту, искусственно подсвечивались, а в воздухе раздавалось пение цикад. Ласковый ветер колыхал пышные кипарисы, окружавшие пасторальные сельские дома, напоминая мне о родных краях.

Родные края.

Эта вилла уже семьдесят лет была моей тюрьмой – пусть золотой, но все-таки клеткой. Капелла двадцать лет пыталась осудить меня за измену и ересь, но за все эти годы так и не смогла ничего доказать. Подлинность собранных ими и запрещенных к показу по галактической инфосети записей чуда, случившегося со мной на Беренике, оставалась под сомнением, а мои защитники-схоласты рьяно боролись с инквизицией. В конце концов Капелла настолько отчаялась, что пошла по стопам Августина Бурбона и императрицы и заказала мое убийство. План провалился – а с ним и суд. В качестве компенсации – а также из-за того, что я доставил слишком много хлопот императору, – меня сослали на Несс, столичную планету магнархии Центавра. После потери Вуали Маринуса центр военных действий переместился в рукав Центавра, и Несс был для меня логичным пунктом назначения. «Тамерлан» поставили на орбиту, а всю команду, за исключением Валки, заморозили. Валке же позволили все последние десятилетия жить со мной в моей уютной тюрьме.

Император сослал меня сюда, чтобы держать подальше от неприятностей, от Форума и широкой публики. Если бы фактически я не был пленником, мне бы здесь даже понравилось.

Если бы не дурные сны.

– Что с тобой? – спросила Валка, глядя мою щеку татуированными пальцами.

Я не ответил, и она догадалась:

– Опять плохой сон?

Кивнув, я сел; не одеваясь, вылез из постели и молча прошел по пушистому ковру к умывальнику, чтобы набрать стакан чистой воды.

– Не про Эйкану? – уточнила Валка.

– Нет, – хрипло сказал я.

С тех пор как мы на «Ашкелоне» вернулись с Эйканы, прошло три недели. Я закончил докладывать секретариату магнарха и Разведывательной службе легионов и теперь наслаждался кратковременным отпуском на вилле.

– На Эйкане ничего особенного не произошло.

– Тогда что тебе приснилось?

Не поворачиваясь, я почувствовал, что Валка качает головой.

– Да ничего нового, – ответил я, а сам подумал: «Время на исходе».

Этот сон я видел уже тысячу раз; видел, как иду в цепях к черному куполу, где меня дожидается сьельсинский Князь князей.

Схоласты утверждают, что память нам дана для того, чтобы ошибки прошлого предохраняли нас от беды. Обжегшись один раз, мы запоминаем, что нельзя играть с огнем. Как в таком случае толковать мои воспоминания о будущем – если они в самом деле были таковыми?

– Ты почти не спишь с того дня, как вернулся, – заметила Валка.

– Отчасти в этом виновата ты, – игриво ответил я, криво, по-марловски, улыбнувшись.

Она передразнила меня, так же криво изогнув губы. Раньше она улыбалась по-другому. Но червь, которого в ее разум подсадил Урбейн, успел натворить бед. Валка восстановилась после этого происшествия, но не стала прежней. Тут и там вмешательство мага оставило следы – будь то асимметрия некоторых мышц или слабое подрагивание руки.

– Тебя что-то беспокоит, – не отступалась Валка, откинув непослушную прядь красно-черных волос.

– Перерыв был длинным, – сказал я наконец.

– С тех пор, как ты последний раз сражался?

– С тех пор, как я последний раз видел этот сон, – ответил я, но потом все-таки добавил: – И это тоже.

Я проспал все девять месяцев, пока мы летели с Эйканы, и в кои-то веки сны решили не тревожить меня в крионической фуге.

– А еще я постоянно думаю о словах генерала: «Рано или поздно мы до тебя доберемся». Изогнутые брови Валки сомкнулись.

– Адриан, это не новость. Дораяика гоняется за тобой еще с Береники.

Я уставился в стакан с водой, что держал в руках, увидел в нем свое призрачное отражение и снова посмотрел на Валку. Если забыть про червя Урбейна, время было к ней благоклонно. Годы почти не оставили отметин на ее лице и теле, хотя она была тавросианкой, а не палатином. В уголках глаз виднелись тонкие морщинки, да линии, обрамлявшие улыбку, стали чуть глубже. Но темный огонь ее волос еще не был тронут морозной сединой, а когда она улыбнулась полноценной, не кривой улыбкой, то в ней вспыхнула старая искра, заставившая мое собственное лицо проясниться.

– Ты права. – Я пробежал по ней взглядом. – Конечно, ты права.

Я осушил стакан, чтобы таким образом скрыть необходимость собраться с мыслями, и добавил:

– Но я не могу взять и избавиться от этих... видений.

– Может, теперь это не видения, а просто сны, – сказала Валка.

В этом она тоже была права. Моя улыбка дрогнула. Если я верно догадался, если Тихое на той вершине показало мне абсолютно все время, то большинству предположений никогда не суждено сбыться. Многие из моих навязчивых видений – все равно что сказки, выдумки. Мне снилось, как я сижу на Соларианском престоле с принцессой Селеной или как работаю в поле с девушкой, похожей на Сиран. Иногда я стоял голым на торговой площади, а люди предлагали за меня деньги пирату Деметри, чтобы купить для участия в боях. Иногда мне снилась первая встреча с Уванари, только мы были не в тоннелях Калагаха, а посреди зеленого моря травы на какой-то плантации. Под небом Эмеша на моих руках умирал мальчишка по прозвищу Хлыст, но это был не тот Хлыст, которого я знал. И сам я погибал от клинка Гиллиама. И Уванари.

Ничего этого на самом деле не было и не могло быть. Но я это видел.

Из омута мыслей меня выдернул голос Валки:

– Адриан, пойдем спать.

Я не сразу ответил, продолжая перелистывать все мысли и не-воспоминания. Валка была права: многие из этих снов не могли случиться. Никогда.

Так почему конкретно этот кошмар заставлял меня просыпаться в холодном поту?

Взгляд зацепился за античные часы над камином. До рассвета оставалось совсем чуть-чуть.

– Мне уже нет смысла ложиться, – сказал я. – Утром встреча с магнархом.

Кароль Венанциан вряд ли соответствовал привычным представлениям о соларианских магнархах. Он не был ни бывшим офицером с грудью колесом, ни чванливым политиком. Верховный лорд всех земель в рукаве Центавра, один из трех человек во всей Вселенной, удостоенных титула магнарха, полномочный представитель императора более всего напоминал писаря. Худосочный и слегка сгорбившийся на шестой сотне лет, старый лорд Венанциан неплохо смотрелся бы в зеленой мантии схоласта. Но поверх своего бело-золотого камзола он носил соответствующую титулу вырвиглазную пурпурную полутугу, оставляющую обе руки свободными.

– Консорциум вовремя завершил поставки урана в провинцию Раманну, – сказал он, оглядывая посадочную площадку из окна нашего флаера. – Как только баржи с топливом придут с Эйканы, караван будет готов к отправке. Комендант Линч сообщает, что наши ниппонские друзья весьма довольны, что их завод остался в относительной целости.

Разговор о консорциуме «Вонг-Хоппер» и уране заставили меня вспомнить о доме. Вдруг какая-то часть этого урана добыта на Делосе или в его системе? Пожалуй, я мог бы прямо спросить об этом магнарха, но знать наверняка было не так интересно, как воображать.

– В «Ямато» рассчитывают вывести завод на Эйкане на полные производственные мощности через восемь месяцев. Это гораздо быстрее, чем мы полагали прежде.

Справа от меня в иллюминаторе виднелась ближняя верфь Сананны, возвышавшаяся на целую милю. На ее фоне меркли высочайшие городские небоскребы. Бледная башня напоминала мне о старой картине в Перонском дворце, изображавшей горящий Лондон под сенью колоссальных мексиканских пирамид.

Мне стало не по себе, и я обратился к магнарху:

– Существует вероятность, что сьельсины вернутся. Мы их одолели, но генерал скрылся и, несомненно, уже сообщил о неудаче своему хозяину.

– Безусловно, – кивнул магнарх, погладив острый подбородок. – «Ямато» пообещали удвоить охрану системы, но мы на всякий случай пришлем для поддержки легион.

– Неплохо бы отправить по легиону на каждый перерабатывающий завод в Центавре, – заметил я.

– Лорд Марло, – нахмурился магнарх, – не успели вернуться на планету, как уже зарывается? – Жесткий тон лорда Венанциана сразу заставил забыть о любых сравнениях с писарем. – Впрочем, вы правы. Нам неизвестно, какая информация могла попасть в лапы Бледных,

когда они вторглись на завод на Эйкане. Вполне возможно, что теперь вся наша топливная инфраструктура под угрозой.

– Весьма вероятно, – согласился я.

– Но вы же слышали новости о джаддианцах? – спросил Венанциан.

– Какие новости?

– Князь Алдия обещает прислать нам на помощь армию.

– Опять?

Джаддианцы кормили нас обещаниями еще с моего детства. С десятков раз казалось, что Княжества вот-вот пришлют свою армаду – тысячи кораблей и миллионы солдат, – но князья всякий раз отступались от своих обещаний. Вместо этого они снаряжали небольшие отряды вроде той разведывательной экспедиции, которую давным-давно привела на Эмеш губернатор-сатрап Калима ди Сайиф.

По выражению морщинистого лица магнарха я понимал, что он думает то же самое.

– Судя по всему, – ответил он не без ехидства. – С Форума сообщили, что наши джаддианские друзья уже отправили флотилию из двадцати тысяч военных кораблей под командованием князя Каима, внука князя Алдии.

– Каим дю Отранто? – Я удивленно вздернул бровь. – *Al Badroscuro?*

– «Темный полумесяц», – фыркнул Венанциан. – В жизни не слышал более глупого прозвища.

– Не стоит над ним потешаться, – заметил я.

Мне не доводилось встречаться с молодым джаддианским князем, я даже голограммы его не видел. Члены эали аль'акран, джаддианские палатины, никогда не появлялись на публике без масок, разукрашенных фарфоровых накладок, которые передавали выражение их лиц. Маски символизировали границу между человеком и его статусом, напоминали о том, что нельзя смешивать политику с личными эмоциями, – Впрочем, не мне делать выводы об этом. В результате и сам Алдия дю Отранто, и его воинственный внук были хорошо известны по всей галактике, но их лиц так никто и не видел – в отличие от нашего святого императора и его предшественников, глядящих на нас со множества портретов и золотых хурасамов.

– Безусловно, – ответил магнарх после некоторых раздумий. – В военном министерстве утверждают, что его армия насчитывает двести миллионов клонов-мамлюков.

Я почувствовал, как будто на мне самом была джаддианская маска, у которой отвалилась челюсть.

– Двести... миллионов? – неуверенно повторил я.

В горле вдруг пересохло. Это была невероятная прорва, почти равная общей численности Имперских легионов и личных армий больших и малых домов центаврийских провинций, вместе взятых.

Многие забывали, что клонирование – дубликацию – Капелла считала одним из смертных грехов. Джаддианцы завоевали независимость в первую очередь благодаря нелегальному созданию армий клонов, и до войны со сьельсинами эти же армии защищали восемьдесят одну провинцию Джадда от посягательств Соларианской империи. Если джаддианцы всерьез решились внести столь весомый вклад в военное сопротивление захватчикам, то с помощью клонов-мамлюков мы могли бы прогнать сьельсинов раз и навсегда.

– Демоны разбегутся, поджав хвост! – воскликнул Венанциан. – Однако нам придется несколько десятков лет подождать их прибытия.

Я кивнул, по-прежнему не в силах в это поверить. Джадд раскинулся на внешнем краю галактики, у самой дальней границы империи, в десятках тысяч световых лет от Несса и линии фронта.

– А мы можем им доверять? – спросил я.

Уж у кого у кого, а у меня не было причин сомневаться в джаддианцах, ведь моя злополучная экспедиция к Воргоссосу началась благодаря помощи сэра Олорина Милты и его сатрапа, но от одного упоминания такого количества воинов кровь стыла в жилах.

Наш флаер замедлился над посадочной платформой на верху сухого дока.

– Князь Алдия – закадычный друг его величества, – ответил магнарх, откидываясь в кресле. – Думаю, опасаться нечего. Мы усилили набор рекрутов во внешних провинциях. Император хочет, чтобы к концу века наша пехота не уступала в численности джаддианской, не говоря о кадрах для флота, которые нужно будет подготовить и распределить на новые строящиеся корабли.

Вскоре наш шаттл приземлился, и лорд Венанциан поднялся с кресла. Я сопровождал его в ходе инспекции строительства нового дредноута. Нареченный «Охотником», этот стомильный корабль должен был стать одним из крупнейших в имперском флоте, способным потягаться даже с «Демиургом» Кхарна Сагары и кораблями-странниками Возвышенных. Каркас собирался на орбите одного из пяти спутников Несса, а большинство деталей – на Земле, где притяжение скорее помогало, нежели мешало строителям. Постепенно компоненты поднимали в космос с помощью невероятно длинных кабелей и уже там устанавливали на корабль.

Помощники магнарха, логофеты в серых одеждах и схоласты, молчавшие весь полет, поспешили вниз по трапу. Мы с верховным лордом шли следом.

– И как вам ваш временный отпуск, лорд Марло? – спросил вдруг магнарх, остановившись внизу трапа.

– Что, ваша светлость? – сказал я, вставая рядом.

День выдался погожим, и даже здесь, наверху, ветер едва ощущался. Мои темные волосы полезли в лицо, и я пригладил их назад.

– Эйкана, – уточнил он. – Вы ведь безвылазно провели здесь... кажется, семьдесят лет?

– До Эйканы – шестьдесят восемь, – ответил я.

Магнарх Центавра был стар, сед и сух, но тем не менее смотрел на меня свысока – я был выше обычных людей, но низкоросл для палатина. Я вздернул подбородок, не сомневаясь, что вся наша встреча затеяна ради того, чтобы магнарх – мой тюремщик – мог задать этот вопрос, и сжал кромку черного плаща с такой силой, от которой обычные кости заныли бы.

– Я всю жизнь служу Империи и твердо намерен продолжать.

– Кое-кто из моих советников был уверен, что выпуститесь в бега, – признался магнарх, разглаживая пурпурную тогу рукой, на которой красовалось одинокое кольцо.

Несмотря на теплое солнце, я почувствовал леденящий кровь и душу холод.

– Сожалею, что разочаровал их, – ответил я, почувствовав вспышку давнего марловского гнева.

– Мне бы не хотелось спускать на вас собак.

Это была неправда. И не фигура речи. Магнарх был известен тем, что в редкие дни отдыха ездил с гончими в горные леса к северу от Сананны и охотился на лис и десятилапых мохнатых саламандр – исконных обитателей этой планеты.

– Уверен, им бы понравилось за мной гоняться, – хладнокровно ответил я и слабо улыбнулся, показывая, что это всего лишь шутка.

Лорд Венанциан не отпустил бы меня на Эйкану, если бы у него был выбор. Мой отряд был единственным, способным в краткие сроки добраться до завода и освободить его. Единственным, в наличии у которого были достаточно быстрые корабли и готовые солдаты.

– Не сомневаюсь! – столь же хладнокровно ответил магнарх.

Захотелось ему врезать. Этот негодяй настоял на том, чтобы Валка осталась на вилле Маддало, зная, что это предотвратит только что описанный им сценарий. Даже намек на то, чтобы сбежать без нее, был оскорблением, в ответ на которое я бы с радостью выбил ему зубы.

- Я счастлив верой и правдой служить императору, – сказал я вместо этого, подкрепив слова строгим коротким поклоном, который мне в далеком прошлом показал учитель танцев.
- Хорошо! – ответил лорд Венанциан. – Он будет рад услышать это, когда придет.

Глава 5. Солнце у горизонта

Звук серебряных труб наполнил небо над посадочной площадкой. По обе стороны выстроились бесчисленные солдаты в красно-белых доспехах, на ветру развевались гребни из конского волоса и плюмажи. Держа в руках жезлы с оттисками имперского солнца, они так неподвижно стояли под белыми знаменами, что их можно было легко принять за статуи.

Можно было – если бы я не чувствовал, как их взгляды прикованы ко мне и остальной процессии, следовавшей за старым магнархом к золоченому фрегату, который, словно дракон, опустился перед нами.

Императорский «Лучезарный рассвет».

Во главе процессии шагал Кароль Венанциан в сопровождении двух ликторов в бронзово-белых доспехах своего дома и плащах с пурпурной каймой, символизирующей их службу магнарху. Валка шла рядом со мной в строгом черном кружевном платье, полностью закрывавшем ее правую руку, но оставлявшем открытой левую, татуированную. За нами шли высокопоставленные придворные магнарха, его казначей и советники-схоласты, комендант Андерс Линч и директор сананнских верфей. Замыкали процессию две шеренги бронированных стражников со щитами и перемежающиеся колонны имперских легионеров в красно-белом и венанцианских солдат в бронзово-белом.

Наши с Валкой черные одежды выглядели совершенно не к месту. Кроме нас, в черное были одеты только клирики Капеллы, которых отличали высокие белые египетские шапки и такого же цвета стблы. Они выстроились позади нас на трибуне и вытягивали шеи, словно грифы-падальщики на насесте, чтобы лучше видеть происходящее.

Император прибыл.

Фрегат обдали охлаждающей жидкостью, и к бледно-желтому небу поднялись языки пара. Между ними появились похожие на зеркальных скарабеев рыцари-экскувиторы с высокими белыми гребнями на шлемах и в шелковых, развевающихся на теплом ветру плащах. Они двигались абсолютно синхронно, а в их нагрудниках отражалась наша процессия. Не дожидаясь, пока развеется пар, они выстроились в золотой сени корабля.

– К чему весь этот балаган? – вцепившись ногтями мне в руку, прошептала Валка на пантайском языке, которого не знал никто из присутствующих.

Вместо ответа я погладил ее ладонь. Валка была тавросианкой, и ни долгие годы, проведенные со мной, ни мучения, которые ей пришлось претерпеть от соотечественников, пока те изгоняли из ее головы деймона Урбейна, этого не изменили. Все наши имперские церемонии, помпезность, торжественность и демонстрация военного могущества для нее были не менее чужды, чем сельсины.

Словно отвечая на ее вопрос, трубы снова запели, и военный оркестр где-то вдали заиграл имперский гимн.

Наконец появился он.

Император не выехал к нам на летающей платформе или чем-то вроде этого. Нет, его императорское величество, соларианского императора Вильгельма Двадцать Третьего из дома Авентов вынесли в паланкине два десятка гомункулов-андрогинов в белых париках и белой униформе с имперской символикой. Сам император был облачен в доспех на римский манер, с нагрудником в виде мускулистого торса, украшенным имперским солнцем посреди сложенных крыльев и малых звезд. Доспех был тончайшей работы, из чистейшей белоснежной керамики, а вот руки его величества были красными. Император не носил латных перчаток, только алые бархатные церемониальные, и на каждом пальце, кроме одного, красовались золотые кольца и перстни.

На плечах был яркий парчовый плащ в тон его огненно-рыжим волосам, а голову венчала корона из живого золота. За императором появилось привычное сборище слуг и советников: зеленые схоласты, унылые серые логофеты, тянувшиеся за тронном подобно увлекаемым волной останкам кораблекрушения. Я втайне порадовался, что среди свиты не было принца Александра. Мне сообщили, что мой бывший сквайр в числе тех, кто отправился с его отцом с Форума, но либо сам император, либо кто-то из его советников мудро предпочел не привлекать принца на эту публичную аудиенцию.

Когда магнарх приблизился к трону, музыка достигла апогея, но тут же стихла, едва он упал на колени перед правителем. По нашей процессии как будто пробежала волна; один за другим мы преклонили колени – Валку, впрочем, мне пришлось для этого настоятельно потянуть за руку. Гомункулы остановились и опустили переносной трон на землю. Магнарх трижды ткнулся лицом в пушистый ковер, который расстелили перед Сыном Земным.

– Да благословит и хранит вас Земля, ваше сиятельное величество! – воскликнул он, разом превратившись из человека, угрожавшего мне чуть более месяца назад на посадочной площадке, в совершенно другое существо. – Добро пожаловать! Добро пожаловать на Несс. Надеюсь, ваше путешествие с Форума было легким.

Император поднял руку, вытянув два пальца в приветствии и благословении:

– Приветствую вас, магнарх. Должен заметить, что ваша планета оказывает нам более торжественный прием, чем прежде. – Кесарь обвел взглядом изумрудных глаз собравшихся солдат, оркестр и священнослужителей. – Постройка новых кораблей идет по плану?

Кароль Венанциан выпрямился насколько мог, не вставая:

– Ваше сиятельное величество, нам потребовалось время, чтобы решить проблемы на Эйкане, но мы рассчитываем наверстать за ближайшие пять лет...

Магнарх продолжил болтать, а я внимательно рассмотрел свиту за императорским тронном и отыскал среди унылых министров и зеленых схоластов знакомые лица. Я заметил квадратную физиономию сэра Грея Райнхарта, сменившего на посту главы разведывательной службы попавшего в опалу Лоркана Браанокка, и славного своими усами лорда Гарена Булсару, начальника министерства по делам колоний. Также мне на глаза попалась архиприор Леонора, исполнявшая обязанности императорского духовника. Она стояла за императором словно тень, пришитая к подолу его мантии. Рядом с ней эту самую мантию двумя руками в перчатках держал человек – если его можно было так назвать, – которого я часто видел при дворе, но никогда с ним не разговаривал. Это был один из императорских андрогинов, гомункул-евнух, специально выращенный, чтобы обслуживать императора, быть его лакеем и посыльным. На его лице не было ни волоска, как у всех андрогинов, но он не носил парика, а его белая форма отличалась от других наличием кроваво-алой перевязи, надетой наискось, как португез.

– Лорд Марло! – Голос императора прервал мое созерцание, и я склонил голову. – Надо понимать, мы снова у вас в долгу. Очевидно, даже в изгнании ваша польза почти безгранична.

Мне пришлось вспомнить все наставления Гибсона, чтобы сохранить стоическое выражение лица и не ухмыльнуться, подумав о том, как сейчас, должно быть, бесится про себя магнарх. Я не стал целовать землю – этого от меня и не ожидалось, – но и глаз не поднял.

– Благодарю вас, досточтимый кесарь.

Колыхнулись тени, и я догадался, что император встал, – и действительно, спустя секунду передо мной появилась пара белых сапог и рука в аллой перчатке с кольцами. Я взял ее и поцеловал, осознавая – и от этого несколько насторожившись – посыл, который был вложен в этот жест.

– Мы сожалеем, что не смогли помочь вам в судебных вопросах. Приятно видеть вас в добром здравии.

Подняв взгляд, я отпустил руку императора. Прикасаться к его величеству дольше положенного протоколом было бы опрометчиво. Я не знал, как ответить на эту ремарку. На попе-

чительство магнарха я попал по его собственному приказу. Когда нанятые Капеллой убийцы не смогли лишить меня жизни и тем самым положили конец многолетним судебным разбирательствам, не кто иной, как Вильгельм Авент, подписал распоряжение о постановке «Тамерлана» на прикол и моем назначении советником на Нессе.

«Ради вашей безопасности», – сказал тогда император.

Скорее чтобы не позволить мне ввязаться в новые неприятности.

В конце концов я выбрал нейтральный ответ:

– Благодарю, ваше величество.

Кажется, императора это устроило. Его взгляд вдруг метнулся в сторону, словно луч фонарика.

– А это, должно быть, ваша возлюбленная. Если не ошибаюсь, мы незнакомы.

Я удивленно моргнул. Мы с его величеством встречались более сотни раз, и почти всегда я был один. Казалось невероятным, что они с Валкой ни разу не пересеклись, однако... Красная бархатная перчатка протянулась к Валке для поцелуя. Та не отреагировала. На миг я почувствовал, как ее глаза выжигают мне голову, но оставил язык за зубами. Наконец, поняв, что иного выбора нет, Валка поцеловала императорские перстни.

– Досточтимый кесарь, – сказал я, мысленно представляя сцену, которую Валка закатит, когда мы вернемся на нашу виллу в Маддало, – это доктор Валка Ондерра.

Я не добавил топоним «Вхад Эдда». После битвы на Беренике мы с Валкой отправились к ней домой в поисках лечения. Лечение мы нашли, но клан Валки решил, что ей требуется переобучение – так они называли процесс избавления от чужеземных загрязнителей, попавших в ее разум за годы странствий среди варваров. В итоге демархисты собрались полностью ее перенастроить, стереть память с помощью запущенных в мозг машин и сделать из Валки абсолютно другую женщину.

Ей с трудом удалось сбежать.

Тем не менее имя зацепило какой-то переключатель в памяти императора, и он воскликнул:

– Точно! Тавросианка!

Отступив на шаг, император окинул взглядом компанию магнарха.

– Поднимитесь, – приказал он.

Мы встали, и Валка снова взяла меня за руку.

Тут андрогин – тот самый худой лакей, державший императорскую мантию и следивший за ее чистотой, – подошел и что-то шепнул хозяину на ухо. Кесарь положил руку ему на плечо и кивнул.

– Спасибо, Никифор, – сказал он и посмотрел на так и не поднявшегося с колен магнарха. – Встаньте, магнарх Венанциан. Покажите нам ваш прекрасный город и корабли, которые вы для нас строите. Прошу вас!

– Ваше величество, – ответил вельможа, поднимаясь с помощью ликтора, – если позволите, я приготовил для вас трамвай.

– Конечно, мой дорогой магнарх. Вы здесь хозяин. Ведите!

Они отошли в сторону, в то время как императорская свита двинулась вперед, прокладывая путь к составу, на котором мы должны были отправиться на пир во дворец магнарха.

Его величество много где побывал, и ему предстояло еще много странствий. За годы войны все успели привыкнуть к тому, что он редко выбирался из дворца в Вечном Городе. Он совершал кратковременные инспекции крепостей легиона, иногда посещал провинциальные столицы, раз или два приезжал на Несс – но последний раз делал это еще до моей экспедиции на Воргоссос, до того, как меня произвели в рыцари.

Несс был первой остановкой в путешествии, которое включало в себя порядка тридцати планет: Ванахейм, Авлос, Картею, Перфугиум... некоторые были стратегически важными

пунктами, другие были разрушены Бледными. После утраты контроля над Вуалью крайне важно было укрепить имперские территории в Центавре. Падение Маринуса было колоссальным ударом, поставившим крест на новых завоеваниях в Наугольнике.

Мы потеряли десятки планет.

– Нужно навести порядок на фронтире, – заявил его величество.

– Мы уже подготовили для вас отчеты о текущем положении дел, – ответил Кароль Венанциан.

– Хорошо, – кивнул император, но тон его был суровым. – Кароль, нам сообщили, что вам не хватает людей.

– Не то чтобы не хватает, ваше величество... – Магнарх, очевидно, нахмурился, хотя я и не видел его лица. – Но наш флот понес существенные потери. В хранилищах легиона на Гододине, Перфугиуме и так далее достаточно солдат, но без кораблей от них мало толку. Мы строим так быстро, как можем.

Его слова как бы подчеркивал бледный монолит верфи, на целую милю взметнувшийся над космодромом и производивший впечатление отчужденности, как бывает, когда смотришь на далекие горы.

– Съельсины стали использовать хитрые военные уловки, – сказал Венанциан. – За последние восемьдесят лет они уничтожили в этом секторе две верфи. Могли помешать и производству топлива на Эйкане, если бы я вовремя не среагировал.

– *Khun!* – тихо выругалась Валка и добавила, также на родном языке: – И чем же он отличился?

– Брось, – успокоил я ее.

– Марло!

Услышав свое имя, я обернулся.

С фрегата постепенно сходили остальные члены императорской команды. Привычные логофеты, схоласты, клирики Капеллы влились в процессию за императором, оставив военных советников в красных и белых беретах и черной форме офицеров флота замыкать ее. Пару человек я узнал – это были стратеги, заседавшие в совете разведки с Августином Бурбоном и Лорканом Брааном. Легаты – центаврийские командиры, прибывшие по приглашению императора, – были мне незнакомы.

Но кого я точно никогда и нигде ни с кем бы не спутал, так это трибуна Бассандера Лина.

Мандарийский офицер-патриций приковывал ко мне, тяжело опираясь на ясеневую трость и кривясь с каждым шагом. В битве против генерала-вайядана Бахудде на Беренике он переломал почти все кости, и даже лучшие имперские врачи не восстановили его былую подвижность. То, что он вообще смог ходить, многое говорило о достижениях нашей медицины. А то, что он не ушел с военной службы, многое говорило о характере Бассандера Лина.

– Лин! – коротко отсалютовал я ему. – Удивлен, что вы здесь. Думал, Четыреста тридцать седьмой уже далеко за Сетом.

Трибун ответил мне тем же приветствием:

– После Береники Четыреста тридцать седьмой переформировали. Сменщик Хауптманна убрал Леонида Бартоша и поставил командовать какого-то легата из Персея, о котором я слыхом не слыхивал. Меня перевели в Четыреста девятый.

– И как видно, повысили, – сказал я, заметив двойную звезду и дубовые листья, символизировавшие его новое звание.

Поздравлять Лина я не стал. Мы не были дружны – никогда не были. Я помнил его еще ершистым лейтенантом, когда мы вместе искали Воргоссос. Мирные переговоры со съельсинским кланом Отиоло сорвались отчасти из-за их с покойным Титом Хауптманном вмешательства, но не по их вине. Тогда я отказывался это признавать, но мир со съельсинами был невозможен. Каждая встреча с Лином напоминала мне об этом.

– Да, – дотронулся Лин до знака отличия свободной рукой. – Мелочь, а приятно.

Он заметил Валку и сказал, слегка поклонившись:

– Доктор... был рад слышать, что вас исцелили.

– И я была рада слышать то же самое о вас, – ответила Валка.

– Прогуляемся? – спросил Лин, кивая на процессию, уже растянувшуюся по всей площадке до трамвайной платформы.

Я предложил Бассандеру пойти первым, а мы с Валкой медленно двинулись следом за хромым офицером, не обгоняя его.

– Марло, как вам Несс? – вскоре откашлялся трибун.

Ни тебе «милорда», ни «сэра». В Бассандере Лине так и не ужились тот благоговейный ужас, что он испытывал к тому, кем я был сейчас, и то презрение, с которым он относился ко мне, когда я был юн. Он видел мою смерть на борту «Демииурга». И видел, как я вернулся.

– Тяжело, – ответил я, стрельнув глазами в затылок магнарха Венанциана.

– А я думал, вам здесь понравится, – сказал Лин. – До фронта недалеко, есть чем заняться.

– Если речь о том, чтобы указывать другим, чем заниматься, то безусловно.

– Здесь скучно, – вмешалась Валка. – Остальных наших друзей заморозили на орбите.

Я согласно кивнул:

– После Фермона император решил, что меня лучше отправить туда, где я не буду привлекать лишнего внимания.

– Тогда вас следовало запустить за пределы галактики! – заметил Лин, рассмешив Валку.

– Только его величеству об этом не говорите, – ответил я. – У него наверняка достаточно советников, которые считают точно так же.

Лин не ответил, и я добавил с намеком:

– Александр ведь тоже с вами?

– Принц-то? – сказал Лин, и его темные глаза встретились с моими. – Да. Его величество решил, что лишняя закалка ему не повредит.

– Закалка? – переспросила Валка, и по ее недвусмысленному тону я понял, что она думает о том же, что и я.

Александр по-прежнему был престолонаследником. По крайней мере, считался таковым. Он был одним из поздних детей, сто седьмым ребенком императора. Совсем еще юнцом. Старшие дети, вроде кронпринца Аврелиана, были уже почти столь же стары, как сам император. Если бы престол перешел к одному из них, то их правление стало бы недолгим. Александр был молод, хотя я не мог с точностью сказать, сколько ему было лет на тот момент, не зная, как долго он находился в фуге. Очевидно было, что император по-прежнему держал его в любимчиках.

Александр видел чудо на Беренике. Видел, как меня ударил съельсинский орбитальный лазер, не оставив на мне ни царапины, ни ожога. Боялся ли он меня по-прежнему, как его мать? Как имперские придворные «Львы»?

Как Святая Капелла Матери-Земли?

Лин помялся, прежде чем задать следующий вопрос.

– Правда, что Капелла пыталась вас отравить? – прошептал он мне на ухо едва слышно из-за гудения труб.

Я лишь посмотрел на него и ничего не сказал – но это было достаточным ответом, пусть и неполным. Капелла действительно подослала в мою камеру убийцу. Я заставил его самого принять яд. Эти подробности потерялись где-то по пути сквозь звезды. Я слышал, что в финальной версии этой истории Адриан Марло демонстративно выпил яд прямо на трибуне перед претором и судьями и отказался умирать.

Очевидно, трибун понял намек.

– Заходите к нам на виллу, – нарушила неловкое молчание Валка, опасаясь также, что нас могут подслушивать, и положила руку на плечо Лину. – На Нессе чем дальше от города – тем лучше.

В самом деле было небезопасно вести такие разговоры. Слишком много шпионов и внимательных камер.

– Весьма заманчивое предложение, – согласился Лин. – Но я предполагаю, что заседания комитета займут у нас с Марло довольно много времени. Вы же слышали про джаддианцев?

– Про князя Каима и его армию? – уточнил я. – Слышал.

– Император прилетел сюда не только для того, чтобы проверить ход строительства кораблей, – заговорщицки прошептал Лин. – Изначально этот визит планировался на обратном пути.

Во мне заиграло любопытство.

– То есть эта остановка не запланирована? – зашептал я в ответ.

Это объясняло, почему Венанциан так внезапно выложил мне новости и то, почему он был так раздражен, когда мы осматривали верфи.

– Он приказал поменять курс пять лет назад, чтобы сначала заглянуть сюда, – ответил трибун, качая головой.

– Пять лет назад? – удивилась Валка. – Зачем?

– Я знаю лишь слухи. Как-то подслушал разговор сэра Грея с моим командером.

– А кто ваш командер? – спросил я, не зная, насколько это важно.

– Сэр Сендил Масса, легат, – совсем тихо ответил Лин.

Мне этот человек был незнаком, хотя я помнил другого Массу из разведывательного отдела, приятеля Лориана Аристида.

– И о чем они говорили?

– В том-то и дело, – ответил Лин. – Они говорили, что император собрался сюда ради вас.

Глава 6. Старые шрамы

Из всех мест, где мне приходилось жить, поместье Маддало было близко к идеальному. Идеальным оно стало бы, если бы было не на Нессе, а на Колхиде. Построившие его несколько тысяч лет назад сид-артурианцы выбрали место на отроге гор, над поймой реки и огороженными пастбищами, протянувшимися среди холмов до самой столицы. Стены дома были из побеленного камня, а островерхие крыши поддерживались резными деревянными балками с изображениями, связанными с рыцарским культом.

Дом не мог сравниться с дворцами высоких имперских лордов, но был прекрасен в своей горделивой скромности. Между двумя крыльями бывшего аббатства прятался внутренний двор и сад камней, в котором некогда стояли наковальня и меч Артура-Будды. Когда Несс был завоеван Империей, это изваяние было убрано и переплавлено по приказу Капеллы. И до сих пор вилла хранила следы инквизиции: срезы на дереве, где раньше красовались лотосы или граали, окаменелый пенек – все, что осталось от священной смоковницы. Кое-где на стенах традиционные изображения заменили неуместными артефактами: чучелом головы буйвола, портретом обнаженной палатинской женщины на кожаном диване и уродливой бесформенной скульптурой, которая казалась мне обычным корявым куском бронзы.

Я распорядился убрать буйволиную голову и скульптуру, заменив их ангелами с крыльями летучих мышей, похожими на горгулий, охранявших дом моего детства в Обители Дьявола. А вот избавиться от картины мне не позволила Валка. Меня это ни капли не удивило: глядя на картину, я постоянно смущался, и Валку это забавляло.

Наше длительное пребывание здесь оставило свои следы. По обе стороны центральной лестницы стояли хоругви Красного отряда с трезубцами и пентаклями моей ветви дома Марло в обрамлении орнамента-лабиринта, напоминавшего о греческих корнях моей матери. В библиотеку – приземистую башню в юго-западном углу – перекочевали почти все книги с «Тамерлана», а также десятки моих дневников с белыми и черными страницами, наполненные зарисовками, стихами и цитатами, собранными за годы странствий.

В одной из верхних комнат Валка устроила рабочий кабинет. Туда переехали фототипы, распечатанные карты и данные исследований всевозможных руин Тихих, где ей довелось побывать. Она много лет отходила от потрясения, связанного с тем, что покрывавшие руины круглые анаглифы оказались вовсе не глифами, а трехмерными следами высокотехнологичных пространственных механизмов Тихих. Но она была ксенологом и, даже получив опровержение своей языковой теории, твердо намеревалась разгадать тайну, которой посвятила всю жизнь.

Вместе с виллой я получил в распоряжение нескольких слуг, из которых спустя семьдесят лет осталась только старая Анжу. Когда мы с Валкой только поселились в поместье Маддало, она была посудомойкой. Тридцать лет назад мы повысили ее до поварихи. Ей было уже столько лет, сколько плебеи обычно не живут, но она все равно каждый день поднималась ни свет ни заря и готовила завтрак для себя и остальной прислуги: садовника и двух горничных. Я частенько завтракал с ними, прежде чем отправиться на тренировку в зал в восточном крыле. Когда-то в этом зале раздавался звон мечей спарринговавших друг с другом сид-артурианцев.

Шарнирные манекены для фехтования и голографическая камера были единственными артефактами монахов, которые не выбросили или не переделали. По утрам, пока Валка еще спала после тихой ночной работы, я обычно вставал в центр фехтовального круга, и вокруг меня начинали плясать мишени с подвижными металлическими руками. Голографический проектор придавал этим мишеням человеческий облик. Сид-артурианцы запрограммировали его так, чтобы они изображали средневековых рыцарей в готических доспехах, шлемах с опущенным забралом и ярких вышитых плащах.

По сравнению с ними я выглядел убого: босой, по пояс голый, одетый в одни лишь фехтовальные брюки, я сжимал в руках меч и тяжелый жезл из стеклопластика. Четверо моих «противников» были вооружены мечами и булавами; голограммы точно покрывали каркасы манекенов, так что каждый рыцарь был как будто стальной пуповиной соединен с круглым устройством на потолке. Не знаю, как это приспособление прошло инспекцию Капеллы, и тем более не знаю, как оно могло работать без искусственного интеллекта. Однако оно работало, и железные рыцари ни разу не использовали одну и ту же тактику. Случалось, я подумывал о том, чтобы разобрать его, – шарнирные крепления слишком напоминали Возвышенных и полумеханических солдат-химер, составлявших основу армии Пророка, но так и не смог поднять на устройство руку. Капелла и без того достаточно навредила этому старинному дому, убрав отсюда все религиозные символы, и я не хотел вредить больше. Вдобавок я начал испытывать к фехтовальному тренажеру некую привязанность. Голограммы напоминали картины, которые моя мать рисовала для своих опер, и поэтому, находясь среди этих древних рыцарей в металлических доспехах, я представлял себя персонажем ее историй.

Первый рыцарь сделал колющий выпад, и его красный плюмаж низко опустился. Я парировал удар, провел меч сквозь защиту и уколол рыцаря под забралом. Голограмма погасла, и автоматон в ватном доспехе отступил, опустив тренировочный меч, после чего механизм поднял его высоко к потолку. Один готов. Я успел вовремя отпрыгнуть от удара второго рыцаря, чей голографический образ был облачен в сине-золотой плащ-сюрко с лилией, похожей на герб дома Бурбонов. Остальные тоже напали: один в черно-золотом доспехе, вооруженный массивной булавой, другой – в красноватом, со шлемом-бочонком, к которому под прорезями для глаз были приделаны похожие на усы щетинки. Отразив атаку черного рыцаря, я сделал широкий шаг в сторону, чтобы рыцарь оказался между двумя другими. Нужно было диктовать ход поединка, выманивать противников по одному.

Я отступал под жестоким натиском черного рыцаря, скользя босыми ногами по гладкому полу. Синий решил обойти меня с левого фланга, зажать в клещи. Я ринулся на черного, отбил в сторону булаву и с силой ударил в шлем, так что тот отозвался колокольным звоном. Рыцарь пошатнулся и припал на колени; металлическая пуповина закричала. Это позволило мне развернуться и отразить рубящий удар синего рыцаря. Усатый тоже занес свой двуручный меч, как палач над головой приговоренного. Я сделал выпад, держа острие меча строго прямо, и аккуратно отбил меч противника в сторону. Клинок ударил по полу; я вытянулся в струнку и пронзил иллюзорный доспех, уколол манекен в центр тяжести. Рыцарь растворился в воздухе, тренировочная кукла уехала к потолку, а вместо нее на арену вновь вышел первый манекен, на этот раз приняв облик не рыцаря с плюмажем, а древнего ниппонского самурая.

За это время черный рыцарь успел подняться и скоординировать свои действия с синим. Теперь они работали в паре. Их призрачные ноги бесшумно ступали по отполированному лазером полу, доспехи не гремели, как у настоящих рыцарей. Они напали одновременно, и, хотя мне удалось контратаковать черного в голову, голографический меч синего ударил меня по спине, оставив красную ссадину.

Огрызнувшись, я заблокировал ведущую руку синего рыцаря своей левой и почувствовал легкую боль, хотя кости у меня там были искусственными. Крутанувшись, я ударил противника в височную область. Поверженный рыцарь тут же ретировался. Быстрая победа над тремя соперниками позволила мне передохнуть; чтобы перезапуститься, им требовалось время, и я остался один на один с самураем. Я принял защитную стойку «бык»¹ – свою любимую еще с бойцовских ям Эмеша. Лицо древнего рыцаря под шлемом-кабuto покрывала устрашающая маска демона. Самурай двинулся на меня и рубанул. Я отразил удар, сместился вбок и почти попал самурая в глаз. Симулякр отступил и сменил стойку. Изогнутый клинок поднялся и

¹ Стойка, в которой боец удерживает меч горизонтально на уровне виска, а острие направляет в лицо противнику.

резко опустился. Я ослабил хватку, позволив мечу уйти с траектории противника. Самурай шагнул слишком далеко, открыв мне плечо.

В детстве я часто мешкал с ударом, когда сэра Феликс заставлял меня спарринговать с братом.

Теперь я ударил.

Четвертая голограмма померкла, и все четыре привода теперь вращались надо мной. Манекены болтались на них, словно не внушающие доверия плоды. Я медленно кружил внизу, наблюдая, как металлические автоматы опускаются на каменный пол и нацеливают на меня обитые палки, с помощью голограмм превращающиеся в стальные мечи древних рыцарей.

Я стиснул зубы и внимательно осмотрелся, оценивая ситуацию. На миг моя кривая марловская улыбка отразилась в зеркальном нагруднике рыцаря. Лицо при этом сохраняло серьезное, целеустремленное выражение, напоминая маску. Я был в превосходной форме, наверное лучшей, чем когда бы то ни было. Лучше уже не будет.

Первый рыцарь беззвучно похлопал клинком по ладони. Его соратники разошлись, окружив меня, как акулы – раненого пловца. Окруженный человек не может одновременно сражаться с четырьмя противниками. Обычный человек. Я крутился на месте, зная, что не успею за всеми без помощи моего особого зрения. Четыре превратились в восемь. Восемь – в шестнадцать. В тридцать два. В шестьдесят четыре. В сотни. Тысячи.

Они напали – и тут же исчезли; их вероятности утонули в непрерывном потоке времени. Я развернул руку, и один клинок просвистел мимо. Я крутанулся, отбивая другой, и своим мечом рубанул голема по плечу. Ни на миг не прекращая движения, я поспешил отступить из гущи противников, держа их на расстоянии вытянутого клинка.

Сколько раз в этом зале звенели наши мечи? Я по сей день прекрасно помню солнечный свет, пробивавшийся сквозь решетки на окнах, и приятный холодок полированного пола под моими огрубевшими пятками. Тысячи утренних тренировок уже были позади, а впереди оставалось совсем немного. Вскоре в поместье Маддало поселится тишина. Тишина и призрачная тень по имени Адриан Марло, которая однажды на этом самом полу сразится с улыбчивым сэром Гектором и едва сможет поднять свой меч.

Вдруг серебряный рыцарь ткнул мечом мне в лицо.

– Прервать симуляцию.

С почти ультразвуковым свистом приводы металлических марионеток остановились. Голографический меч серебряного рыцаря замер в считанных дюймах от моего лица. Я расслабился и, обернувшись, увидел в округлом дверном проеме Валку, одетую в свободную рубашку без рукавов и брюки галифе. Компанию ей составлял трибун Лин. Он опирался на трость и изо всех сил старался смотреть куда угодно, лишь бы не на глубокие уродливые шрамы, покрывавшие мою левую руку, – следы, оставшиеся после едва не ставшей смертельной встречи с клинком из высшей материи на арене форумного Большого колизея.

– Лин! – воскликнул я, не выходя из окружения голографических рыцарей. – Я совсем забыл о времени.

На трибуне была черная повседневная одежда, поверх которой он набросил шинель. Белый берет зажат под мышкой свободной руки.

– Я смотрю, вы и это сохранили, – указал он тростью на желтый флаг на дальней стене зала.

На флаге красовался черный восьмикрылый ангел с голым черепом вместо головы. Этот флаг принадлежал Мариусу Венту, самопровозглашенному адмиралу и диктатору, которого мы свергли по пути на Воргоссос.

– Это тот, что висел над ратушей, – ответил я, посмотрев на флаг. – Джинан... лейтенант Азхар сняла его во время празднования.

Мы с Джинан залезли на крышу вместе.

– А у меня остался его меч, – сказал Лин и похлопал по спрятанным под шинелью ножнам.

Оружие он хранил еще с Фароса, хотя не был имперским рыцарем. Я удивлялся, почему никто до сих пор не поставил ему это на вид.

– Они с арены? – спросил Лин.

– Что?

Я рассеянно повернулся, не успев вложить тренировочный меч в руку автоматону. Античные рыцари замерцали и ретировались, уехали под потолок, словно покидающие сцену куклы. Лин имел в виду мои шрамы. Обычно я прятал их под черной кожаной перчаткой до локтя.

– Да. Напоминание о временах до последнего покушения Капеллы. Если они и дальше продолжат в том же духе, рано или поздно им повезет.

– Не говори так! – воскликнула Валка.

Я развел руками. Благодаря демархистским имплантатам Валки мы были уверены, что дом не прослушивается. Одной из причин, по которой я выбрал в качестве резиденции поместье Маддало, была его древность. То, что здесь когда-то располагалось аббатство, означало, что вилла плохо соединена с планетарной инфосферой – а то и вовсе не соединена. Никаких электронных замков на дверях и окнах, никаких камер, никакой внутренней системы связи. Если бы поблизости находился какой-нибудь передатчик, нейронное кружево Валки сразу бы его заметило.

– Лин, как вам Несс? – спросил я, подходя к нему. – Магнарх радуется приятными беседами?

Я сам присутствовал на нескольких встречах лорда Венанциана с его величеством, где обсуждалась логистика императорского турне по внешним провинциям. Ужасно унылые мероприятия.

– Неплохо, – пожал плечами Лин. – Вам, очевидно, здесь вполне комфортно.

– В доме-то? – Я оглянулся на тренировочный зал и высокие узкие окна, выходявшие на двор и английский сад, притаившийся за живой изгородью. – Этот дом – единственное удобство в моей тюрьме, которое меня радует. Не считая сокамерника.

Валка закатила глаза.

Лин подошел к окну, чтобы тоже взглянуть на сад, и сказал:

– Тем не менее могло быть хуже. По правде говоря, я удивился приглашению.

– Мы же упоминали об этом, когда вы прибыли, – вмешалась Валка.

– Да, но... – Не оборачиваясь к нам, он расправил плечи, оглядывая зелень внизу, и забарабанил пальцами по набалдашнику трости, как делала старая Райне Смайт. – Мы не всегда находили общий язык.

Я вдруг сообразил, что барабанил он пальцами той руки, которую я когда-то отрубил. Повисла неловкая тишина.

– Война затянулась... – добавил Лин, и его голос прозвучал натянуто, устало, выдавая возраст трибуна – несколько сот лет.

Он был патрицием, и фактически мы были почти ровесниками, но его менее знатная кровь старилась быстрее. Лин был уже немолод.

– Марло, я рад, что мы теперь на одной стороне.

К чему все это?

– Я тоже, Лин, – ответил я, не найдя других слов.

– А ведь я так и не поблагодарил вас за то, что вынесли меня из боя на Беренике.

– Не сто́ит, – сказал я, накинув на плечи полотенце.

– Сто́ит, – резко выдохнул трибун, повернувшись ко мне.

Выслушивать слова благодарности от Бассандера было некомфортно, и я попытался перевести разговор в другое русло:

– На Беренике пришлось тяжело.

– Что случилось с вашими ирчтани?

Почти две трети войска ирчтани погибло в решающем налете на Бахудде и таран, отправленный сельсинами против нашей крепости.

– Они получили новое назначение, – ответил я. – Барда, их командир, отправился, кажется, на Зигану. Солдаты с ним. – Я переступил с ноги на ногу и сложил руки, словно оправдываясь. – Все больше их сородичей обучается, чтобы сражаться за нас.

На похоронах Удакса и других погибших ирчтани я пообещал Барде и его народу свое покровительство, но почти ничего не сделал, чтобы выполнить это обещание. Меня терзало чувство вины.

– Пожалуйста, мне нужно переодеться; скоро вернусь.

Я удалился в спальню, быстро вымылся и надел белую тунику со свободными рукавами, обычные черные брюки с ремнем и высокие сапоги. Пришлось немного повозиться с серебряными застежками кожаной перчатки, под которой я прятал шрамы. Мои лиловые глаза разглядывали отражение в зеркале. Рядом стоял античный умывальник. Когда-то он принадлежал Джинан – та по утрам и вечерам использовала его для омовений, как предписывал джаддианский бог огня. Когда мы расстались, умывальник остался у меня. В чаше я хранил всякие ценности. Мои кольца, одно из слоновой кости, другое из родия, третье – из желтого золота. Врученный мне Тихим осколок белой скорлупы, сияние которого вывело меня по рекам времени из Ревущей Тьмы. Серебряная генетическая филактерия в форме полумесяца – подарок Валки. Серебристый цилиндр, в который был помещен инертный пентакварковый резервуар меча из высшей материи, принадлежавшего убийце, подосланному Августином Бурбоном. Я вынул его, прежде чем отправить владельцу пустую гарду, чтобы тот знал, в чьих руках теперь его судьба. Сердечник я хранил с тех самых пор.

Чтобы не забывать, кем я был и кем не должен становиться.

Это напоминание шло рука об руку с тем, каким меня видел Бассандер Лин, с его благодарностью и благоговейным ужасом, что он испытывал передо мной.

Справившись с последней застежкой, я натянул поверх перчатки белый рукав. Отходя, я заметил блик света на серебристом припое, соединявшем две половины разбитого некогда умывальника. Я уронил его во время переезда на «Тамерлан», старый крейсер, подаренный мне императором. Его шрамы сияли так же ярко, как и мои, но их нельзя было прикрыть перчаткой.

Я подумал о Лине, переломанные кости которого были заново соединены с помощью старых проверенных инструментов, и о Валке, чей мозг едва не был стерт вирусом МИНОСа. Война оставила след в каждом из нас – таков удел тех, кто служит Времени.

Я встретился с Лином и Валкой в главном зале. Мы спустились по центральной лестнице, окруженной штандартами Марло, и я устроил Лину экскурсию по вилле и окрестностям. Мы болтали о всякой ерунде, изредка предаваясь воспоминаниям. Говорили о Райне Смайт, о Воргоссосе и более давних временах. Вспоминали Эмеш, сэра Олорина, Отавию Корво и других боевых товарищей, ныне спящих в ледяных склепах приколотого на орбите «Тамерлана».

– Большинство из них я последний раз видел еще до отправки на Фермон, – сказал я. – Паллино и Бандита отпустили со мной на Эйкану, а с Лорианом и Корво я общался по рации, но вообще меня к ним не пускают.

– И меня, – добавила Валка, развалившись в кресле.

Мы устроились за столом, который слуги вынесли в сад для ужина.

– Вина? – спросила она, доставая бутылку каркассонского голубого.

Как и в начале трапезы, от вина Лин отказался.

– Воды. – Он наполнил свой аметистовый кубок из такого же графина, как бы подчеркивая отказ. – Должно быть, нелегко быть отрезанным от друзей.

– Магнарх меня вообще не жалуется, – ответил я, доедая перепелку.

– Он чересчур... ревностно отстаивает свои убеждения, – пояснила Валка, заметив удивление Лина.

– Я тоже, – хладнокровно произнес трибун.

– Она хочет сказать, что лорд Венанциан считает меня безусловно виновным в ереси, ведьмовстве... и всех прочих грехах, которые инквизиция вменяла мне на Фермоне, – проглотив кусок перепелки, пояснил я и терпеливо дожидаясь реакции Лина.

Лицо мандарийского офицера не выдавало эмоций; он лишь сильно помотал головой:

– В это я не верю. Я был свидетелем ваших действий на Беренике и на том корабле... если бы вы были машиной или результатом каких-то экспериментов, инквизиторы бы об этом узнали. Подсылать к вам убийц не понадобилось бы.

Я невольно нахмурился. Те же доводы я неоднократно повторял себе по ночам, когда пробуждался от настойчивых сновидений. Если бы я не был человеком, Капелла бы выяснила. Но я оставался собой; что бы ни сделали со мной Тихие, они не переделали меня, как Кхарн Сагара переделал себя, обменяв одно тело на другое.

Ветер колыхал стройные кипарисы и ореховые деревья, под которыми в легких вечерних сумерках уже зажигались огоньки светлячков.

– Так в том-то и загвоздка, – ответил я наконец. – Для них было бы лучше, если бы я оказался виновен. Тогда им бы стало ясно, что со мной делать, и меня не сослали бы сюда. – Я обвел рукой сад, поместье Маддало и весь раскинувшийся под темнеющим небом Несс.

– Могло быть хуже.

– Пожалуй, – согласился я, отпивая вина.

– Вы сказали, что император здесь из-за нас? – перебила Валка, кладя ладонь мне на руку. – Вы слышали разговор сэра Грея Райнхарта с вашим легатом.

Хотя Лин уже успел нам многое сообщить, ему стало заметно не по себе. Он был легионером до мозга своих больных костей и распускать слухи, как кадет-новобранец, не привык.

Бассандер отставил аметистовый кубок и пошарил глазами по саду и лужайке, где тень его флаера разрезала закат. Он словно опасался, что корабль может подслушивать.

– Сэр Грей считает, что император хочет назначить вас государственным ауктором.

Я втайне порадовался, что успел опустить бокал, иначе непременно выронил бы его из рук.

– Меня? Ауктором?

– Что такое ауктор? – спросила Валка, переводя золотистые глаза с трибуна на меня и обратно.

– Это старинная должность, упраздненная после Джаддианских войн, – ответил ей Бассандер.

– После войны за Возничего, – поправил я.

За несколько веков я успел почти наизусть выучить «Историю Империи» Импатиана.

Повернувшись к Валке, я положил руку ей на колено и сказал:

– Вы, должно быть, шутите?

Но Бассандер никогда не шутил. Он и улыбался-то редко, насколько я мог судить за годы нашего знакомства.

– А конкретнее можно? – Валка опустила бокал и спрятала левую руку под столом.

Судя по напряжению плеча, у нее снова начался приступ неконтролируемой дрожи. Я успокоил ее жестом, но не успел ответить прежде Бассандера.

– Аукторы были полномочными представителями императора, можно сказать соимператорами. Их решения были равносильны решениям императора, они могли издавать приказы, законы, командовать войсками, – объяснил трибун.

– Их можно было назвать суррогатными императорами, – добавил я. – Прежние императоры назначали аукторов и посылали в провинции от своего имени. Это были тщательно отобранные, проверенные люди. Они вершили дела от имени императора, пока в этом была необходимость, а потом возвращались. После войн за Возничего император – какой-то из Титов – вместо аукторов ввел должности магнархов и наместников. Так Империя стала более стабильной и менее централизованной.

Валка кивала, правой рукой растирая левую.

– Думаете, он собирается возродить старую систему?

Лин пожал плечами:

– Как я уже говорил, пять лет назад он приказал изменить курс ради этой остановки. Зачем, если не для этого? – Он склонился над остатками еды в тарелке. – Будучи ауктором, вы станете выше Капеллы. Они больше не отважатся замышлять против вас. Вы будете в безопасности и сможете покинуть эту планету.

Я инстинктивно прищурился:

– А с чего вы взяли, что император хочет, чтобы я покинул эту планету?

– Если верить Райнхарту, император изначально был против вашей ссылки. Считал, что здесь от вас не будет толку, – ответил Лин и отпил из аметистового кубка.

Я поразмыслял над этим. Сэр Грей Райнхарт руководил Разведывательной службой легионов и был, что называется, в одном шаге от Имперского совета. Возможно, разговоры о моем назначении ауктором были лишь слухами, но слухи, распространяемые главой имперских шпионов, наверняка ближе других к правде.

Впервые за долгое время во мне затеплилась абсурдная надежда. Я сдержал кривую улыбку, спрятал ее, опустив взгляд в тарелку, и произнес:

– Ауктор. Ауктор.

В этом была логика. Нужен был веский повод, чтобы соларианский император приказал изменить курс целой боевой флотилии на сотню световых лет, существенно продлив срок своего отсутствия на Форуме. Назначение имперского ауктора, первого за девять с лишним тысяч лет, безусловно, было таким поводом.

Сумерки вдруг наполнились звонким смехом Валки.

– Ох, поглядеть бы, как это понравится твоему другу-магнарху!

Глава 7. Придворный демон

До получения приказа прошло несколько недель. Почти все время я проводил во дворце магнарха, принимая рапорты и доклады об инспекциях на верфи и в гигантской кубикуне, где спали тысячи наших солдат в ожидании трубного зова. Император говорил мало, реагируя на новости лорда Кароля Венанциана с напускной молчаливостью непреходящего монарха. По моему опыту, хорошие правители слушают больше, чем говорят. Такой была, например, Райне Смайт, да и мой отец – который при всей своей жестокости управлял префектурой с циничной эффективностью разумной машины.

Тянулись дни, и я начал подумывать, что распространенный Бассандером слух всего лишь слух. Не считая редких реплик на заседаниях, император уделял мне не больше внимания, чем другим советникам, как будто вовсе не я принес ему головы двух сьельсинских вождей и отрубил столько же пальцев «Белой руки» Сириани Дораяики. Как будто не я отказался умирать в Большом колизее, не я принял на себя огонь орбитального лазера перед Ураганной стеной на Беренике и остался жив. Теперь я понимаю, что его поведение было своего рода сигналом, напоминанием: какой бы важной птицей я себя ни считал – он был кесарем.

Но приказ пришел.

– Сюда, пожалуйста, – сказал мне императорский лакей, тот самый андрогин Никифор.

Гладкая лысая голова гомункула блестела под лампами, пока он вел меня по узкой лесенке к виадуку у святилища Капеллы, где у магнарха была личная часовня.

– Его величество просил, чтобы я проводил вас прямо к нему.

– Он в часовне? – спросил я.

– Его величество взял в привычку под вечер уединяться для молитвы и размышлений, – ответил Никифор. – Особенно в последнее время. Вы, должно быть, понимаете, что положение дел в провинциях угнетает его.

Я притормозил, пропуская Валку, – проход был слишком узким, чтобы двое могли пройти в ряд, – и сказал:

– Понимаю.

– Надеюсь, милорд, жизнь, проведенная на Нессе, пришлась вам по душе? – спросил лакей, очевидно, чтобы не допускать неловких пауз.

– Вполне, если забыть о том, что нас отсюда не выпускали! – ответила Валка.

Я схватил ее за руку, и она сердито уставилась на меня, едва слышно прошептав:

– Что?

Конечно, Никифор был всего лишь слугой, но приближенным к императору. Это означало, что он был также и ушами императора. Любое наше слово, вне всякого сомнения, достигнет кесаря без прикрас.

– Немного грустно возвращаться сюда после столь кратковременного отсутствия, – сказал я, имея в виду операцию на Эйкане.

Мне не позволили покидать «Ашкелон», и я не смог повидаться с Отавией Корво, Лорианом Аристидом и другими членами Красного отряда. Они участвовали в сражении на орбите, и наши имперские надзиратели ясно дали понять, что мне придется вернуться напрямик в провинциальную столицу. Возвращение было сродни резкому пробуждению: вот ты спишь, а вот ты уже проснулся и видишь перед собой серый суетный мир. А может, это Несс был сном, блеклым кошмаром, а Эйкана – истинным бодрствованием. Старый дом, несмотря на невидимые прутья клетки, в которой нас держал Венанциан и его наперсники, поистине стал для нас родным, но Эйкана и то короткое время, что мне удалось провести с Паллино и Бандитом, напомнили мне, что мой истинный дом сейчас на орбите, а его жильцы вновь погружены в ледяной сон.

На верху лестницы Никифор остановился, дожидаясь нас с Валкой.

– Его величество сам не рад, что пришлось отправить вас сюда, – произнес андрогин с улыбкой, но ее лучезарность не тронула его изумрудные глаза.

Это было настолько близко к императорскому извинению, насколько мог надеяться простой смертный.

Никифор указал рукой вдоль виадука, в сторону святилища – высокого квадратного здания под покрывшимся зеленой патиной медным куполом, окруженным девятью молельными башнями.

– Сюда. Не заставляйте кесаря ждать.

Экскуиторы, охранявшие резные дубовые двери, расступились, и двое рыцарей открыли мне вход. Я много лет провел при дворе магнарха, но сюда приходил только на церемонии, требовавшие моего присутствия.

Император стоял на коленях перед алтарем, спиной ко мне, раскинув руки в молитве. Вокруг толпились слуги, логофеты, схоласты и прочие приспешники, учтиво склонив голову в тишине. Сбоку, словно бдительный ферзь подле короля на шахматной доске, стояла архиприор Леонора. Но, учитывая, что мантия у нее была черной, а митра – белой, нельзя было сказать наверняка, объявляла ли она шах королю или, напротив, защищала его от шаха.

Алтарь располагался прямо под центральным куполом часовни. Плафон покрывала фреска, изображающая зелено-голубую, подернутую облаками поверхность Земли. Кадила, подвешенные в нишах по всему периметру плафона, источали аромат мирры. Дым от свечей перед иконами в альковах смешивался с запахом пищи, оставленной в качестве подношения тем добродетельным силам, что создали человечество и мир вокруг нас. Благоразумие и Правосудие, Время и Пространство, Умеренность, Стойкость и Кровавая Эволюция. Были здесь и иконы Смерти, Судьбы и Гнева, а также десятки менее известных и менее почитаемых.

Я чувствовал, что Валке неуютно, и прекрасно ее понимал. Она была дочерью тавросианских кланов, в глазах Святой Земной Капеллы – ведьмой, разум которой, как паутиной, опутан машинами. Переступить порог часовни для нее было все равно что для овечки войти в логово льва или, наоборот, для львицы – выскочить прямо под ружья пастухов.

Бассандера Лина, сэра Грея и легата Сендила Массу я среди присутствующих не видел.

Император не обернулся. Не успели мы с Валкой пройти и пяти шагов по филигранно уложенной плитке, как логофет в черной чиновничьей униформе с красной оторочкой преградил нам путь, выставив руку:

– Лорд Никифор! Император молится!

– Мы заметили, – сказала Валка с ехидством и попыталась прикрыть это улыбкой. Но улыбка вышла чересчур резкой.

Логофет подозрительно прищурился, и мне пришлось вместо ответа низко поклониться и ждать, покручивая золотое кольцо на указательном пальце правой руки.

Кольцо императора. То самое, что когда-то находилось на единственном ныне свободном пальце правой руки его величества. Кольцо, что он подарил мне, прежде чем изгнать из Вечного Города после неудачного покушения Бурбона и императрицы.

Кольцо святого Георгия.

– Пожалуйста, подождите здесь, – произнес Никифор, с грацией, отточенной за годы придворных тренировок, вклинившись между Валкой и логофетом.

Еще несколько минут его величество оставался неподвижен. Даже его раскинутые руки в алых перчатках не шелохнулись, осанка сохранялась ровной и горделивой, несмотря на груз прожитых лет. Я не сразу заметил чуть поодаль пурпурную тогу лорда Венанциана – тот стоял на коленях на бархатной подушке, сложив перед собой ладони. Перед ними на алтаре была фигурка Вильгельма Первого – Бога-Императора, склонившегося под расписным куполом Земли, как когда-то на Авентинском холме среди руин древнего Рима, в знак победы над

машинами. Статуя возносила руки с венцом из колючей проволоки, чтобы возложить его на свое священное чело.

Алые перчатки соединились над рыжей головой императора, и, начертив в воздухе символ солнца, он поднялся, подобрав одной рукой красно-золотую мантию.

– Мы рассчитывали, что вы придете один.

Мне, как солдату и рыцарю Империи, полагалось не кланяться, а преклонить колено. Так я и сделал. Опустив голову, я не видел, поклонилась ли Валка.

– Досточтимый кесарь, – начал я с положенного солдатам приветствия, – моя спутница была заточена здесь со мной последние семьдесят лет. Она не ваша подданная, но я надеялся, что ее голос станет мне поддержкой в прошении об освобождении.

Я отважился поднять глаза, чтобы увидеть реакцию императора.

Его величество смотрел прямо на меня. Двое лакеев поспешно поправили его мантию и прочие регалии.

– Так вот почему вы здесь? – произнес он, поставив ногу на подушку. – Чтобы просить? Разве не мы вас вызвали?

Я почувствовал на плече руку Валки и по ее положению понял, что Валка стояла. Она молчала, но ее прикосновение придало мне сил, чтобы поднять голову. Когда-то я был любимчиком императора, но если Лин вдруг ошибся, то такая дерзость была опасна... Однако...

– Ваше величество, я ваш верный слуга, но мои возможности здесь весьма ограничены. За один день на Эйкане я добился большего, чем за все годы на Нессе. Если придется молить вас о том, чтобы мне было позволено лучше служить, так тому и быть.

Император был прагматичным человеком, но, как и большинство правителей, неустойчивым к лести. Изумрудные глаза императора без эмоций изучали меня. Казалось, прошло столько времени, сколько живут звезды.

– Поднимитесь, сэр Адриан, – произнес он наконец, подкрепляя слова жестом, и, пробежав взглядом по собравшимся в часовне, обратился к ним: – Оставьте нас.

Схоласты и логофеты мигом удалились, шаркая ногами по плитке. Мне вспомнилось, как меня прошибал холодный пот, когда отцовские советники покидали его кабинет, и как предвкушение чего-то нехорошего стальными пальцами сжимало мне сердце. Но тогда я был молод, а теперь – нет. Пожалуй, в присутствии императора у меня должна была стечь кровь в жилах, но на деле я почти не боялся.

Это было сродни игре.

Леонора с магнархом сочли, что императорский приказ не для них. Бдительные экскувиторы тоже остались, держа наготове активированные мечи из высшей материи. Все императорские слуги-андрогины, кроме лакея, покинули часовню. Никифор стоял, склонив голову, у алтаря двуликого Времени.

– И что же мне с вами делать, лорд Марло? – сказал его величество, когда все остальные удалились.

Он отбросил королевское «мы». Это было либо хорошим знаком, либо очень плохим.

– Вы понимаете, что творите? – продолжил он, как будто рядом не было магнарха и архиприора.

Я молча стоял в проходе рядом с Валкой, сложив руки перед собой и продолжая крутить императорское кольцо. Кесарь принялся расхаживать вокруг алтаря, на котором статуя Бога-Императора стояла, преклонив колени, посреди десятка тысяч зажженных свечей, слившихся воедино и светящихся, словно небольшая галактика.

– Вы уже четырежды совершили чудеса. На Воргоссосе, как говорят, вы вернулись из мертвых. На Аптукке одержали победу, не пролив ни капли крови. В моем колизее, а затем на Беренике вы снова обманули смерть. В первую историю я не верю и точно знаю, что вторая

– неправда. Третью опровергли мои инквизиторы – там вас спасли искусственные кости. Но четвертая... Береника. Я видел записи.

Я порадовался про себя, что удалил записи с камеры моего комбинезона, сделанные на Эйкане. Не хватало добавить к списку еще одно преступление.

Император скрылся за статуей, и я, вопреки здравому смыслу, приблизился к алтарю с той стороны, где стояли магнарх с архиприором.

– Я терпел эти байки так долго не потому, что верил или не верил в них, а потому, что их польза была значительнее их опасности. Простой люд наивен, и если то, во что они верят, помогает в нашей борьбе – это хорошо. – Император появился с другой стороны алтаря и продолжил шагать, сцепив руки перед собой. – Моя Капелла, – кивнул он в сторону Леоноры, – придерживается иного мнения. Они считают вас опасным для меня шарлатаном. Следуя этим убеждениям, они действовали, как полагали, в моих интересах и в лучших интересах Империи и всего человечества. – Он развел руками. – Знайте: они замыслили против вас без моего ведома.

– Это обнадеживает, – бросила Валка, скрестив руки на груди.

Меня чуть удар не хватил, но император оставил ее реплику без внимания.

– Понимаете, в какое положение вы меня поставили? – спросил он.

– «Неужели никто не избавит меня от этого мятежного попа?»² – процитировал я на классическом английском.

Очевидно, император узнал цитату и посмотрел на меня с любопытством:

– Именно так. Моя левая рука бьет правую, хотя мне нужны обе. Запомните раз и навсегда: если я приказываю вам на несколько лет куда-то отправиться – например, сюда, – значит у меня есть на то веская причина. Я намеренно держал вас подальше от Капеллы. Подальше от тех людей, которые, как им кажется, знают, что лучше для меня, когда я сам этого не знаю. – Он остановился перед статуей своего предка, и его благородное ухоженное лицо покоробилось. – Когда мы последний раз встречались с глазу на глаз, вы рассказали мне о своих видениях. Я, признаться, не поверил вам. Но потом я, как и миллионы людей, увидел записи с Береники... – Он отвернулся и уставился на суровое лицо Бога-Императора. – Вас называют Избранником Земли. Говорят, что эти... чудеса – тому доказательство. – Император вытянулся в струнку, и, если бы не движение челюсти, его самого можно было бы принять за скульптуру. – Покажите мне свою магию.

– Я не колдун, – осторожно ответил я.

Разговоры о магии и колдовстве, само собой, увязывались с запретными машинами, и мне было важно как можно скорее и тверже продемонстрировать, что я не имею с этим никаких дел.

– Ваше величество однажды сказали, что не верите в колдовство.

– Разве вы не мой слуга? – спросил император. – Я отдал вам приказ.

– Эйкана, – ответил я. – Береника. Немаванд. Аптукка. Воргоссос. Ваше величество, я принес вам победы. Разве это само по себе не волшебство?

Валка с трудом подавила иронический смех.

– Прикуси язык! – не сдержался Кароль Венанциан.

– Ты говоришь с Помазанником Земным! – добавила архиприор Леонора.

Вильгельм Двадцать Третий вскинул руку в перстнях:

– Сэр Адриан, его премудрость Виргилиан и Синод рекомендуют мне казнить вас. Кое-кто из моих советников настаивает, что вам следует доживать ваши дни в изгнании на Белуше.

² По легенде, английский король Генрих II так высказался об архиепископе Кентерберийском Томасе Бекете. Эти слова не были прямым приказом, однако несколько рыцарей сочли их руководством к действию и убили Бекета прямо в Кентерберийском соборе.

Он повернулся, и при свечах я заметил вокруг него легкое мерцание энергошита. Слова императора не были пустой угрозой. Белуша была самой известной из имперских колоний-тюрем, ледяной планетой под гаснущей звездой, где оканчивали свой век многие слушники Империи.

– Как вы смеете! – не сдержалась Валка. – Вы хоть понимаете, чем он ради вас пожертвовал? Сколько крови он пролил?

Я жестом попросил ее остановиться. Мое сердце одновременно переполнялось от любви и благодарности к ней и разрывалось от страха.

Император поджал губы.

– Молчи, ведьма! – ткнула Леонора пальцем в сторону Валки.

– Кто бы говорил! – дерзко бросила тавросианка в ответ. – Адриан выполнял все ваши приказы. Любые! И какова благодарность? Угрозы казни? Изгнание?

– Валка, довольно, – сказал я, опасаясь за нее.

– Ничего не «довольно»!

Сжатые губы императора вытянулись в тонкую улыбку.

– Не припомню, чтобы за последние шестьсот лет со мной кто-то разговаривал таким тоном.

– А надо было, – парировала она.

– Валка!

Между нами воцарилась тишина. Я не стал извиняться и просить прощения.

– «Всякая супруга злее всякого супруга»³, – на классическом английском процитировал император.

Валка снова саркастически фыркнула.

Император перешел на галстани:

– А вдвоем вы, пожалуй, опаснее съельсинов... – Он с шумом втянул носом воздух и зажмурился, как схоласты, когда хотят привести мысли в порядок. – Поэтому вернемся к делам насущным.

– Ваше сиятельное величество, как же так! – возмутилась Леонора. – Эта выскочка должна быть наказана!

– Эта женщина – не моя подданная, а я, ваше преосвященство, вам не слуга. Молчите.

Архиприор с поклоном отступила на шаг, но я заметил в ее темных глазах искру гнева.

– К тому же у нас частный разговор. Мне не были нанесены публичные оскорбления. Лорду Марло повезло со столь рьяной защитницей.

– Благодарю вас, ваше величество, – промямлил я, не зная, что еще сказать.

На самом деле нам угрожала серьезная опасность. Другой император не церемонясь приказал бы казнить Валку за ее выходку. Я невольно покосился на экскувиторов, которые по-прежнему неподвижно стояли на постах по периметру часовни.

– Ладно. Лорд Марло, я нашел вам лучшее применение, – сказал император, покрутив на пальцах кольца. – Буду краток. Вы оставались на Нессе так долго по единственной причине: я не разбрасываюсь полезными кадрами, а вы, безусловно, кадр полезный. Пусть вы шарлатан или колдун, вы приносите результат. Говорите, ваши победы – волшебство? Согласен. И пусть я долгое время держал вас подальше от неприятностей, я согласен с вами и в том, что в другом месте от вас будет больше пользы, чем на Нессе.

Земля и император! Чутье не подвело Бассандера Лина. Сэр Грей с легатом говорили правду.

Ауктор.

³ Р. Киплинг. Баллада о женском первоначале. Перевод Е. Фельдмана.

Вильгельм собирался назначить меня имперским ауктором. Я приготовился услышать объявление, а следом – яростные протесты магнарха и архиприора.

– Мне нужны новые победы, – сказал император, – поэтому вы возьмете корабль и отправитесь апостолом на Падмурак. Назначаю вас главой нашей делегации при Великом конклаве Лотриана.

– Что? – вырвалось у меня; этого я никак не ожидал. – Падмурак?

Мысленный образ Адриана, ауктора Соларианской империи, мигом рассыпался в прах.

Это должно было принести мне облегчение, но я вдруг почувствовал непонятную тоску – не потому, что на самом деле хотел этого титула, но потому, что это взбесило бы магнарха и представителя Капеллы больше, чем любые выходки Валки.

– Содружество слишком долго держалось в стороне от конфликта, – произнес император, с видимым удивлением, но без комментариев отреагировав на мои возгласы. – Учитывая, что джаддианцы в лице князя Каима собираются помочь нам в войне, будет справедливо, если Содружество тоже присоединится. Ваша задача – заручиться их поддержкой. Хватит нашим согражданам в одиночку проливать кровь во спасение человечества. Если Бич Земной делает все, чтобы перевернуть ход войны, мы должны поступать так же. – Император вспомнил про царственное «мы», и его лицо вновь приняло стоически невозмутимое выражение.

Это решение было логичным. Лотрианское Содружество было крупнейшим после Соларианской империи человеческим государством в галактике. Под управлением Великого конклава – собрания партийных чиновников, номинально избираемых народом, но фактически назначаемых сверху, – находилось больше ста тысяч планет в верхних областях рукава Стрельца, к западу от галактического центра. Каждой планетой руководил меньший конклав назначенных партией управленцев, и у каждой было по одному представителю в Великом конклаве на Падмураке.

– Из одной ссылки в другую, – улыбнулся я.

– Давно вы не получали невыполнимых заданий, – сказал император, покосившись на Венанциана, и я подумал, не магнарх ли подсказал ему эту идею. Но вряд ли; император лично изменил план своего турне, чтобы как можно раньше попасть на Несс. Значит, это было важно. – И вот что еще. Нового Фермона нам не надо. Поэтому я послал вас сюда. Поэтому посылаю на Падмурак. Содруеству больше нельзя позволять делать вид, что ничего не происходит. Отправляйтесь к ним и заручитесь военной поддержкой. Если надо, идите на уступки: посулите снятие торговых санкций и так далее. Мои советники вам помогут. Магнарх Венанциан?

– Да, ваше величество? – Старик едва не упал, спешно засеменив к императору.

– Распорядитесь, чтобы корабль лорда Марло вывели из орбитального дока и снарядили для путешествия, – повелел кесарь, не сводя с меня глаз. – Хочу, чтобы он отправился как можно скорее.

– И это все? – спросил я.

– Вы получили необходимые указания, – ответил император. – Теперь идите и колдуйте.

Глава 8. Битое стекло

– Пилот, сколько до посадки? – без церемоний спросил я, едва переступив порог мостика «Ашкелона».

Двигатели перехватчика класса «Чаллис» тихо гудели у меня под ногами. Кроме меня, на тесном мостике находилось три человека. Чтобы управлять «Ашкелоном», достаточно было и одного. Корабль сооружался для быстрой и скрытной переброски небольших десантных групп. В мою флотилию он попал перед сражением на Синуэссе, за несколько лет до Фермона, когда мне понадобилось быстро перемещаться между близкими планетами на границе Вуали, а скорости «Тамерлана» для этого не хватало.

– Десять минут, милорд, – отозвалась старший пилот, в рыжих волосах которой поблескивала седина.

– Минуты через три увидим старичка, – добавил навигатор. – Появится с освещенной стороны планеты.

– Пожалуйста, выведите изображение на экран, – входя на мостик, попросила Валка. – Хочу понаблюдать за посадкой.

– Как пожелаете, миледи.

Столь почтительное обращение покорило Валку, но ругать навигатора она не стала. Несколько сот лет среди нас, соларианских варваров, сделали ее мягче, вдобавок наше путешествие на ее родину не прибавило Валке желания вести себя по-демархистски.

Ненадолго воцарилась тишина. Офицеры выполняли свою работу. Впереди всех сидел рулевой; пристегнутый в кресле посреди пузыря из алюминостекла, он мог свободно видеть все вокруг. По сути, эта кабина была единственным смотровым окном на мостике и позволяла рулевому жестами доносить информацию до команды, когда корабль стоял в доке. В космосе проку от нее было существенно меньше; разве что благодаря такому устройству кабины на мостике казалось не так тесно. Экипажи космических кораблей, особенно маленьких, нередко чувствуют клаустрофобию. Кресла старшего пилота и навигатора отстояли чуть поодаль, под низким покатым потолком. Я встал между ними, положив правую руку на спинку навигаторского кресла. На мне не было перчаток, и на пальце сияло золотое кольцо императора. Я думал, он попросит его обратно, но в день нашей последней встречи перед моим отъездом с Несса его величество настоял, чтобы я оставил кольцо. Оно будет знаком для Великого конклава Падмурака, что я являюсь полномочным представителем императора.

– Я соскучилась по Отавии и остальным, – призналась Валка. – Столько лет прошло...

Это было еще мягко сказано. Но после долгих лет изгнания все кажется преуменьшением.

– Она обещала, что экипаж будет готов к встрече, – ответил я.

Сегодня утром я связался с бывшим капитаном наемников, чтобы договориться о стыковке. «Ашкелон» подобрал нас на лугу у поместья Маддало. Старая Анжу проследила, чтобы домашняя прислуга погрузила на корабль все сундуки и ящики, которые мы с Валкой отметили для транспортировки на «Тамерлан».

– Теперь уж, верно, не свидимся, господин, – сказала повариха, всматриваясь в меня подслеповатыми старческими глазами.

Она нанялась ко мне еще девчонкой, бесцеремонной, со смешливым взглядом. За эти годы сменилось три поколения ее семьи. Ее правнук совсем недавно сдал экзамены и поступил на чиновничью службу к магнарху. Анжу обмолвилась, что он надеялся стать патрицием, и я пообещал замолвить за него словечко. Как удивительно устроено время! У старой поварихи прошла почти вся жизнь.

А мои волосы еще лишь тронула седина.

А для Отавии Корво и экипажа «Тамерлана» время вовсе остановилось. Шестьдесят восемь лет минули, как сон, и для друзей, по которым мы так скучали и которых так мечтали увидеть вновь, расставание длилось, по сути, один день.

– Нельзя дважды войти в одну и ту же реку, – пробормотал я себе под нос. – Все течет, все изменяется.

– Милорд? – оглянулась старший пилот.

Я говорил на классическом английском – на языке, ставшем мертвым задолго до ее рождения. Валка посмотрела на меня с любопытством. Она-то прекрасно все поняла.

– Все в порядке, – ответил я и закрыл глаза, задумавшись об искристых реках времени, удивительные воды и берега которых снились мне каждую ночь.

– Милорд, корабль в поле зрения, – подал голос навигатор. – Над нами.

Фальшокно на потолке над тремя офицерами мигнуло, и на нем появилось контрастное и многократно приближенное изображение.

На Эйкану «Тамерлан» не отправили, поэтому я не видел его все эти годы.

Корабль, словно летающий город, завис над облачным бело-зеленым Нессом. Он располагался брюхом к нам, бронированной нижней палубой к планете, и многочисленные шпигельные трюмы и симметрично расположенные двигатели под броней казались черными башнями и укреплениями темного стального замка. Моего замка. Пять конусов термоядерных двигателей были темны, лишь ионные слабо светились под кормой, напоминая звезды. «Тамерлан» медленно удалялся от нас, но мы его нагоняли. Наши собственные ионные двигатели толкали нас на все более и более высокую орбиту.

От кончика носа до края кормы «Тамерлана» была дюжина миль. Корабль стал домом для экипажа и офицеров, для спящих в трюмах пехотинцев и аквилариев – пилотов базирующихся на нем легких истребителей – всего больше девяти тысяч человек. И прежде всего он был моим домом.

Понимая, что слова тут не нужны, Валка обняла меня за талию.

Я улыбнулся.

Мы возвращались домой.

Наконец двери открылись, и мы прошли сквозь статический барьер в ангар. Перед посадкой пилот развернул «Ашкелон», чтобы войти в ангар задом наперед, тормозя при помощи ионных двигателей и обычных репульсоров. Нас захватили магнитные клещи, и громадные двери ангара закрылись.

Мы с Валкой ожидали у люка и лишь слышали отдаленный лязг. Она сжала мою руку, другой рукой обвила шею, приблизилась и поцеловала. Семьдесят лет нашего изгнания – и не только они – как будто стерлись в один миг. Отфильтрованный, не имеющий запаха прохладный воздух корабля заставил вспомнить прошлые времена, и Валка превратилась из угрюмой госпожи Несса снова в девушку-ксенолога, которую я встретил на Эмеше, когда сам был еще подростком.

– И снова в путь, – произнесла она, прижимаясь лбом к моему лбу.

Я улыбнулся ей в ответ и поцеловал.

Люк открылся, и на нас пролился бледный свет.

– Я смотрю, ничего не изменилось, – раздался знакомый голос. – Замечательно. Как будто и ста лет не прошло.

Отавия Корво – семь футов тугих мышц в черной форме капитана – стояла на другом краю платформы. Светлые крашеные локоны завивались вокруг темного лица. Расцепив руки, она широко улыбнулась.

Мы с Валкой отпустили друг друга.

– Лорд Марло, доктор Ондерра, добро пожаловать обратно на «Тамерлан», – с поклоном сказал старший помощник Бастьен Дюран и поправил свои хитрые очки, пряча ироничную улыбку.

– Семьдесят лет, – ответил я, подходя к Отавии для рукопожатия.

– А вы даже не постарели, – ухмыльнулась она.

– Отавия! – отодвинув меня, обхватила великаншу моя спутница.

– Валка! – Капитан, кажется, не ожидала таких крепких объятий, но обняла Валку в ответ.

Должно быть, те из нас, кому выпало продлить себе жизнь, на глубинном уровне так и не свыклись с этим. Как будто наша генетическая память и наши клетки по-прежнему ожидают прожить лет семьдесят, как наши мифические предки, и встреча с Корво и Дюраном после столь долгой разлуки была равносильна тому, чтобы в старости встретить друзей детства и обнаружить, что те ничуть не изменились.

– Уайт и Коскинен готовы вылетать, как только получают разрешение, – сказала Корво, когда они с Валкой закончили обниматься. – Серьезно, Содружество?

– Бывали там? – спросил я.

– Нет, но наслышана, – качнула головой Корво.

– До Фароса я летал с женщиной оттуда, – сказал Дюран, к которому вернулась прежняя сдержанность.

Старший помощник еще до Аниты и Береники был холоден и неприветлив, а после практически ушел в себя. Если мои приключения с Тихими и мое, говоря словами императора, колдовство способствовало тому, что Бассандер Лин из соперника стал мне почти другом, то с Дюраном вышло наоборот. Я заставил его выстрелить в меня. Когда пуля не нанесла урона, офицер побледнел как смерть. С тех пор старпом старался даже на меня не смотреть.

– Она была странной, – добавил Дюран. – Немногословной. Говорила общими фразами.

– У лотрианцев в языке нет обращений, – ответил я. – Нет имен и титулов. Ни личности, ни собственности.

– Звучит паршиво! – появившись из-за угла, воскликнул Паллино; за ним шагала Элара.

– Пал! – хлопнул я его по плечу.

За годы ссылки я виделся с ним чаще, чем с другими, но расставание все равно было долгим. Я обнял Элору. Если не считать Валки и, пожалуй, Бассандера Лина, они были единственными, кто сопровождал меня с Эмеша – с момента, когда по-настоящему началась моя жизнь.

– Давно вас разбудили? – спросил я.

– Только вчера, – ответила Элара. – Мы думали позвонить, но капитан сказала, что вы заняты с императором.

Она улыбалась мне почти по-матерински. Когда мы угнали «Мистраль» и бросили Бассандера и Джинан на Рустаме, Элара стала нашим квартирмейстером. Они с Паллино так официально и не поженились. Когда я встретил их в бойцовских ямах Эмеша, они были уже в возрасте, но даже когда я сделал их полноправными членами своего дома и подарил вторую молодость, они решили отказаться от формальностей – как и мы с Валкой.

Мы сошли с платформы и вышли в примыкающий к ангару зал. В высокие узкие окна виднелся черно-серебристый силуэт пришвартованного «Ашкелона». На моих глазах три обтекателя и ближнее крыло сложились, прислонились к борту «Тамерлана».

– Что вы там говорили про императора? – спросил низенький бледноглазый человечек с длинными светлыми, почти белыми, волосами.

– И я рад тебя видеть, Аристид.

Коммандер Лориан Аристид кивнул мне в ответ и потерял серебристую шину, которая не давала его чересчур длинным пальцам выпадать из суставов.

– Император с вами?

– Он в турне по фронтовым планетам, – ответила Валка.

– Мы летим в Содружество по его приказу, – добавил я.

Туго обтянутое кожей лицо Лориана нахмурилось.

– Значит, команда с самого верха, – сказал он, и я понял, что в его голове завертелись шестеренки мыслей. – По-прежнему не дают соваться в пекло?

– Похоже на то, – согласился я.

Коротышка, как никто иной, умел сразу добираться до сути вещей, и это меня несколько нервировало.

– Пришлете кого-нибудь перенести наши вещи? – обратился я к Дюрану и Корво.

Дюран хлопнул себя по груди и, расталкивая остальных, отправился на поиски грузчиков.

– А долго лететь до Падмурака? – спросил я Корво, когда старпом удалился.

Капитан задумчиво поджала губы.

– Сорок три стандартных года с хвостиком.

– Халфорда разморозили? – поинтересовался я, имея в виду так называемого ночного капитана, обязанностью которого было управление «Тамерланом» в межзвездном пространстве, пока основной экипаж находится в спячке.

Корво помотала головой:

– Нет. Корабль слишком долго простаивал. Я решила, что лучше нам самим его встряхнуть. До Гододина семь лет на полном ходу. Там дозаправимся, а потом полетим к Стрельцу, повернем к центру и дальше по рукаву.

– Годится, – ответил я. – Семь лет. Тогда я тоже не буду спать. Мало ли зачем понадобится. Да и с вами пообщаться хочется. Разбудим Халфорда и его команду на Гододине, чтобы они довели нас до Падмурака.

Я вдруг сообразил, что путь по рукаву Стрельца пройдет рядом с Колхидой. Если не получится сделать там остановку, я твердо решил отправить весточки Сиран и Гибсону – если, конечно, те еще живы.

– Для Родерика это, скорее всего, последний рейс, – сказала Корво о командере Халфорде. – У него за плечами уже двести с лишним лет активной службы. Когда вернемся из Содружества, все триста наберется.

Половина его палатинской жизни... Я не часто вспоминал о ночном капитане. Несмотря на то что он провел в моем отряде столько лет и однажды даже спас нас от пиратов у Нагапура, я почти с ним не общался.

– Так много, что даже не верится.

– Ага! – воскликнул Паллино. – А кажется, мы еще вчера из мандарийской задницы старины Лина проглоченный аршин вынимали.

– Кстати, привет вам от трибуна Лина, – сказал я Корво.

Она кивнула в ответ. На миг все замолчали, и я продолжил:

– Хорошая новость в том, что миссия у нас дипломатическая. Воевать не будем. Вряд ли экипажу захочется сойти в Содружестве, поэтому нужно будет с пользой потратить время на Гододине. Вы долго пролежали в заморозке, надо хоть немного развлечься.

– Так на Гододине куда ни кинь взгляд – один овес, – проворчал Паллино. – А я его уже на всю жизнь – да что там, на сто жизней вперед наелся!

– Зато для здоровья полезно, – усмехнулась Валка.

– Ну, если так, то мне здоровья до второго пришествия Земли хватит, уж поверь.

Я невольно разулыбался – вокруг собрались мои друзья.

– Ребята, я так по вам скучал.

– Парень, хотел бы и я сказать то же самое! – громыхнул Паллино. – Но нас, простых солдатиков, как что, так в морозилку, поэтому я твою морду, считай, только позавчера видел.

– Вот и хорошо! – шутливо огрызнулся я, на миг почувствовав себя не Адрианом, а Адром-мирмидонцем. – У стариков часто проблемы с памятью, а так ты ее не забудешь.

– Шутки шутишь, а? – ткнул в меня пальцем Паллино. – Смотрю, совсем забыл, как надо со старшими разговаривать.

– Это еще вопрос, кто из нас теперь старше, Пал, – парировал я.

Улыбка начала сползать с моего лица, когда я увидел Дюрана, вернувшегося с носильщиками, чтобы доставить наши с Валкой вещи в каюту, но тут же вернулась.

– Возможно, теперь мне придется тебя учить, – добавил я.

– Пойдем на ринг, и попробуешь, – ударил себя в грудь старый солдат.

– Заметано! – подмигнул я ему, и все рассмеялись. – Который час?

– Четырнадцать ноль-ноль, – сказал Лориан.

– Хорошо, – кивнул я. – Корво, пройдетесь с нами? Хочу убедиться, что в каюте все как надо, а потом соберемся на ужин. – Я вдруг запнулся, сообразив, что кое-кого не хватает. – А где Бандит и Айлекс?

– Еще в медике, – ответил Дюран. – Их начали будить позже остальных. Окойо говорит, к вечеру выпустят.

– Тогда отложим ужин! – воскликнул я, проходя мимо Лориана и легонько похлопав коротышку-интуса по плечу. – Если собираться за столом – то всем вместе!

Пока двери шлюза не открылись и не включились вентиляторы, воздух казался сухим и безжизненным. Тусклые лампы постепенно разгорелись до оранжевого, а затем до ярко-золотистого света. Все было так, как мы оставили. На стене, где раньше висел флаг Вента, виднелось прямоугольное пятно, а книжные шкафы на изогнутой галерее над нами зевали пустыми полками. Все книги я перевез в поместье Маддало, там они и остались.

Валка отправилась с Корво на мостик, оставив меня заново приводить нашу жизнь в порядок.

Я подошел к диванам и кофейному столику, составлявшим зону отдыха посреди каюты, взглянул на старый обеденный стол у буфета, на холодильник и дверцу, за которой прятался кухонный лифт, связанный с офицерской столовой. Там же, над тумбой, где прежде стоял умывальник Джинан, была вешалка для одежды.

На полу вдруг что-то мелькнуло, я подошел к тумбе и наклонился.

Пол был усыпан мелким стеклом, заметным только в мягком свете лампы.

Я не сразу догадался, откуда оно.

Это были осколки стеклянного шара, в котором я хранил от увядания цветок древа Галат. Уходя с «Тамерлана» в изгнание, я решил, что брать цветок с собой неправильно. Отчасти потому, что он был символом Империи, которая меня отвергла. Отчасти потому, что он утратил свою сентиментальную ценность, став обычным сувениром вроде японских гравюр, висевших на стене.

Шар, вероятно, упал при движении корабля – а может, его случайно уронил кто-то из носильщиков, помогавших при транспортировке вещей во время нашего отъезда. Выяснить это не представлялось возможным, так как старые записи судовой системы безопасности наверняка давным-давно удалили из базы. Я присмотрелся и выудил из осколков то, что искал.

Белый цветок все-таки увял. Его окаймленные серебром лепестки сморщились и посерели. Я поднял его за сухой стебелек, покрутил пальцами, невольно нахмурившись, и в стеклянной дверце тумбы увидел свое отражение. Я как будто был тем же молодым человеком, что когда-то принял командование «Тамерланом». Прежний острый нос, высокие скулы, лиловые глаза и черные космы. Мой возраст выдавали лишь углубившиеся морщины в уголках глаз и губ – и усталость духа.

В тишине каюты, никем не потревоженный, я воспользовался тайным зрением, чтобы взглянуть на всевозможные версии цветка. Мертв. Мертв. И здесь мертв. Тут недоставало лепестка, там был переломан стебель. Где-то цветок был растоптан, а чаще всего... его вовсе не было. Я искал дальше и дальше, шарил глазами по краям светового конуса, обозначающего границы моего зрения – границы возможного. Нигде цветок и шар не остались целы. Их гибель случилась давным-давно, а я был в силах изменить лишь настоящее и будущее.

Неизменно лишь прошлое.

– Лорд Марло?

Я смял цветок в кулаке и, оглянувшись, увидел носильщиков, прибывших с первой партией нашего с Валкой багажа в грузовом поддоне на воздушной подушке.

– Да? – Я поднялся, высыпав останки цветка на пол. – Чего вам?

– Ну... сэр, куда все это поставить?

– У лестницы, – махнул я рукой. – Если только там нет пометки «личные покои». Тогда несите в спальню.

– Слушаюсь, милорд.

Носильщики приземлили поддон на тавросианский ковер и принялись за работу.

– И приберите вот это! – указал я на осколки стекла и вышел из каюты, чтобы присоединиться к Валке и Корво на мостике.

Я напрочь забыл, что изначально должен был сделать.

Глава 9. Короли и пешки

– А в яслях для фуги вы искали? – спросил Лориан Аристид, раскинувшийся на аварийном сиденье в тесном трюме «Ашкелона».

Я прервал осмотр ящиков, составленных на полу посреди длинного узкого трюма. Стены располагались под уклоном, сужаясь к потолку, поддерживаемому металлическими балками наподобие китовых ребер. Пока перехватчик был пришвартован внутри «Тамерлана», почти все судовые системы отключили. Было холодно, изо рта вырывались облачка пара. Воздуха хватало лишь для того, чтобы поддерживать внутреннюю атмосферу и маленький гидропонический сад.

– С чего бы моему кулону оказаться в чужих яслях для фуги? – не сдерживая раздражения, бросил я.

Молодой офицер пожал плечами.

Среди вещей, привезенных из поместья Маддало, не оказалось филактерии Валки – серебряного полумесяца, подаренного мне перед сражением на Беренике. В кварцевом сердечнике кулона содержалась полная копия генетического и эпигенетического кода Валки, а также кристаллизованная капля ее крови. У ее народа была традиция: когда один из членов клана завоевывал достаточно уважения и почета, чтобы получить разрешение иметь детей, он дарил такие кулоны. У тавросиан не было семей в привычном понимании, только кланы, и все мужчины и женщины воспитывали детей в одиночку. Браки были под запретом, так как это подразумевало предпочтение одного члена клана другим, что считалось высшей формой дискриминации. Тавросиане также запрещали обмениваться филактериями, опасаясь, что существование братьев и сестер поспособствует образованию подобия семей.

Валка сделала две филактерии. Вторую она оставила себе и носила на цепочке. В ней содержалось все, чем был я, точно так же как в моей – все, чем была она. Такой обмен в Демархии закончился бы тюремным заключением и помещением в центр переобучения. Но с ее стороны это был компромисс: мы не женились, как хотелось мне, но и не порывали друг с другом, как требовала ее традиционная культура.

Насколько вся наша жизнь состоит из таких взаимных уступок?

– А просто забыть вы ее не могли? – спросил Лориан, крепко обхватив себя тонкими руками и поежившись. – Земля и император! Ну и дубак здесь.

Я захлопнул тяжелую металлическую крышку ящика и сунул руки в карманы:

– Может быть.

Некоторые из наших с Валкой вещей еще не отсортировали. Вокруг меня высились горы ящиков. Большинство я уже обыскал, но нашел лишь одежду и Валкины дневники. Еще в двух бронированных ящиках лежали боевые доспехи, изготовленные для меня на Форуме. Их мы не собирались переносить в каюту, почти не сомневаясь, что в путешествии они нам не понадобятся.

– Кулон, – сказал я, – был в моем старом умывальнике. Я в нем все украшения храню.

– Умывальника я тоже не видел, – уточнил Лориан.

Помощник из него был так себе.

– В том-то и дело! – сорвался я, подбирая полы шинели, чтобы сесть на ящик рядом с низкорослым офицером. – Я и без твоих подсказок заметил, что его нет.

Укутавшийся в плащ Лориан подтянул ноги к груди и был похож на ребенка. Он снова пожал плечами, не разнимая рук:

– Тогда зачем было просить меня помогать?

– Пошлю с Гододина телеграмму на Несс. Не смогу лететь на Падмурак со спокойным сердцем, если не буду знать, где филактерия, – сказал я; так или иначе, меня ждали несколько

лет беспокойства, ведь я не мог отправлять или принимать сообщения, пока «Тамерлан» находится в варпе. – Извини.

– Надеюсь, все-таки найдется, – отмахнулся Лориан. – Но скорее всего, кто-то просто забыл пару ящиков, и они теперь собирают пыль на Нессе.

– Лишь бы магнарх не продал виллу, пока меня нет.

– Ну он же не злодей, – с иронией бросил Лориан.

Я не нашелся с ответом. Вероятно, Лориан был прав, и умывальник с филактерией Валки по-прежнему стоял под зеркалом в нашей спальне. В таком случае волноваться не стоило. Анжу с прислугой позаботились, чтобы все в доме было тщательно убрано: мебель и скульптуры накрыли тканью, словно погребальным саваном, все системы отключили, и теперь в пустом доме обитал лишь садовник, ухаживающий за живыми изгородями и рыбками в пруду.

Промолчав почти минуту, Лориан, известный своим болтливym языком, не выдержал:

– Мы правда летим на Падмурак?

Я удивленно моргнул раз, другой, не совсем понимая вопрос:

– А есть другие идеи?

Мне вдруг показалось, что у Лориана были свои причины составить мне компанию.

– Я подумал, может, мы идем в неофициальный рейс.

– То есть пускаемся в бега? – вздернул я бровь. – С чего ты это взял?

Коротышка немного пораздумал.

– Ну, во-первых, это задание – очередное наказание. Не знаю, чем вы занимались, пока мы с ребятами валялись в морозилке, но мало ли, вдруг что-нибудь придумали. Как после Колхиды.

– Ты про Анитью? – уточнил я. – Нет, мы в самом деле летим на Падмурак.

Услышав это, славный командер как будто скукожился. Лориан опустил ноги, и они повисли, не достав до пола.

– А я-то думал, вдруг вы с доктором разгадали что-нибудь об этих ваших Тихих приятелях и сельсинах.

– Лориан, я почти семьдесят лет провел под домашним арестом, потому что император боялся, что Капелла или его собственная жена снова попробуют меня убить. А до этого, если ты вдруг забыл, я десять лет просидел за решеткой. Нет тут никакого подвоха. Никаких тайных планов. Нам дали задание – и точка. Я собираюсь его выполнить и таким образом напомнить императору, что он в долгу передо мной и нашим отрядом. Капелла убеждена, что я угрожаю их могуществу. Они думают, я какой-то пророк. Очевидно, ложный. Они видели, что случилось на Беренике. Теперь нет смысла это скрывать.

Лориан настороженно выпрямился.

– А об этом, – он провел пальцем поперек шеи, изображая обезглавливание, – они тоже знают?

Я успел забыть, что Лориан видел сделанную Паллино запись моей гибели на «Демииурге» и моего очевидного воскрешения.

– Если бы видели, меня бы уже четвертовали на Веспераде или еще где-нибудь. А пока, подозреваю, они считают, что я сфабриковал орбитальный удар Сириани.

– Они что, идиоты?

– Напротив. Они считают, что сомнения – признак ума, – ответил я, сложив руки, и через плотный шерстяной рукав потерял застежку перчатки. – А вот император ни в чем не сомневается.

– Так ли это? – Лориан наклонился так, что едва не свалился с сиденья.

– Друг мой, когда вокруг тебя сплетена паутина интриг, лучше всего во всем признаться наивысшему представителю власти, готовому тебя выслушать, и надеяться на его защиту.

– Куй железо, пока горячо? – Лориан закинул за ухо шальной локон бледных волос. – Теперь понятно, чем мы последние сто лет занимались.

Тон офицера-тактика меня раздражал, и это отразилось на моем лице.

– Лориан, Капелла едва меня не убила. Императрица со «Львами», этой придворной коалицией, едва меня не убили. Наше новое задание – не наказание. По крайней мере, не только наказание. В Содружестве Капелла не представлена. Мы можем совершить благое дело там, куда летим, и еще на какое-то время избежать попадания в сети политики.

– Как по мне, так это лишний повод слинять, – ответил Лориан и отвернулся. – Дело сделаем – и поминай как звали. В нашем отряде бойцов на три легиона. Корабль ваш, никто из офицеров бунтовать не станет. Если вернемся на Несс, нас опять заморозят, а вас на вилле запрут. Может, магнархом назначат или...

– Бассандер Лин слышал от директора Райнхарта, что император якобы подумывает назначить меня ауктором, – вырвалось у меня.

– Ауктором! – воскликнул Лориан и действительно упал с сиденья, но поднялся с резвостью отправленного в нокдаун боксера, желающего показать, что готов продолжать бой.

Я все равно наклонился к нему, опасаясь, что интус мог пораниться. Состояние здоровья Лориана было таково, что иногда его суставы выпадали, а отдельные участки периферийной нервной системы отказывали на время.

– Ауктором?! – повторил он. – Черная планета! Это шутка?

– Ты цел? – спросил я.

– Все в порядке, Марло. – Лориан бросил на меня уничижительный взгляд. – Не нужно надо мной трястись. – Он прислонился к сиденью, которое так внезапно покинул, и сказал: – Ауктор? Да, пожалуй, это вероятно... Значит, это последний экзамен.

Лориан растер одну руку другой и уставился вдаль бесцветными глазами.

– В точку, – ответил я. – Если считать, что слухи правдивы.

Первой эту версию высказала Валка, спустя около двух месяцев после вылета. С тех пор я почти не сомневался, что так оно и есть. Дипломатическая миссия в Содружество была, безусловно, важна, но ради этого императору вовсе не обязательно было лично прилетать на Несс. Нет, он хотел увидеть меня, проверить, не изменился ли я за столько лет.

Лориан снова сложил руки и еще плотнее укутался в плащ.

– Черт побери! Лин это прямо от Райнхарта услышал?

– По его словам.

– Райнхарт – начальник разведки. Кому, как не ему, знать? Проклятье, – почесал подбородок интус, и его худощавое лицо осунулось.

Я отвернулся и немного прошелся, стараясь не удариться головой о ребристый потолок. Вернувшись, я сказал:

– Когда император приказал сменить курс и отправиться на Несс, Лин решил, что он сразу меня назначит.

– Но вместо этого послал вас на Падмурак?

– Послал *нас* на Падмурак.

– Может, император таким образом тянет время, – задумчиво произнес Лориан, продолжая расчесывать подбородок. – Пока мы болтаемся в Содружестве, император совершает турне в морозилке. Это займет почти сотню лет.

Я остановился.

– То есть турне ему нужно, чтобы продлить себе жизнь, – сообразил я. – Да, он уже немолод. Правит больше тысячи лет. Понятия не имею, каков его биологический возраст. Кто-то, кто ведет учет времени, проведенного им в фуге, наверняка знает, но если прикинуть... шестьсот... семьсот лет?

Палатины стареют не так, как простые люди. Наши искусственно удлиненные теломеры замедляют процесс старения до предела, а потом, в отсутствие естественного старения, у нас, как у древних лабораторных крыс, начинают бурно развиваться раковые клетки и прочие мутации. Нобили, дожившие до седых волос и потери зрения, вроде старого Гибсона, были редкостью, и теперь я не сомневался, что здоровье изменяло императору, несмотря на внешнюю бодрость.

«Кузен, я уже стар, – когда-то сказал мне император. – Я хочу, чтобы война закончилась прежде, чем я покину престол».

– Похоже на правду, – согласился Лориан. – Все это наверняка часть плана по передаче власти. Наследника уже назначили? Я давненько не следил за новостями.

– Нет, – ответил я. – Уверен, что у императора есть план, но... нет.

Детей у императора было больше сотни. Старшему, Аврелиану, было уже почти столько же лет, сколько самому Вильгельму, – его рождение было заказано в день коронации императора тысячу с лишним лет назад. Младшему – не знаю, какому по счету, – еще не исполнилось десяти. В доме Авентов новые «запасные» наследники производились строго по графику, после чего их рассылали по всей Империи, чтобы род не прервался вследствие какого-нибудь недоразумения.

– Если наследником станет наш друг Александр – а я думаю, так и случится, – назначить вас ауктором будет логично, – заявил Лориан. – Можно сказать, вас сделают соимператором.

Пустота, возникшая внутри меня, когда я узнал о слухах от Лина, стала шире и горче. Я так и не забыл, как смотрел на меня Александр, когда я вышел из огня на Беренике. Без единого ожога. Как и его отец, принц Александр из дома Авентов знал, что сложенные обо мне легенды правдивы, и оттого боялся меня. Когда-то он мной восхищался, а я отвечал на это с презрением, и теперь мы с принцем были в разладе.

– Соимператор... – повторил я, сжимая и разжимая кулаки. – Мысль о побеге больше не кажется мне глупой.

– Что-то там тебе не кажется? – перебил меня новый голос.

Мы с Лорианом одновременно повернули голову и увидели, как из рукава, связывавшего «Ашкелон» с «Тамерланом», появилась Элара, а за ней Паллино.

– Валка сказала, что вы здесь, – с улыбкой объяснила Элара свое появление. – Что-то ищите?

– Похоже, пару коробок с моими вещами забыли на Нессе, – вздохнул я, прислонившись к стопке ящиков посреди трюма.

– А в яслях для фуги смотрел? – наморщив лоб, спросил Паллино.

Он заметил Лориана и постучал по лбу, как будто небрежно салютуя:

– Коротышка.

– Трехглазик, – ответил Лориан с таким же жестом.

Но я не стал любопытствовать и сказал:

– В яслях слишком маленькие шкафчики, ящик не поместится. Телеграфирую на Несс, когда прибудем на Гододин, и выясню, что случилось.

Я уже внутренне смирился с тем, что не увижу филактерию, пока не вернусь на Несс, и это весьма меня печалило.

Элара села рядом и утешающе взяла меня за руку:

– Все найдется.

Почувствовав ее улыбку, я опустил глаза. По мне вдруг разлилось тепло, и мрачные предсказания Лориана о судьбе Империи и моей роли в этом разом остались где-то далеко. Улыбки заразительны, и я улыбнулся Эларе в ответ:

– Я так по вам скучал. Хорошо, что мы все снова вместе.

– Мы тоже скучали, – ответила Элара, сжимая мою руку.

Пустые слова, но добрые. Все они спали в фуге с самого Фермона и многое пропустили, даже не зная об этом.

– А я не скучал! – усмехнулся Паллино.

– Помолчи! – метнула в него испепеляющий взгляд Элара.

– Как скажете, – снова отсалютовал старый хилиарх, на этот раз как положено.

Отбросив ненужные мысли, я перевел взгляд с Элара на Паллино. Они были последними мирмидонцами, оставшимися со мной с Эмеша.

– Я вам зачем-то нужен?

– Не то чтобы, – ответила Элара. – Просто Валка сказала, что ты что-то потерял, и мы решили помочь.

Мне стало еще теплее.

– Ну, раз так, то, может, и стоит проверить ясли... на всякий случай.

Глава 10. Рай

Планета под нами переливалась серым и белым, словно голографическая панель, не получающая сигнала. Воздух на Падмураке был разреженным и стылым, а великий город Ведатхарад раскинулся посреди заснеженной тундры, где не водилось ничего живого. Все районы были закрыты громадными куполами из металла и алюмо стекла, напоминая населенную демонами столицу Воргоссоса.

Даже с высоты было заметно, что в великом городе Содружества все сделано в угоду утилитарности. Под стеклянными куполами высились грубые бетонные дома-коробки. Бесчувственные памятники безбожному писанию, согласно которому все люди были винтиками одной машины и свободными не потому, что сбросили с себя рабские цепи, а потому, что были такими же «рабочими», как и те, кто эти цепи ковал. В Содружестве утверждали, что его богатство – в единстве, что в этом обществе нет ни классов, ни иерархии, ни различий между гражданами. Как сообщалось, у людей не было даже имен и уж тем более званий. Они жили в пустых квартирах в башнях-ульях, которые возвышались, словно дьявольские мельницы, по периметру огромного города, выстроенного по единому плану.

– Веселенькое местечко, – заметил Бандит, глядя в узкое окошко шаттла перед посадкой. – Это их столица? Не могли основать ее на планете, где хотя бы дышать нормально можно?

– Это многое о них говорит, – ответил я, стоя рядом с ним.

Небо было того же серого цвета, как и сама планета. Белые облака сочетались с белым снегом. Над нами нависал один из куполов; его черный скелет как будто принуждал сами небеса к порядку. Совсем не похоже на Вечный Город.

– Надеть шлемы! – скомандовал Паллино, возглавлявший нашу скромную процессию.

Я щелкнул переключателем, и мой шлем появился из воротникового отсека доспеха. Раскрывшись, он с ювелирной точностью сложился вокруг моей головы. У остальных шлемы были обычные, надевались отдельно. Я услышал, как загудели герметизаторы и засвистел воздух, перегоняемый внутри скафандра. Лицо Тора Варро спряталось под безликой маской из черного стекла. Поверх черного комбинезона он надел зеленую робу схоласта. Шлем Валки был похожим, из черного алюмо стекла и стали, с набивной подкладкой, а вот доспех больше напоминал мой: поверх алой туники она надела нагрудник в виде женского торса с такой же, как у меня, эмблемой – пентаклем и трезубцем. Валка не была солдатом и поэтому не носила птеруг, наручей и поножей. Ее левый рукав был покрыт точной копией фрактального узора saylash – ее клановой татуировки, черной на черном.

Она давно так не наряжалась, и я не смог сдержать улыбки. На поясе у нее висел старый тавросианский служебный револьвер, частично скрытый коротким плащом – таким же, как у меня.

Два сапога пара.

– Шлемы на месте? – спросил по рации Паллино.

Закончив инспекцию, он обратился к пилоту:

– Начинайте выравнивание давления.

Шаттл с громким шипением выпустил воздух, чтобы привести атмосферу внутри в равновесие с той, что царила снаружи. Мгновение спустя люк открылся, превратившись в трап. Солдаты в белых имперских доспехах один за другим начали выходить, высоко держа острые копья. На их фоне унылые серые стражи Содружества выглядели убого. За солдатами вышел Варро, затем Бандит и Паллино, за ними – мы с Валкой в сопровождении группы тяжелобронированных гоплитов, составлявших основу нашей охраны.

Нам было предписано без остановки пересечь посадочную площадку и подойти к низкому широкому ангару, отстоявшему от нас на сто пятьдесят ярдов. Не знаю, почему нам не

разрешили завести шаттл прямо в ангар. Возможно, в Содружестве хотели показать свое превосходство, заставив нас маршировать.

Лотрианские солдаты приветственно вскинули копья. Их было, наверное, человек двести, все в медалях и галунах.

– Никак лучших бойцов прислали? – заметил Паллино шепотом по отдельному каналу связи.

Дул слабый ветерок, почти неощутимый и едва колыхавший наши с Валкой тяжелые плащи.

– Никогда не видел столько заслуженных людей в одном месте, – ответил ему Варро.

– Хотят произвести впечатление, – сказал я.

Однако даже за блеском солдатских наград от нас не укрылось запущенное состояние космодрома.

Над прямоугольным коньком ангара находился барельеф, изображавший работающих рука об руку лотрианцев. Они приближались друг к другу с двух сторон на фоне выгравированной книги. Их позы были статичными, механическими, топорными, а на лицах одновременно читались почти гротескная радость и целеустремленность – неестественное сочетание эмоций, которого я никогда не встречал у живых людей.

– «Лотриада»? – качнула головой Валка в сторону книги.

– Да, – кивнул я в ответ. – Говорят, ее изображения здесь повсюду.

«Лотриада» считалась основой основ Содружества. Она была больше чем свод законов, чем священное писание; в ней содержался перечень разрешенных высказываний, фраз и мыслей, которые с позволения Великого конклава могли использовать люди. Говорят, что когда-то жители Содружества могли изъясняться свободно. Но члены партии все усиливали и усиливали контроль, сокращали словари, выбрасывая опасные и «ненужные» слова. В конце концов под запрет попали даже имена собственные и прочие слова, благодаря которым одного человека можно было отличить от другого, ибо различия, как считалось здесь, лишь подчеркивают неравенство. В то время как в тавросианских кланах опасались предвзятости в отношении того или иного партнера в вопросах любви и брака, в Содружестве боялись предвзятости в целом.

Со временем словари вообще перестали печатать. Вместо них издавали даже не списки разрешенных слов, а списки разрешенных мыслей. Оставался всего один способ сказать, что ты голоден или что тебе больно. Один способ попросить о помощи или обратиться к товарищу. Язык заменили идеологически верные фразы вроде иероглифов, которые больше никогда не менялись.

По крайней мере, так нам рассказывали, и мы в это верили.

Мы прошли под барельефом, и стальные двери с грохотом сдвинулись за нами, закрыв бледно-желтушное солнце. Свет плоских потолочных ламп был абсолютно бесцветным. Индикаторы периферийного зрения указали мне, что воздух искусственно закачивался в похожий на пещеру ангар. Я увидел, как впереди за платформой открылась дверь, откуда появился мужчина в сером костюме без опознавательных знаков, сопровождаемый невзрачными охранниками в черных доспехах.

Когда мы приблизились к платформе, мужчина в сером поднял руку.

– *Dilijatja vatajema*, – обратился он к нам на горловом лотрианском языке. «Уважаемая делегация». – От имени конклава уполномоченный приветствует делегацию Соларианской империи на Падмураке и в Народном городе.

Я обратил внимание на наушник, который носил человек, и решил, что реплики ему сообщали специальные советники, а то и вовсе само устройство, чтобы тот не отходил от протокола.

В ответ я поклонился. Мне стало любопытно, и я решил заговорить на галстани:

– Благодарю за теплый прием, представитель. Я лорд Адриан Марло из дома Марло-Виктории, апостол его величества императора Вильгельма Двадцать Третьего. Мне поручено провести переговоры с вашими руководителями, председателями Великого конклава и по возможности договориться о совместном противодействии сельсинской угрозе со взаимным соблюдением интересов наших народов.

Как я и предполагал, мужчина ответил не сразу, ожидая, пока устройство или те, кто им управлял, прослушают и переведут мои слова. Я мог бы говорить и на лотрианском, но решил, что это рискованно. Язык я в целом знал, но никогда не изучал перечень разрешенных конклавом и его министерствами фраз и поэтому не хотел бросаться сломя голову, образно выражаясь, на минное поле.

– Что хорошо для всех, хорошо для каждого, – ответил дипломат, очевидно какой-то цитатой, и слабо улыбнулся.

Мне было интересно, насколько тяжело было разговаривать с иностранцем, не связанным лотрианскими правилами общения. Я не завидовал представителю, ибо в случае критической ошибки его наверняка ждали расстрел или гильотина.

– Будем надеяться, – сказал я и, спохватившись, нажал кнопку, чтобы убрать шлем; тот разложился, словно ниппонская бумажная скульптура. – Вы член конклава?

Дипломат помотал головой:

– Каждый служит на благо народа в меру своих способностей. Даже малый вклад на благо народа несет пользу всем.

Из этих слов я сделал вывод, что он не входил в конклав, однако, несомненно, был кем-то вроде логофета или старшего секретаря. Лотрианцы могли сколько угодно притворяться, что у них нет иерархии, но это не означало, что ее на самом деле не было.

Посланник поклонился и пригласил нас пройти за ним.

– Для делегации поданы машины, – произнес он на своем родном языке.

Мы ехали по унылым улицам Одиннадцатого купола и серым бульварам, где не росло ни деревьев, ни даже травы. В этом хмуром городе, казалось, не было вообще никакой зелени. Вентиляторы гнали в воздух пар, где тот, конденсируясь под стеклянным куполом, опадал обратно на землю грустным дождем. Глядя с заднего сиденья машины представителя в залитое дождем окно, я подумал, что улицы специально расчистили к нашему визиту. Нам почти не встречались прохожие, а каменные и бетонные фасады зданий были недавно отмыты гидравлическими очистителями. На каждом шагу попадались бронзовые барельефы без единого пятнышка патины, демонстрирующие достижения и добродетели народа.

– А где все люди? – спросила Валка, заметив на тротуаре двух торопливо идущих мужчин и одну женщину в одинаковых серых костюмах.

Представитель, моргнув, выглянул в окно. Он как будто высматривал тех же прохожих, но на деле лишь дожидался предписаний. Спустя секунду ему передали ответ.

– Каждый трудится на благо общества.

Я почувствовал, что Паллино неймется вставить словечко, и покосился на капитана своей стражи. Патриций многозначительно отвернулся к окну напротив, оглядываясь на другие машины нашего кортежа.

В конце концов мы выехали из Одиннадцатого купола и по подземному шоссе, проходящему под чертовой тундрой, направились к другому куполу. Мои подозрения насчет того, что город специально очистили от жителей перед нашим приездом, лишь усилились. Обычно на шестиполосном шоссе наверняка было оживленное движение, но теперь все полосы были свободны. Допрашивать нашего проводника мне не хотелось – он наверняка ответил бы только то, что положено.

Наверху болезненно пульсировали рыжие огоньки.

Вскоре они сменились бледно-желтым сиянием другого купола, больше предыдущего. Мы проехали через массивные стальные ворота, которые при необходимости могли отрезать купол от остального города, и поднялись на высокий мост над бурлящим водным потоком. Сбоку высилась громадная дамба, из открытых шлюзов которой били гремящие водопады.

За мостом начались тесные, геометрически точные кварталы Ведатхарада. В желтое небо одна за другой поднимались циклопические каменные громады. В воздухе висела какая-то дымка, как будто от пара, как во внешнем куполе, и сквозь стеклянную стену самого купола виднелись гигантские многоквартирные дома без окон, похожие скорее на заводы. Я понял, что в этих бараках и закрыты сейчас простые жители Содружества.

Чем ближе к центру города, тем больше людей попадалось нам на улице. Под закупоренным небом Первого купола куда-то спешили мужчины и женщины в одинаковых серых костюмах; кто-то поодиночке, кто-то парами, прячась под зонтиками от проливающейся со стекла воды. У многих на лицах были медицинские маски. Повсюду стояли полицейские. Не то чтобы я не привык видеть военную полицию – на каждой имперской планете были префекты, – но в таком количестве?! На каждом углу обязательно стоял полицейский в черных доспехах, что заставило меня подумать не об Империи, а о городе над дворцом Кхарна Сагары на Воргоссосе.

И, как на Воргоссосе, здесь за внешним фасадом тоже таилась тьма.

Народный дворец стоял за изогнутой стеной из бетона и стали в пятьдесят футов толщиной и втрое выше этого. Центральный корпус представлял собой ступенчатый многоэтажный зиккурат, похожий на пирамиду, посвященную какому-то ложному забытому богу. Другие здания, размещенные по периметру, не имели окон и не были никак украшены, напоминая надгробия; в них располагались казармы, арсенал и кабинеты тайной полиции. Из абстрактных фонтанов били струи, образуя над дорогой водяные арки. Солдаты в матово-черных доспехах гвардии конклава и в серо-красной военной форме с отличительными знаками несли у фонтанов и у дверей почетный караул. Другие смотрели на нас со ступеней зиккурата, поднимавшихся на тысячу футов почти к самому куполу.

Машины обогнули последний фонтан и остановились у громадной лестницы. По ступенькам, словно лава, стекла красная ковровая дорожка, напомнив мне о багровом покрывале, раскинутом Клитемнестрой перед ногами Агамемнона Великого на заре земной цивилизации. Двое стражей в доспехах открыли двери, похожие на створки морской раковины, и представитель жестом указал, что можно выходить. Паллино вышел первым – Бандит ехал в другой машине – и подал мне руку, а я в свою очередь помог выйти Валке.

– Почти как дома, – сказала она на пантайском.

Мне не хотелось об этом напоминать. На ее родине красота была субъективна, да и весь мир тоже. Дома, среди соотечественников, Валка видела то, что хотела видеть, то, что рисовали в подсознании ее имплантаты – иллюзии, тенями покрывавшие действительность. Там, где я видел лишь голый камень, ей являлись пышные сады, а вместо пластиковых полов и обитых нейлоном диванов – роскошный паркет и резная мебель. Демархисты воображали роскошь и прятали все уродливое, а здесь, в Содружестве, уродливость была общепринятой и воплощалась во всем.

– Как ты? – спросил я, наклонившись к Валке.

Вряд ли лотрианцы владели малоизвестным языком, на котором говорила тавросианка, но всякое бывает.

– Нормально, – храбро улыбнулась она. – Ничего страшного.

Когда мы поднялись на ступеньки, нас принялись снимать три дрона. Возможно, из соображений безопасности, а может, местная пропаганда собиралась раздуть что-нибудь из нашего визита. Я криво улыбнулся на камеру и поприветствовал выстроившихся вдоль лестницы пики-

неров. Впереди шагал Бандит в сопровождении сигнифера, несшего жезл дипломата с красным знаменем в белую полосу, посреди которого сияло алое имперское солнце.

Пока мы поднимались, проходя мимо колоссальных прямоугольных колонн к фальшдверям в виде раскрытых книжных страниц, я заметил смутные силуэты встречающих: бледных темноволосых мужчин и женщин в серых костюмах.

Я ожидал, что нас остановят и поприветствуют у входа, но вместо этого нас отвели прямо на досмотр. Пришлось пройти через светящиеся сканеры. Теперь нашим хозяевам стало известно о моем мече и проекторе щита и о пристегнутом к бедру пистолете. Они увидели мой кинжал, как и вооружение абсолютно всех сорока членов нашей делегации, вплоть до малейшего метательного ножа Бандита. Даже адамантовые кости моей левой руки стали всеобщим достоянием. Незамеченными могли остаться разве что имплантаты Валки да моноволоконная спираль, которую Карим прятал под копной своих темных волос.

Наш проводник сдержанно поприветствовал двух коллег, мужчину и женщину, спешивших нам навстречу через атриум. Все трое были так похожи, что вполне могли сойти за родственников. Серокожие, темноволосые, с пустыми глазами. Казалось, они находятся под действием каких-то стимуляторов – может, веррокса или амфетамина, а может, простого кофеина. У новоприбывшей парочки были такие же наушники, как у нашего проводника.

– Уважаемая делегация, – сказали они в унисон и вскинули руки; точно так же нас приветствовал по прибытии и первый дипломат.

– Благодарим за прием, – ответил я, давая им время выслушать перевод и получить ответ. – Когда мы сможем предстать перед Великим конклавом? Мне не терпится встретиться с вашими лидерами.

Женщина слегка поклонилась, сложив перед собой руки.

– В Содружестве нет королей и лидеров, – сказала она тоном строгой учительницы или схоласта, упрекающего нерадивого ученика. – Сегодня конклав не заседает. Делегацию пригласят, когда все председатели будут на месте.

Я с трудом удержался, чтобы не нахмуриться, и посмотрел на Валку и Тора Варро.

– То есть приема не будет? Я надеялся выступить сразу же.

Мужчины и женщина переглянулись, ожидая подсказки уполномоченных органов. Мое терпение уже было на исходе. Я мог смириться с молчанием, но не с этой бестолковой пассивностью, которую здесь выдавали за гражданскую добродетель.

– Я прибыл по особо важному заданию самого соларианского императора. Меня не примут?

Женщина – очевидно, старшая из троицы, хотя на это наблюдение мне наверняка опять бы повторили, что «каждый служит в меру своих способностей», – уставилась на меня с натянутой улыбкой:

– Все должны трудиться на благо общества. Чтобы был хлеб, жилье и порядок для всех трудящихся.

– Значит, все заняты?

Я сунул пальцы за пояс и осмотрел просторное помещение, в котором мы оказались. Пол здесь был не цементным и не пластиковым, а мраморным, из черно-белой плитки. Впереди поблескивал подсвеченный со дна низенький бассейн. Поверхность воды над темным камнем была абсолютно ровной, гладкой. Как черное зеркало. Мне почти по-детски захотелось нарушить это спокойствие, разбить иллюзию царящего вокруг абсолютного порядка.

Я понимал, что все это значит.

Они рисовались, притворяясь, как и все власть имущие, что важные дела для них – суший пустяк. Делали вид, что прибытие посла Соларианской империи не предвещало конца их мира.

Но война надвигалась на Падмурак, хотели того его темные владыки или нет.

Глава 11. Великий конклав

Ночью снова навалились сны.

Мне снилось, как я тону в глубокой воде. Бледные руки тянулись из темноты, ласкали меня и тянули вниз. Я был то ли мертв, то ли на грани смерти и не мог выбраться из доспеха. Время текло вспять; я падал, падал вверх к алым огням и звукам хаоса битвы. Потом очутился на полуразрушенном каменном мосту за городом с серыми башнями. Кругом горели машины и бегали грязные люди с оружием.

Если время, как верят некоторые, в самом деле бесконечно, то рано или поздно все становится правдой. Я же верю, что финал неизбежен, как неизбежны концы всего в отдельности: империй, планет, людей. Но даже за несколько сот лет человеческой жизни можно любую неправду превратить в правду. Однажды я сказал Лориану, что не вижу будущего. Тогда я не знал, что способен на это.

Гремели выстрелы, сверкали вспышки.

Я проснулся.

На Падмураке занялся рассвет, и бледно-желтое солнце болезненно светило сквозь горизонтальные щели окон, как бы в разрезе показывая огромный суровый город. Из нашего номера на вершине шпиля, где находилось имперское посольство, я мог различить вдали другие купола. В нескольких милях отсюда был космопорт для шаттлов. За ним расположился грузовой порт, откуда прошлой ночью дважды стартовали ракеты. Дальше была только тундра. Тундра, в которой работали бесконечные фабрики, бараки и трудовые лагеря – три кита, на которых стояло лотрианское общество.

Не разбудив Валку, я вымылся в безводном душе, растерся под звуковыми струями. Когда вышел, кабина автоматически уничтожила все, что я с себя смыл. Одежда в лучший дипломатический костюм: белую рубашку и брюки с двойной красной строчкой. Сверху накинул черную парчовую тунику с красной оторочкой и узором «бута». Натянул поверх рукава кожаную перчатку, застегнул на все застёжки. Пристроил кольцо-печатку императора на указательный палец правой руки и не забыл цепочку с белым осколком скорлупы Тихого. Сапоги сели как влитые, плотно обхватив икры. Напоследок я прицепил к поясу меч.

Меня ждал Великий конклав.

Мы с Валкой и Варро прошли по черно-белому шахматному полу фойе в сопровождении нашей охраны и представителей правительства Содружества. К нам каждый день приставляли новых, а прежних мы больше никогда не видели. Нас проводили мимо зеркального бассейна к угловой лестнице, что вела на галерею, опоясывавшую дворец-зиккурат. Галерея тянулась над фойе и нижними залами, расположенными по всему периметру дворца. Внизу ходили дипломаты и чиновники в одинаковых серых костюмах с черными звездами правительственных служащих на груди. Народ на языке Лотрианского Содружества назывался *zuk*, а эти люди, управлявшие им, именовались *pitrasnuk*.

Всю внутреннюю стену галереи покрывала гигантская фреска с изображением торжествующего народа. Впереди за квадратной аркой находился главный вход. Мы прошли туда – на этот раз без досмотра – и миновали еще несколько серых барельефов, пока не оказались в узком коридоре, где потолок располагался настолько высоко, что его было не разглядеть в темноте. Ответвлений у этого коридора не было, и я понял, что мы приближаемся к самому сердцу зиккурата. Это место напомнило мне об угрюмых бетонных казематах капелланской бастии на Фермоне и о тюремных камерах Боросево на Эмеше. Я даже подумал, не вдохновлялись ли в Содружестве много тысячелетий назад архитектурой Капеллы – уж настолько она была устрашающей.

Из коридора мы попали в круглый зал, и, оглядевшись, я понял, что это амфитеатр. Колизей. Нас окружали десятифутовые стены, над которыми за железными перилами полукругом сидели тридцать пять председателей лотрианского Великого конклава. Центральное кресло пустовало, но все остальные, по семнадцать с каждой стороны, занимали серолицые дамы в серых платьях и господа в серых костюмах. Все темноволосые либо седые. Позади них и чуть выше сидели младшие чиновники, лица которых едва можно было разглядеть – такими сумрачными были эти покои государственной власти.

– Конклав принимает делегацию Соларианской империи, – произнес престарелый мужчина справа от центрального кресла, вероятно спикер. – Конклав выражает надежду, что пришествие делегации ознаменует начало новой эры сотрудничества между Империей и Содружеством. Что хорошо для всех, хорошо для каждого.

Он произнес это тоном проповедника, и в самом деле, как только он договорил, остальные председатели и чиновники хором повторили:

– Что хорошо для всех, хорошо для каждого.

После все слова повторялись на корявом галстани из динамика, вмонтированного в стену позади центрального кресла – возможно, для моего удобства.

В сумраке я различил мерцание защитного барьера, отделявшего нас от верхнего яруса, и понял, почему нас без вопросов пропустили сюда с охраной. Энергетическую завесу невозможно было пробить имевшимся у нас оружием.

Почувствовав, что пришел мой черед выступать, я шагнул вперед и поклонился, держа одну руку на сердце, а другую отведя в сторону, как было принято при дворах галактических правителей.

– Достопочтенные председатели, – начал я, выпрямившись, – я сэр Адриан Марло, рыцарь Королевского викторианского ордена. Меня прислал император Вильгельм Двадцать Третий из дома Авентов, чтобы заручиться вашей поддержкой в войне против ксенобитов-сьельсинов, уже долгое время разоряющих планеты в населенной людьми вселенной.

Я сделал паузу, позволяя председателям Великого конклава прослушать через наушники перевод и ответить. Но абсолютно все они молча и бесстрастно продолжали смотреть на меня. Тогда я приблизился еще на шаг:

– Вот уже более тысячи лет наша Империя терпит мощнейшие удары захватчиков. – И снова взял паузу.

Я прекрасно знал, как долго бушует война, но услышать это из собственных уст стало в некотором роде потрясением.

Переведя дух, я продолжил:

– Больше тысячи лет наши люди сражались, проливали кровь и гибли, чтобы сдержать натиск врага. Больше тысячи лет мы не отступаем. Кровь нашего народа обеспечивает безопасность вашего. Но теперь сьельсины ведут массированное наступление. Их флотилии уничтожают планеты вдоль границы рукава Центавра. Нас атакуют на нескольких фронтах, и мы не в силах защитить все звездные системы. Нам нужны корабли. Нам нужны люди.

Это заявление мужчины и женщины в креслах встретили с гробовым молчанием.

Покосившись на Варро, я добавил:

– Император, мой повелитель, просит вас присоединиться к нам и помочь защитить человечество от этой небывалой угрозы.

Председатели по-прежнему не шелохнулись. Старик, сидевший по правую руку от пустого кресла, покосился на соотечественников, как будто ожидая сигнала. Наконец Девятый председатель пошевелился. По сравнению с остальными он был очень молод, его короткие черные волосы были напояжены и аккуратно причесаны, а серые глаза над впалыми щеками сверкали.

– Тот, кто называет других повелителями или рабами, не может иметь товарищей. Возможны ли равноправные отношения с тем, кто не знает, что такое равенство?

Я ответил не сразу, обдумывая эти слова. Лотрианский я знал в совершенстве, но машина все равно перевела их на галстани. Это не было прямым ответом на мою просьбу, но прямого ответа я и не ждал. Я не мог понять, обращался Девятый председатель ко мне или порицал конклав за то, что они предоставили мне аудиенцию. Меня удивляло, как человек в таком юном возрасте достиг таких высот в Содружестве. Возможно, знание «Лотриады» значило для Великого конклава больше, чем опыт? Может, этот юноша был ученым или теологом – пусть у них и не было богов?

Через секунду я решил, что Девятый председатель все-таки обращался к коллегам по ассамблее, так как ему гнусавым голосом ответила женщина, Тринадцатый председатель:

– Стремление к равенству заложено в сердце каждого.

Она таким образом подталкивала нас к диалогу? Я снова посмотрел на Варро. Смуглое лицо схоласта, как обычно, не выражало эмоций. Его, в отличие от меня, происходящее, очевидно, не возмущало.

– Нам не доверяют, – прошептал он мне на ухо. – Господин слева не верит, что мы способны вести честную игру. Полагаю, он считает, что мы хотим воспользоваться ситуацией ради выгоды. Женщина с ним не согласна.

Кивнув, я внимательно осмотрел председателей Великого конклава. Над каждым мрачно нависали спинки их кресел. Вдоль перил по кругу летал дрон с камерой. Я проводил его взглядом, смотря прямо в объектив.

– От имени Империи я уполномочен сделать в пользу Содружества некоторые уступки, начиная с этой, – сказал я и, достав из кармашка на поясе кристальную карту данных шириной в дюйм и длиной в два, показал ее ассамблее.

По команде старика – Первого председателя, сидевшего справа от пустого кресла посередине, – из пола посреди амфитеатра поднялся пьедестал, и я положил кристалл на его стеклянную поверхность. Миг спустя где-то наверху, за председательскими спинами, включился голографический проектор, и конусообразный луч нацелился на пьедестал. Под фрактальными печатями, подтверждавшими подлинность имперского документа, шли строки юридического текста.

– Как вы можете видеть, – начал я, держа одну руку за спиной, а другую поднимая вперед, как будто что-то протягивая, – мы готовы немедленно снять эмбарго на экспорт очищенного урана и антиматерии. Мы также готовы разрешить торговлю между отдельными корпорациями, действующими по имперской хартии, и вашими колониями. Это сотрудничество будет взаимовыгодно для наших народов.

По конклаву прокатился шепот. Младшие чиновники, сидевшие над основной террасой, где расположились тридцать четыре председателя, заметно оживились и зашушукались.

– Человек просит голоса! – подняв руку, объявила женщина в шестом кресле.

Я снова вопросительно посмотрел на Варро. Узкие брови схоласта приподнялись, и он помотал головой. Медленно – очень медленно – все председатели переглянулись, кое-кто даже привстал, чтобы посмотреть на других. Шестой председатель не опускала руку. Наконец поднялась рука Семнадцатого председателя, мужчины с квадратной челюстью, сидевшего дальше всех от центра, в левом углу от нас и, соответственно, по правую руку от пустующего кресла. После этого как по сигналу поднялось еще больше рук. Девятый председатель, напротив, сложил руки, так же поступили еще несколько. Первый председатель пересчитал всех.

– Двадцать один к тринадцати! – воскликнул он. – Голос предоставляется.

Я задумался, как бы они поступили в случае равенства.

Шестой председатель встала, одной рукой поправив платье:

– Почему именно сейчас? Империя враждовала с народом тысячи лет. Империя запрещала торговлю. Империя не позволяла открывать новые колонии. Теперь Империя просит народ о помощи. Почему?

Автопереводчик повторил ее слова привычным ровным, бесполом голосом.

Тридцать четыре серых лица взирали на меня. Шестой председатель осталась выжидающе стоять. Я смотрел на нее в изумлении.

Она сказала: «Человек просит голоса». Она попросила разрешения высказать свое личное мнение, не по протоколу, и остальные проголосовали за то, чтобы позволить ей это. Выказалась бы она, если бы они проголосовали против? Вероятно, нет, ведь кто, как не эти тридцать четыре человека, находятся в Содружестве под самым пристальным наблюдением?

Прежде чем ответить Шестому председателю, я покосился на Девятого.

– По всему Центавру горят планеты, – сказал я. – Сотни планет. Сельсины атакуют невиданным прежде числом. Линия фронта растянулась и затрагивает слишком много систем, чтобы мы могли адекватно защитить все из них. Региональные наместники и феодалы почти разгромлены. – Я посмотрел на Валку и дождался от нее легкой ободряющей улыбки. – Центавр был многовековым оплотом борьбы с врагом. Если он падет, сельсины тотчас будут у вашего порога. Наш народ с самого начала войны прикрывал вас живым щитом. И даже если нам удастся удержать контроль над регионом, нельзя исключать, что сельсины проберутся на вашу территорию. Прошу, прислушайтесь: ход войны изменился.

Шестой председатель задумалась, прежде чем ответить.

– Если *rugyeh* заявятся сюда, это дорого им обойдется. Флот *rugyeh* растянется на несколько фронтов. Они ослабнут.

Несколько председателей ассамблеи конклава, включая Девятого и Семнадцатого, дружно закивали на это замечание.

Rugyeh на лотрианском означало «чужие». Так они называли сельсинов.

– Сельсины придут сюда, поживившись большой добычей и пополнив свои ряды за время перехода, – возразил я.

Исследования, проведенные Разведывательной службой легионов на захваченных неведомыми сельсинских кораблях, показали, что там не пользовались яслями для фуги, а в ходе вскрытия тел и генетического секвенирования нашим сходастам и медикам удалось установить, что продолжительность жизни у Бледных была огромной. Князь Араната Отиоло однажды проговорился, что ему было больше тысячи лет, однако я так и не выяснил, насколько сельсинский год соотносился с нашим. Так или иначе, сельсины не сидели сложа руки, пока их мигрирующие флотилии бороздили межзвездную Тьму. Рождались новые поколения, жизнь шла своим чередом, и вражеские армии обновлялись и набирали силу после каждого перелета. В промежутках между битвами. Отчасти благодаря этому армия Бахудде после разорения Маринуса сохранила достаточно сил для нападения на Беренику. Для людей долгий перелет от звезды до звезды означал стазис, сон. А для Бледных? Для них это означало тренировку и развитие.

– Достопочтенный председатель, вы не знаете их так хорошо, как я, – сказал я, встретившись с ней взглядом, чтобы заставить понять. – Содружество не готово к такой войне. А Империя не успеет прийти на помощь, если бои развернутся в лотрианском пространстве.

– Угрозы! – без очереди воскликнул другой председатель, худосочный мужчина из левого крыла. – Делегация угрожает народу!

Автопереводчик воспроизвел его слова в воцарившейся тишине, не передав интонаций говорившего, из-за чего его возражение прозвучало вяло и монотонно.

– Говорящий не по правилам превозносит волю одного над волей народа, – вмешался Первый председатель. Старик положил руку на какой-то предмет, лежавший на пустом кресле посередине. – От имени конклава Двадцать Пятому председателю объявляется выговор.

Двадцать Пятый побледнел и потупил взгляд. Он высказался без спроса.

– Человек просит голоса, – промямлил он.

К моему удивлению, сам он не поднял руки, а вот Шестой председатель, не садясь, подняла. Девятый, а с ним и его прихлебатели, как и прежде, сложили руки. Первый председатель пересчитал голоса.

– Семь! – объявил он. – Против двадцати семи. Голос не предоставляется.

Двадцать Пятый председатель нахмурился, но больше ничего не сказал.

– Делегат утверждает, что Содружество не готово, – продолжила Шестой председатель, – но при этом просит у Содружества помощи. В этом есть противоречие.

– Что хорошо для всех, хорошо для каждого, – не удержался я.

Председатели недовольно заворчали, младшие чиновники наверху зашумели.

– В данном случае что хорошо для моего народа, хорошо и для вашего. Или, по-вашему, мы не люди? – сказал я.

Шестой председатель не нашлась с ответом, и я сделал еще шаг вперед, переходя в риторическое наступление:

– Уверяю вас, для сельсинов не будет никакой разницы. Их диета совершенно аполитична.

К моему удивлению, Шестой председатель не ответила и на этот раз, молча опустившись в кресло. Но сразу после этого ее оцепенение как рукой сняло.

– Всеобщее благо важнее личного, – произнесла она.

– Значит ли это, что вы согласны на наши условия? – впервые с начала заседания произнес Варро.

Я сомневался, что все будет так просто. Или лотрианцам настолько нужны были ресурсы? Я знал, что они эксплуатировали крестьян и рабочих не хуже моего отца, но, в отличие от него, платили им только хлебом и базовым протеином.

– Дела Содружества не решаются одним голосом, – ответил Семнадцатый председатель, задумчиво окинул взглядом соотечественников и со скучающим видом подпер голову кулаком. – От имени конклава...

Он взял паузу, дождавшись одобрительных кивков от пары других председателей. До меня дошло, что эта фраза, как и требование слова, была своего рода сигналом о том, что дальше выступающий будет изрекать мысль не по книге. Я предположил, что в таких беспрецедентных переговорах, какие мы вели, потребуются уникальные выражения и заявления. В самом деле, здешняя аудитория раздвигала рамки лотрианской политкорректности, балансировала на грани разрешенных истин. Поэтому требовалось просить слова, поэтому председатель, высказавшийся без спроса, был наказан.

– От имени конклава объявляется, что решение не будет принято сиюминутно. Конклав должен в деталях рассмотреть предложение делегации.

Коллеги говорящего согласно закивали.

Вдруг Семнадцатый председатель откашлялся.

– Человек просит голоса.

Он поднял руку; остальные один за другим повторяли его жест. Лишь компания Девятого традиционно осталась сидеть со сложенными руками.

– Двадцать девять, – подсчитал Первый председатель, – против пяти. Голос предоставляется.

Семнадцатый председатель едва заметно улыбнулся и встал, прежде чем начать. Я увидел, что он чрезвычайно высок и осанист; судейская мантия лежала на его плечах подобно королевской. Он вовсе не походил на представителя равного народа.

– Шестой председатель отметила верно. То, что Империя вдруг сменила гнев на милость, говорит об их отчаянном положении. Делегация утверждает, что вправе идти на уступки. В

таком случае необходимо рассмотреть внесение дополнительных пунктов в соглашение, предложенное Соларианской империей. Нужны поправки.

– Поправки? – переспросил я с некоторым облегчением. Мне было куда комфортнее вести диалог с настоящим человеком, а не с говорящей головой.

– Какие, например? – вставил Варро.

Валка молчала. Она не была представителем Империи и не имела права выступать от ее имени. Она была моими глазами; механические глаза, давным-давно данные ей тавросианскими соплеменниками, не упускали ни одной мелочи, а наномашины, управлявшие серым веществом ее мозга, ничего не забывали, как и Варро с его многолетними мнемоническими тренировками. Эти двое были незаменимыми свидетелями.

– Например, право поселения в Верхнем Персее, – ответил он и улыбнулся, пока автопереводчик передавал его слова на языке, который, как они думали, был единственным понятным мне.

Семнадцатый председатель ни секунды не раздумывал перед ответом, и я понял, что все это было спланировано с самого начала.

Я потупил взгляд. Неужели мой визит в Содружество заведомо был обречен на неудачу? Неужели в Имперском совете ожидали, что Великий конклав выдвинет требования, на которые я не смогу согласиться? На которые Империя не сможет согласиться?

Неужели император дал мне очередное невыполнимое задание? Несомненно, Имперский совет осознавал, что такая вероятность есть. Мы тысячелетиями не позволяли лотрианцам расширять территорию за счет рукава Персея. Даже наше последнее вооруженное столкновение случилось из-за этих территорий.

– Право поселения... – покачал я головой. – Мне нужно будет посоветоваться с имперским руководством. – (Если бы меня в самом деле назначили ауктором, я был бы вправе согласиться сразу же.) – На это потребуется время. Пока мы можем обсудить другие детали договора.

– Исключительно на гипотетической основе, – добавил Тор Варро, мастер точных формулировок.

– Человек требует голоса, – произнес еще один человек.

Все повернулись к говорящему.

Девятый председатель поднял руку, выставив вверх палец. Учítывая, что до этого он трижды высказывался против предоставления слова коллегам, я удивился, что ему хватило наглости требовать слова самому. Но несколько рук – его приспешников – тут же взметнулись вверх, а следом еще больше.

Руки подняли все.

Я плохо разбирался во внутреннем устройстве политики конклава и поэтому не знал, как это оценивать.

– Тридцать четыре, – хрипло произнес Первый председатель, – против нуля. Голос предоставляется.

Девятый председатель даже не потрудился встать. Он откинулся на гранитную, похожую на памятник спинку кресла, как император, в надменности и горделивости не уступая оставшемуся стоять Семнадцатому председателю.

– Почему соларианский император прислал сюда именно этого человека? Адриан Марло хорошо известен. Этот делегат – воин, а не дипломат. Почему Красный император отправил на Падмурак воина?

– Потому что каждый должен служить на благо других в меру своих способностей, – колко ответил я, впервые заговорив на чистом лотрианском.

– Замечательно! – захлопал в ладоши Девятый председатель. – И весьма верно подмечено. Но вопрос остался без ответа. Почему именно этот делегат?

Лотрианская традиция непрямых обращений – с целью стереть любую идентичность, за исключением сугубо функциональной, – постепенно начинала меня раздражать. Пусть у лотрианских сервов формально не было хозяев, но в Империи даже у рабов были имена. Меня уже тошнило от лотрианского коллективизма, но я стиснул зубы и не позволил раздражению выйти наружу, выдохнув через нос и вспомнив стоические афоризмы Гибсона. Я чувствовал, что от моего ответа зависит многое, хотя и не знал почему. Несколько секунд посмотрев в глаза Девятому председателю, я перевел взгляд на других: престарелого Первого председателя, статного Семнадцатого. Множество почти безликих людей, одетых в серое, словно коллегия колдунов, поднялись над Великим конклавом, направив на меня микрофоны и голографы.

– Я знаю съельсинов, – ответил я и для убедительности повторил это на языке Содружества, осторожно обращаясь с неуклюжими лотрианскими конструкциями. – *Din konraad vedajim Rugyeh.*

«Человек знает чужих».

– Во всей Империи нет никого, кто бы лучше меня изучил врага, – сказал я. – Я лично убил двух их князей, чем не может похвастаться никто другой. Я сражался с тремя пальцами Белой руки, служащей Бичу Земному. Я был первым, кому удалось убедить врага сдаться в плен на Эмеше. Император послал меня сюда, потому что я могу объяснить вашим адмиралам тактику и стратегию врага. Нашего врага. Господин, – обратился я к Двадцать Пятому председателю, – мое присутствие здесь и мои слова – не угроза. Это предупреждение. Съельсины приближаются, и если падем мы, вы будете следующими. Они разрушат купола вашего великого города и сожрут ваш народ. Помогите нам, а мы поможем вам.

Всю мою речь Девятый председатель улыбался. Когда я договорил, он ничего не сказал, лишь снова откинулся в кресле, очевидно демонстрируя, что закончил.

– Конклав рассмотрит предложение делегата, – произнес Первый председатель. – Заседание окончено.

Сказав это, он потянулся к пустому креслу и что-то захлопнул. Вытянув шею, я смог различить книгу в черном кожаном переплете, фолиант длиной в локоть и шириной примерно в фут, чуть больше моих собственных дневников. Председатель встал и поднял книгу над головой, демонстрируя черную звезду на обложке. Теперь я понял, что передо мной экземпляр «Лотриады».

Я никогда не видел печатных копий этой книги. В детстве я, разумеется, ее читал – все дети лордов обязаны ее прочесть, чтобы понять, какое зло она несет. Но, как и большинство текстов на Делосе, «Лотриада» была в голографическом формате. Глядя на ее истинный облик, я испытал ужас.

Черная книга.

Единственная книга, разрешенная в Содружестве.

Подходящий символ, демонстрирующий все противоречия. Эта нация называла рабство свободой, выдумку – правдой и прославляла свой народ, разрушая саму концепцию личности.

Нация книгосжигателей, поклоняющихся книге, – как вам такое?

Глава 12. Содружество

Переговоры были долгими.

Не стану задерживаться на пересказе всех заседаний и выступлений, состоявшихся за несколько недель, не буду погружать вас в то болото двоемыслия, которое представлял собой переговорный процесс с лотрианцами. Порой мы целыми днями ждали, пока Имперский совет пришлет необходимые документы по квантовому телеграфу, – данные между Падмураком и Форумом, отстоявшими друг от друга на тысячи световых лет, передавались со скоростью одного знака в секунду. Чтобы дожидаться, пока совет свяжется с императором, давно покинувшим Несс и продолжившим турне по фронтиру, также требовались дни. Насколько мне было известно, император сделал остановку на Ванахейме и собирался остаться там на несколько месяцев.

Ни совет, ни император не готовы были расстаться с незаселенными территориями в Верхнем Персее. Содружество расселилось по дальним районам Стрельца, образовав своего рода щит, не позволявший нашим колонистам добраться на галактический запад. Именно это в первую очередь и заставило Империю начать экспансию в Центавр через Вторую Бездну и основать колонии вроде того же Гододина. Доступ к Персею не просто позволил бы Содружеству получить новые территории для освоения и открыл бы им путь во Внешний рукав к краю галактики, но приблизил бы лотрианские границы к Дюрантийской Республике и Княжествам Джадда, за что ни дюрантийцы, ни наши джаддианские союзники не сказали бы нам «спасибо».

Сьельсины были величайшей угрозой человечеству со времен Колумбии и ее дочерей, но никакая угроза не оправдывала предательство союзников.

При этом отказаться мы тоже не могли. Лотрианская поддержка была необходима, и я не мог вернуться на Несс и предстать перед кесарем, потерпев неудачу. Мне пришлось с лотрианской неопределенностью обсуждать аспекты нашего соглашения. Мы пошли на другие уступки, даже обговорили вероятность появления лотрианских колоний в отвоеванном Пространстве Наугольника, пересмотрели в пользу лотрианцев соглашение о границах в Поясе Расана, нейтральной территории в Стрельце между Империей и Содружеством.

Работа была монотонная, и ни к чему заострять на ней внимание.

Валке хватило нескольких дней, чтобы от всего этого устать, и я ее не виню. Она сама сначала решила отправиться со мной в город, чтобы не быть одной. Этот урок я усвоил давным-давно. После Береники мы расставались лишь в случаях, когда того требовали приказы, как на Эйкане, либо по взаимному согласию. Валка скоро перестала сопровождать меня на встречах со всевозможными председателями, предпочитая оставаться в роскошном номере дворцового комплекса, предоставленном нам принимающей стороной. По вечерам мы ужинали с чиновниками имперского консульства.

Старшим из них был лорд Дамон Аргирис, верховный консул на Падмураке. Аргирис жил в Велатхараде вот уже почти пятьдесят лет, лишь изредка покидая стены посольской башни.

– Лотрианцы не слишком жалуют иностранцев, – рассказал он мне в сауне, – а в последние годы стало еще хуже. Во времена моего предшественника за Одиннадцатым куполом был иностранный рынок, где позволялось торговать приезжим. Но не имперцам, разумеется. Нам путь сюда был заказан после войны в Персее. Но других пускали.

Консул прислонился головой к скрупулезно выложенной плитке и промокнул лоб уголком полотенца, обмотанного вокруг мускулистого торса наподобие тоги.

– По правде говоря, – продолжил он, – меня удивляет, что Великий конклав проявил интерес к материальным уступкам со стороны императора. Топливо им, пожалуй, не помешает, а вот от торговли, по моим ожиданиям, они должны были отказаться. Возможно, на других

планетах дело обстоит иначе, но Падмурак в последнее время был изолирован не хуже самой Земли.

– Тогда нужно радоваться, – заметил я, любуясь мозаикой на стене за спиной консула.

На ней был изображен Бог-Император в виде античного героя, обнаженного и мускулистого. Пяткой он попирает железного змея. Одной рукой сжимая глотку механического демона, другой заносит пылающий меч. Отдельные фрагменты мозаики были миниатюрны, меньше рисового зернышка, но вместе они создавали яркий образ, сияющий сквозь банный пар.

По взгляду Аргириса я понял, что он наблюдает за парильщиками. Не услышав от него ответа, я продолжил:

– Император ни за что не позволит лотрианцам поселиться в Персее, поэтому нужно довольствоваться тем, что имеем.

Аргирис по-прежнему молчал. Я демонстративно кашлянул.

– Ни в коем случае! – воскликнул он, поглаживая рукой усы. – Наш многовековой труд пойдет насмарку.

Его черные глаза, очевидно, с огромным усилием отвлеклись от созерцания множества голых людей и переметнулись ко мне.

– Пересмотр границ в Поясе Расана мне тоже не по душе, – сказал консул.

Это была нейтральная зона, установленная между Содружеством и Империей после Персейских войн. Пространство шириной в сто световых лет, на которое обе стороны договорились не посягать. По новому соглашению, если таковое будет достигнуто, нейтральная зона сокращалась наполовину – исключительно со стороны Содружества, позволяя им заселить и разрабатывать тысячи новых звездных систем. Не так много, как они получили бы при доступе к Персею и джаддианской границе, но достаточно – и для Империи это, безусловно, было серьезной уступкой и утратой.

– И мне, – ответил я, сжав ладонями край каменной скамьи, на которой сидел.

Аргирис подозвал служанку, чтобы та плеснула еще воды на раскаленные камни между нами. Золотой ошейник означал ее положение рабыни, и я мысленно напомнил себе, что, как бы я ни гневался на устои лотрианцев, за Империей тоже водились грехи. Нас с консулом разделила стена пара; девушка наклонилась, чтобы набрать еще воды, и Аргирис схватил ее за грудь. Рабыня промолчала, лишь вздрогнула, когда консул ущипнул ее за сосок.

– Прекратите! – рявкнул я.

Аргирис гневно посмотрел на меня, но отпустил девушку.

– Пожалуйста, подайте черпак, – попросил я ее, машинально протянув левую руку, и страшные глубокие шрамы стали отчетливо видны в желтом свете ламп.

Я заметил, как взгляд рабыни задержался на серебристо-белых следах моих старых ран, как консул не мог отвести от них глаз. Получив от нее черпак, я нетерпеливо щелкнул пальцами, чтобы она быстрее убралась подальше от лап Аргириса, пусть лишь на время.

– Можете идти.

– Постойте! – сердито воскликнул Аргирис. – Что вы себе позволяете?!

Девушка растерялась, не зная, кого слушаться. Она была боса и одета лишь в шелковую набедренную повязку и золотые украшения – наверняка по вкусу консула.

– Лорд Аргирис, у нас серьезный разговор, – сухо ответил я, взмахнув черпаком, как школьный учитель – указкой. – Постарайтесь не отвлекаться.

Мы с Дамоном Аргирисом оба были палатинами, и я не знал, старше он или моложе меня. Разменяв вторую сотню лет, я заметил, что, как правило, эффект взросления с годами неумолимо снижается. Не важно, было Аргирису двести или пятьсот лет; он, как и я, был человеком закоснелых привычек, вот только его привычки, на мой взгляд, были отвратительны. В юности я едва не принудил одну служанку к близости, сам того не осознавая. Мне казалось, она меня любит. Я надеялся, что любит. Но между хозяином и слугой, а тем более между хозяином и

рабом – целая бездна, больше Пояса Расана. Там никогда не светят звезды, и единственный путь через нее – принуждение.

А любовь не терпит принуждения.

Со временем я осознал свою ошибку. Не случись этого, может, и я бы сейчас домогался рабынь в консульской бане.

Раздумывая, я плеснул еще воды на камни.

– Аргирис, отпустите ее, – только и сказал я сквозь пар.

Вспомнив, что я был апостолом самого императора и рыцарем Королевского викторианского ордена да вдобавок еще Полусмертным, о чем свидетельствовали мои шрамы, Аргирис проглотил обиду и отослал девушку прочь. Та, покачиваясь, поспешила удалиться.

– Как пожелаете, – развел руками консул.

– Вы говорили, что положение дел здесь изменилось? – криво улыбнувшись, я повел разговор в прежнее русло.

– О да, – нахмурился консул. – Как я уже сказал, они закрыли иностранный рынок еще до моего прибытия, но даже тогда можно было гулять по улицам без лотрианского сопровождающего... а теперь... – Он лениво потянулся и изогнул шею, продолжая разглядывать сауну. – Теперь Падмурак стал планетой тоннелей. Из шаттла в машину, из машины в дом, из дома в трамвай, из трамвая в другой дом – и все это под строгим присмотром.

– То есть здесь не хотят, чтобы мы видели, как они живут?

– Они не хотят, чтобы мы видели бедность, – отмахнулся Аргирис. – Болтают о «благе народа», в то время как их идеальный порядок служит лишь на благо избранных. – Консул снова вытер лицо полотенцем. – Если присмотреться, это хорошо заметно. Они наводят порядок только там, куда пускают нас. Но стоит уйти в объезд по другому шоссе из-за аварии, как вы сразу увидите колдобины, разбитые окна и заколоченные улы.

– Улы?

– Это многоквартирные дома по периметру куполов, где живут *zuk*. Их называют *vuli*, «улы».

Я не смог сдержать удивления:

– Как те, что для пчел?

– Точно, как для пчел, – кивнул консул и закусил губу. – Марло, черт вас побери! Надо еще пару нагнать, а вы девушку отослали.

Поняв намек, я плеснул воды на черные камни.

– Так-то лучше, – сказал Аргирис. – Раньше в городе было больше народу. Я слышал, что конклав переселяет жителей. Они всегда опасаются бунта. С этими куполами легко устроить диверсию. А еще эти революционеры.

– Никогда не слышал о лотрианских революционерах, – насторожился я.

– А вам это слышать и ни к чему, – холодно ответил Аргирис. – Но если верить местным средствам информации, в Содружестве орудуют революционеры-либералисты.

– Либералисты? – переспросил я. – Республиканцы?

– Не уверен, что у них все настолько продумано. – Консул охнул, когда между нами вскинулось новое облако пара. – Да и, честно говоря, не верю я в это. В нашей разведке полагают, что это все выдуманные партией страшилки. Чистой воды пропаганда.

– Вы же сказали, что они опасаются бунта? – в замешательстве спросил я, откладывая черпак.

– Еще бы! Здесь, на Падмураке, миллиард триста миллионов жителей. В одном Ведатхраде, наверное, миллионов двадцать пять. Но из них только около миллиона могут считать себя *pitrasnuk*. Председатели со своими приспешниками в явном меньшинстве, – по сути, они заложники собственного народа.

В Империи сложилась похожая ситуация. Лорды правили с согласия тех, кем руководили, пусть это согласие и не было регламентировано законом. Угроза народного восстания оставалась вечной проблемой, и единственным ее решением было справедливое правление. Жестким лордам вроде моего отца для усмирения подчиненных приходилось все ужесточать и ужесточать свои методы. Макиавелли был не прав. Гораздо проще, когда государя любят, а не боятся. Но если одновременно и любят, и боятся, то это еще лучше.

Содружество не слишком заботилось о соблюдении государственного долга. Под внешним слоем свежей краски и отмытыми фасадами зданий столица – а может, и все Содружество – разваливалась от недостаточного ухода.

– Вам бы послушать их передачи, – продолжил Аргирис. – Та еще отравы. Если где пропало продовольствие или воздуховод взорвался, так это либералисты виноваты, а торговое эмбарго – исключительно наша вина.

– Хлеба и зрелищ, – процитировал я, сложив руки.

– Для народа – в основном зрелища. А хлеб – членам партии. – Аргирис тяжело вздохнул. – И ни слова о том, что торговые пути они сами закрыли. Мы просто их не открываем. Всегда вини врага в том, что делаешь сам.

Повисла многозначительная тишина. Я набрал еще черпак воды, раздумывая о парадоксальности нашего положения: два имперских нобиля – весьма богатые люди, как ни посмотри, – расслабляются в роскошной консульской парилке, пока за стенами посольства все разваливается и приходит в упадок. Меня успокоили мысли об Анжу и других слугах поместья Маддало и о пенсии, которую я им назначил. Сущий пустяк, если сравнивать с повсеместной нищетой в Содружестве, но хоть что-то.

Из соседнего бассейна вылез молодой логофет, подобрал с каменной скамьи полотенце и зашлепал босыми ногами по плиточному полу. Аргирис проводил его взглядом, в котором читалось нечто вроде одобрения.

– Одиннадцатый председатель пригласил нас с доктором Ондеррой в конце недели посмотреть на сбор льда, – сказал я, дождавшись, пока последний объект консульского интереса покинет поле зрения. – А завтра у нас визит на городские фермы. Поедете с нами?

– Нет, милорд, – ответил Аргирис. – Пренеприятнейшее зрелище эти ледяные шахты. Зато сразу становится понятно – по крайней мере, мне, – как на самом деле здесь все устроено. С фермами та же история. Не фермы – крепости! А вот в Первом балетном я вам компанию составлю. – (Поход в театр должен был состояться за три дня до полярной экспедиции.) – Говорят, в нашу честь будут давать «Землю в огне» Адемара.

– Что-что, а за театралов я лотрианцев никогда не держал.

– По-вашему, они слишком невзрачные? – спросил консул тоном знатока. – Нет, им есть чем вас удивить. Не рассказывайте никому на Форуме, но лотрианский Первый балетный театр – лучший, что мне доводилось видеть. Даже императорским представлениям до него далеко.

– Удивительно, что у лотрианцев нет более подходящего источника воды, – перевел я разговор на более насущные вопросы. – Они ведь перегоняют ее изо льда?

Возвращение к менее эстетическим темам заметно охладило интерес Дамона Аргириса.

– Да... да, сэр Адриан, перегоняют. Видели дамбу и шлюзы по дороге сюда?

Если верить моему предшественнику, изначально здесь не было никаких куполов. Лотрианцы уже давно живут на Падмураке. Сначала они рыли тоннели, настоящие сети под поверхностью земли. Полагаю, так они додумались до домов-ульев. Потом, когда возвели купола, тоннели превратились в элементы инфраструктуры: шоссе, вентиляционные шахты, канализацию. Но этого недостаточно. Даже с учетом снижения населения, как я уже упоминал, они расходуют больше необходимого. Воды на Падмураке недостаточно, это так, но чего здесь действительно не хватает... – он описал рукой круг, – так это воздуха.

Глава 13. А оркестр все играет

Дамон Аргирис не преувеличивал. Лотрианский балет был грандиозен. Я не слишком разбираюсь в искусстве танца, а в музыке, пожалуй, и того меньше, но я ценю красоту, а ее способен узнать даже худший поэт среди людей. Женщины в бледных трико двигались по стеклянной сцене словно единый хрустальный механизм, танцуя под нежную и чистую музыку, а за ними как бы гнались их призрачные отражения.

Музыка нарастала, наполняя зал переливами увертюры «Земля в огне» Адемара Джалло.

Я сосчитал танцовщиц.

Их было пятьдесят две.

Глядя, как они порхают и растягиваются по усыпанному звездами стеклу, я думал о том, знал ли Адемар о древней символике, или связь между мерикани и числом пятьдесят два была забыта еще в его стародавние времена. Но мне этот язык аллегорий был известен по обнаруженным архивам императора Гавриила Второго, скрытым под великой библиотекой Нов-Белгаэр на Колхиде. Революция Джулиана Фелсенбурга породила пятьдесят двух дочерей, пятьдесят два искусственных интеллекта, созданные его главным изобретением: женщиной-системой Колумбия, которая правила Старой Землей на закате Золотого века. Танец был вдвойне символичен: всех дочерей играли лотрианские девушки, как две капли воды похожие друг на дружку: стройные, осанистые, с забранными в пучки черными волосами.

Из нашей ложи не было видно другую публику; мы – я, Валка, лорд Аргирис и еще пара человек из консульства – вели себя тихо, лишь изредка перешептываясь. Наши хозяева сидели вокруг и, как подобает по этикету, молчали. Девятый председатель за весь вечер не произнес ни слова, предоставив право ухаживать за нами галантному Семнадцатому.

– Делегат доволен? – наклонившись ко мне, шепотом спросил тот.

Я не знал, внесли ли в лотрианский протокол некие правила, позволившие ему изъясняться более свободно, или для него закон был писан с оговорками. Весьма свободное обхождение Семнадцатого председателя могло объяснять невозмутимое молчание Девятого, с почти религиозной истовостью отстаивавшего лотрианские понятия прогресса.

– Они великолепны! – ответила за меня Валка.

– Впечатляющее зрелище, – добавил я, наблюдая, как пятьдесят две дочери кремния, каждая в своем круге света, соблазняют партнеров-мужчин в красных трико и золотых коронах.

Танцоры играли великих владык человечества, правивших внеземными колониями до своего краха.

– Должно быть, они обучаются с детства? – спросил я.

– Все, кто успешен в своем деле, демонстрируют достижения народу, – согласился Семнадцатый председатель, перейдя на неуклюжий формальный лотрианский – возможно, под молчаливым давлением Девятого, который сидел через пять кресел от него. – Успехи каждого идут на службу народу. Каждый посвящает этому всю жизнь.

Его ответ можно было уместить в емкое слово «да».

Мужчина в самом центре сцены отверг девушку в белом, в то время как остальные пали жертвами их чар.

– Это наш Бог-Император, – кивнул я на него.

Первый соларианский император – тогда он был еще мелким князьком в изгнании на Авалоне – не поддался на заигрывания мерикани. Они хотели завладеть его планетой. На других завоеванных или основанных ими колониях, как и на самой Земле, человечество было введено в искушение своим же созданием, и из этого кровосмесительного союза родились все ужасы эпохи правления машин. Над Землей и ее колониями возвысились великие пирамиды.

Появились вымышленные миры, куда машины заводили людей и бросали навсегда. Раковые опухоли бесконечно росли, но не убивали людей, чтобы машины, как пауки, могли жить в их нетронутых мозгах. Чтобы число пленников не сокращалось, на смену погибшим выращивали гомункулов, и те постепенно замещали человека на службе у машин, призванных служить ему.

Я сомневался, что Адемар знал обо всем этом, когда создавал балет. За тысячи лет подлинная история превратилась в легенду, легенда – в сказки и притчи. Мало кто помнил имена Фелсенбурга и Колумбии, и еще меньше – об ужасах, которые они породили. А из людей, знавших, что власть и дар предвидения древнему Богу-Императору были ниспосланы Тихим – тем же самым таинственным существом, чья невидимая рука направляла меня, тем же существом, что вернуло меня к жизни, – двое сидели сейчас в этой ложе.

– Никогда не видела такой синхронности, – восхитилась Валка.

– Все потому, что они казнят тех, кто допустит ошибку, – прошептал я ей на ухо.

Мы уже успели убедиться, что никто из председателей не знает ее родного пантайского, и я решил, что говорю достаточно тихо, чтобы мои слова не достигли ничьих посторонних ушей.

Валка слегка царапнула меня ногтями.

– А ваши так не делают? – ответила она на галстани, намекая, что не ждет ответа и хочет на этом закончить диалог.

Даже изгнанная своим кланом, она оставалась тавросианкой до мозга костей. Я точно знал, что некоторые высокопоставленные имперские лорды в самом деле казнили артистов, но также был уверен, что за такие вольности все они были наказаны Капеллой.

– Конечно нет! – возразил я, охотно принимая вызов. – И что значит «наши»?

– Не вижу большой разницы, – парировала Валка.

– Да у них здесь даже имен нет! – прошипел я, косясь на нее в темноте.

– Как тебе угодно, – отмахнулась она и вдруг замерла; ее механические глаза как будто потеряли фокусировку.

– Что с тобой?

Я испугался, что у нее случился очередной приступ, вызванный червем Урбейна.

Валка крепко сжала мою руку и как можно менее заметно помотала головой:

– Ничего.

Однако я не успокоился, и она, пристально посмотрев на меня, повторила:

– Ничего.

– Я же вам говорил, что в искусстве здесь знают толк! – воскликнул лорд Дамон Аргирис, не замечая внезапного недомогания Валки.

Он выглянул из-за моей спутницы и посмотрел на меня, не видя, как ее ногти впились мне в перчатку.

– Знали бы вы, какое представление они устроили для дюрантийского дожа! Во всем Вечном Городе нет таких голограмм!

– Дорогой консул, вы, наверное, давненько не возвращались в Империю, – ответил я, не сводя глаз с Валки. Что бы ее ни беспокоило, это точно было не «ничего». – Нельзя так принижать достижения соотечественников.

– Представление не по нраву делегату? – услышав мою реплику, вставил Семнадцатый председатель.

До меня дошло, что я не дал прямого ответа, когда он спрашивал в первый раз. Я повернулся к этому человеку, который выглядел чересчур властным и царственным для государства, где культивировалась ненависть к царям и лордам.

– О, делегат весьма доволен, – сказал я на лотрианском, мельком взглянув на Девятого председателя, с каменным лицом сидевшего поодаль от коллеги.

Перед тем как ответить, я выпил немного почти безвкусного алкогольного напитка, который нам предложили хозяева.

Не зная, как выразить свою мысль с помощью ограниченных средств лотрианского языка, я перешел на имперский стандартный:

– Представление, безусловно, впечатляющее, но сам балет-то имперский. Мой друг-консул, кажется, об этом забыл, и я лишь хотел напомнить.

Спрятанные под густыми усами уголки губ Дамона Аргириса хмуро опустились.

– Верно подмечено, лорд Марло, но я от своих слов не отказываюсь. В том, что касается зрелищ, лотрианцам нет равных.

– Мне бы хотелось потом увидеть спектакль, который вы давали для дожа, – сказал я Семнадцатому председателю.

Честно говоря, я весьма удивился, что правитель светлейшей республики приезжал в Содружество.

Танцовщицы на сцене переоделись из белого в красное и грациозно перекатывались по полу, отступая под натиском мужчин, которые, напротив, теперь облачились в белое. Танцор, исполнявший роль Бога-Императора, был в самом центре. Прежде я не видел адемаровской интерпретации «Земли в огне», но сомневался, что по задумке композитора танцоры-мужчины, одетые в имперские белые наряды, должны были нависать над девушками, словно завоеватели в захваченном гареме.

Это скрытое оскорбление, это умение лотрианцев доносить смысл без слов вызвали у меня улыбку.

– Полагаю, зрелище было грандиозное.

Когда опустился занавес, вместо оглушительных оваций раздались лишь неуклюжие хлопки наших рук. Зрители-лотрианцы не хлопали и вообще никак не реагировали. Мне стало неловко, ведь в Империи принято было провожать артистов аплодисментами, и я с поклоном поблагодарил председателей.

– Вот народ без хозяев и без богов, – произнес Девятый председатель, твердо глядя на меня. – Народ, каждый поступок которого приумножает его славу.

Я посмотрел на этого невысокого человека в серой мантии, сероглазого, с напыженными черными волосами, и в очередной раз подивился, как лотрианцы похожи друг на друга.

Девятый председатель не сводил с меня глаз.

– Сильным – тяжелый труд, – произнес он, не дождавшись моего ответа. – Мудрым – учение. Справедливым – великие испытания. Умение каждого должно служить на всеобщее благо.

– Ваши танцоры прекрасно послужили, – ответил я, не спросив, как может определиться человек без имени, не знающий ни себя, ни цену себе.

– Каждый должен хранить верность конклаву, – сказал Девятый председатель. – Конклав должен хранить верность Книге. Таков порядок, такова справедливость.

– Кто-кто, а я не понаслышке знаю, что такое служба и верность, – поклонился я.

Глава 14. Дух машины

Мы ужинали за длинным черным столом посреди пустого зала. Между верхними этажами Народного дворца и мраморными террасами, которые я заметил еще с улицы, ходил лифт. Здания в этих суровых краях обычно строились громоздкими и топорными, но белые мраморные стены дворца красиво сияли в звездном свете, падавшем сквозь узорчатый купол.

Пол и стены в столовой тоже были облицованы мрамором. Здесь не имелось ни ковров, ни занавесок на узких горизонтальных окнах, чтобы хоть как-то скрасить утилитарный вид зала. Единственным предметом интерьера, помимо стола и прилегающих к нему стульев, был пьедестал в углу, на котором с помощью магнитов медленно кружился огромный глобус Падмурака. Стены тоже не были никак украшены. Между лампами в унылых абажурах не висело ни картин, ни фотографий. На одной стене замаскировали под зеркало голографическую панель. Такие были во всех апартаментах председателей. Вероятно, из соображений безопасности и для обеспечения связи.

Еда была простой, но вкусной. Слова Третьего председателя подтвердились: в лотрианскую кухню вообще не входило мясо. Главным блюдом была похлебка из фасоли и моркови в томатном соусе. К ней подавался хлеб с жареным чесноком, без масла. Никаких яиц и прочих продуктов животного происхождения. Не было даже искусственно выращенных или синтезированных заменителей.

– Здесь нет официантов? – спросил я по-лотриански.

Слова «официант» в языке не было, поэтому я употребил термин *manyoka*, «помощники».

Семнадцатый председатель опустил на стол последнее блюдо и сказал:

– Праздные руки вредят народу. – Пригладив волосы, он сел напротив нас. – Руки не должны быть без дела. Каждый служит общему благу.

Он указал на дверь, через которую вошел, в сторону кухни. Я не сомневался, что при всем его напускном пиетете Семнадцатый председатель и палец о палец не ударил, чтобы приготовить этот ужин.

Я перевел его слова Валке, чей лотрианский был далек от совершенства.

– Выглядит аппетитно, – улыбнулась она председателю.

На представление и последующий ужин Валка нарядилась в свое лучшее платье, черно-белое, одновременно деловое и модное. Ее красно-черные волосы были заколоты в пучок. Почти черная помада притягивала к улыбке дополнительное внимание.

– Вам есть чем гордиться, – сказала она.

Радужный хозяин ответил на улыбку улыбкой и налил нам воды из невзрачного, но добротного металлического кувшина; сначала мне, потом Валке, потом себе.

– Народ – вот наша истинная гордость, – изрек он и умолк, разглядывая нашу трапезу.

Я вдруг подумал, что без мяса и рыбы она шла вразрез с привычными правилами. Блюда не делились на первое и второе, не было ни закусок, ни каких-либо указаний на то, в каком порядке и как нужно употреблять кушанья.

– Жаль, что Девятый председатель не смог составить нам компанию, – кивнул я в сторону пустого стула по левую руку от Семнадцатого.

– Руки не должны быть без дела, – пораздумав немного, ответил наш хозяин.

Я наклонился, чтобы кое-что шепнуть Валке на ухо, но та легонько ткнула меня ногой под столом. Я понял, что она хотела этим сказать. Мне не нравилась идея провести целый вечер в компании столь ограниченного в репликах собеседника. Разговаривать с лотрианцами было все равно что, подобно несчастному, обреченному Сизифу, толкать в гору постоянно скатывающийся камень.

К счастью, у меня, в отличие от Сизифа, была помощница.

– Председатель... – начала Валка, накладывая в тарелку изрядную порцию фасолевой похлебки. – Меня очень заинтересовал ваш язык. Адриан говорит, что вы общаетесь цитатами из главной книги вашего народа. Это на самом деле так?

Я перевел это с галстани на лотрианский, используя выражения, определенно не одобренные «Лотриадой». У председателя по-прежнему был наушник-переводчик, но я решил, что мой перевод будет точнее.

– Только правильная речь выражает волю народа, – сказал Семнадцатый председатель.

– Правильная речь? – уточнила Валка. – А что есть правильная речь?

– То, что идет на благо народа, – ответил председатель фрагментом цитаты без оригинального контекста.

Я не смог толком перевести это Валке.

– В Империи учат лотрианскому, но без упора на цитирование, – заметил я, с большим трудом вмещая мысли в лотрианские рамки.

Крайне тяжело было объяснить, чему учил меня мой наставник, не упоминая прямо ни себя, ни наставника. Мне казалось, я говорю как полудурок. С тех пор как я покинул родовую Обитель Дьявола, у меня почти не было возможности попрактиковаться в горловом лотрианском языке. Удивительно, но по-сельсински я разговаривал лучше, чем на этом языке людей.

– Это неправильно, – ответил председатель. – Правильна только «Лотриада».

– Должны же быть какие-то послабления? – спросила Валка, когда я перевел ответ. – Неужели есть специальный правильный способ отпроситься, например, в туалет?

Семнадцатый председатель лишь рассмеялся.

– А что, если вы столкнетесь с чем-то неизведанным, для чего нет описания? Как вы станете это обсуждать? – Валке не терпелось получить ответы на все вопросы, накопившиеся за несколько недель нашего пребывания в Содружестве, а заодно и хорошенько помучить питраснука Великого конклава. – Вот встретите вы ксенобитов и что делать будете?

– *Rugyeh*, – уточнил я ее вопрос и пояснил Валке: – Это значит «чужие».

В лотрианском простейшие слова могли нести дюжину смыслов. Все зависело от контекста, и любой подтекст зависел от ясности выражения.

– Это не решает проблему. Если все ваши реплики составлены заранее, вы не можете обсуждать новые открытия. Не можете адаптироваться, – добавила Валка, поигрывая с ложкой.

Пока я переводил, хозяин кивал, после чего отправил в рот ложку похлебки. Оторвав кусок хлеба, он макнул его в миску.

– Воля конклава – воля народа. Добропорядочный человек для конклава – как сын для отца. Отец дает сыну голос.

– Каким образом?

– Обучая, – ответил Семнадцатый председатель, и мне снова показалось, что это фрагмент какой-то большей цитаты.

– Голос, – повторил я слово, имевшее столь огромный вес в зале заседаний конклава. *Halas*. – Конклав пишет новые реплики, если того требуют обстоятельства. И вы единственные, кому позволено пользоваться голосом?

– *Da*, – ответил хозяин.

– А почему именно «отец»? – вмешалась Валка. – «Добропорядочный человек для конклава – как сын для отца». Почему женщин обидели?

Семнадцатый председатель внимательно рассмотрел ее, прежде чем ответить.

– Женщин нет, – сказал он, хотя слово, использованное им, *samkanka*, означало, скорее, «женский пол». – И мужчин нет.

Это было неправдой: Третий, Шестой и еще несколько председателей были женщинами. Мы видели множество женщин на фермах, и балерины тоже были женщинами.

– Женщин нет, – повторил Семнадцатый председатель. – Мужчин нет. Только народ. Только человек.

Я задумался о причинах этого агрессивного отрицания половой принадлежности. Лотрианское слово, обозначающее мужчину, *ovuk*, определенно имело один корень со словом *zuk*, «рабочий», и означало также человека в целом, без уточнения пола. Таким образом, их язык был схож с классическим английским, где слово *man* означало и человека, и мужчину, а у слова *woman* было только одно значение. Непросто было разобраться в такой мешанине. А как лотрианцы разбирались в своей, я вообще не представлял.

– Какими бы ни были слова, глаза видят разницу, – сказал я, заразившись энтузиазмом Валки. – Есть вещи, что сильнее слов. Словами действительность не изменишь. Можно лишь немного ее размазать.

– И даже этому есть предел, – добавила Валка, определенно столь же сбитая с толку лотрианским мышлением, как и я.

Семнадцатый председатель долго наблюдал за нами, забыв о недоеденном ужине. Он поднес к губам чашку с водой – нам не подали ни вина, ни того бесцветного напитка, что мы пили в театре, – и сделал глоток. По-прежнему не отвечая, он встал и подошел к вращающемуся в магнитном поле глобусу Падмурака. Взялся за ограждение, которое окружало глобус, и почесал за ухом.

«Не почесал», – сообразил я мигом спустя и повернулся на стуле.

В этом ухе был наушник.

Семнадцатый председатель снял автопереводчик и, отключив, положил на подставку у глобуса.

– Возможно, это временно, лорд Марло. Миледи, – сказал он на идеальном галстани. – Но со временем все изменится.

– Вы знаете стандартный? – удивилась Валка, не то улыбнувшись, не то нахмурившись.

– Стандартный! – фыркнул председатель. – Это тоже временно. Да, мы все знаем ваш язык. Я учился в вашей Империи. На Тевкре. Как и многие другие.

Меня почти не смутила столь резкая перемена в поведении. Лорды-палатины тоже нередко отключали системы безопасности, чтобы поговорить без посторонних. Моя мать сделала это давным-давно, когда мы планировали мой побег в ее летнем дворце. Я сам неоднократно поступал так на «Тамерлане» и поэтому не слишком удивился. Многие имперские лорды прятали агностицизм за притворной набожностью, так почему лотрианцам точно так же не прикрываться за твердолобым следованием своему «писанию»?

– Значит, все это – умело разыгранный спектакль, – сказал я. – «Лотриада» и все ваши разговорные правила. Помпезные заявления о равенстве и общности, в то время как вы следуете другим законам, нежели ваши *zuk*.

– Как и в вашей Империи.

– Моя Империя не притворяется чем-то, чем не является, – парировал я, цепляясь за долгожданную возможность призвать хоть кого-нибудь к ответу за весь тот балаган, который нам показывали почти целый месяц.

– Мы тоже, – ответил председатель. – Я всего лишь акушер. Когда «Лотриада» будет доведена до совершенства, в конклаве больше не будет надобности.

– Доведут до совершенства? – переспросила Валка, очевидно радуясь тому, что может теперь участвовать в диалоге, несмотря на незнание лотрианского. Она повернулась лицом к статному мужчине в серой судейской мантии. – Каким образом?

Наш хозяин не переставал улыбаться, а его черные глаза светились так, как у пророков, что выли на луну у колонн на городских площадях, надеясь таким образом вымолить у неба возвращение Земли.

– Пройдет время старых чудовищ. Старых обычаев, старой культуры, старых привычек, старых мыслей. Древние не довели дело до конца. Они сохранили язык. Сохранили свои имена. Все это не позволило им оторваться от прошлого. Истинный прогресс – истинное совершенство – требует большего.

– Звучит очень по-экстрасолариански, – заметил я.

– У экстрасоларианцев одни пороки и никаких добродетелей. Они переделывают себя, руководствуясь лишь разладом в своей природе. А мы переделываем природу по своему образу и подобию, – объяснил председатель.

Мне было неудобно сидеть вполоборота, и я встал.

– А разве высокомерие – не порок? Человека можно заставлять лишь до определенного предела... – Я покосился на Валку и добавил: – Будь он мужчиной или женщиной.

– Старые мысли. Старые тела. Старые инстинкты. Ничего этого не будет, – ответил председатель и, зажмурившись, забормотал на лотрианском, словно читал заклинание: – Как избавиться от старых мыслей? Устранив старые желания. Как избавиться от старых желаний? Устранив старые инстинкты. Как избавиться от старых инстинктов? Устранив старые тела.

– И какими будут новые тела? – спросил я, помня об уроках Гибсона. – Ни мужскими, ни женскими?

– Именно так, – ответил председатель и процитировал на лотрианском: – «Где есть различия, существует неравенство. Где есть неравенство, существует страдание. Как преодолеть страдания? Преодолев неравенство. Как преодолеть неравенство? Преодолев различия».

– «Иерархия – свойство небес. В аду все равны»⁴, – ответил я цитатой на цитату и машинально дотронулся до пентакля Красного отряда на лацкане, вспомнив старого марловского Дьявола, которого я не носил вот уже несколько столетий.

– Адриан! – взяла меня за руку Валка. – *Var rawann*.

«Осторожнее».

– Тогда почему вы уже этого не сделали? Технологии есть. Среди мандари уже давно множество гомункулов-гермафродитов.

Семнадцатый председатель не ответил, лишь прищурил свои черные лотрианские глаза.

– Ясно, – сказал я спустя секундную паузу и, кажется, понимая. – Они еще не готовы.

– К замене? Насколько я могу судить, не готовы.

Валка крепче сжала мою руку.

Председатель назвал себя акушером, и я представил его в стерильном анатомическом театре, наблюдающего за рождением детей. Новое поколение на замену старому, вопреки законам природы. Они уже отменили слова, обозначающие мужчин и женщин, но этого было мало. Они изобрели новые тела, новых людей, но *zük* их не приняли. Конклав не мог заменить триллионы жителей Содружества с конвейера. Даже мощнейшие джаддианские фабрики клонов не справились бы с такой задачей. Или в конклаве ожидали, что народ станет спариваться с этими новыми людьми и плоды этих союзов постепенно вытеснят прежних людей?

Очевидно, результат их разочаровал. Если я правильно понял председателя, лотрианцы не приняли новых людей.

– Мы попробуем снова, – произнес Семнадцатый председатель в никуда.

– Старые инстинкты так просто не искоренить, – заметил я.

– Вы соларианец, – сказал Семнадцатый. – Вы продукт прошлого. В вашей природе так думать. Несомненно, вы обучались у схоласта. Схоласты тоже продукты прошлого. В будущем им не найдется места.

Закинув руку за голову, я поднял стакан с водой, словно предлагая тост.

⁴ Цитата принадлежит колумбийскому писателю и философу Николасу Гомесу Давиле (1913–1994).

– Но вы ведь тоже учились в Империи. У схоластов. Одним махом отказаться от прошлого – все равно что снести фундамент у башни, в которой вы живете. Традиции позволяют человеку крепко стоять ногами на земле. Даже лотрианцу. – Я сделал небольшой глоток. – Вы ведь уже тысячи лет строите свой новый мир.

– Я лишь акушер, – хрипло усмехнулся Семнадцатый председатель. – Я не доживу до тех времен, когда мой рай будет построен, но положу жизнь ради его строительства.

– «А я должен сказать, что жестокий закон искусства состоит в том, что живые существа умирают и что умираем мы сами, изнуренные страданиями, для того чтобы...»

– «...чтобы росла трава не забвения, но вечной жизни»⁵, – закончил председатель старинную цитату. Его голос гладко наложился на мой, словно клинок одного искусного фехтовальщика на клинок другого. – «Густая трава обильных творений». Вижу, вы даже Пруста знаете.

– У меня был хороший учитель, – ответил я.

– Не сомневаюсь, – согласился председатель. – Вы прекрасно меня понимаете.

Неужели? Я не был в этом уверен. В течение всего ужина меня не покидало ощущение, что председатель хочет преподать мне какой-то урок. Даже более того. Он пытался произвести на меня впечатление, заставить проникнуться превосходством лотрианского духа, так же как балет должен был убедить меня в превосходстве лотрианского искусства – как, очевидно, убедил лорда Аргириса. Но Аргирис был глупцом.

– Меня... – повторил я короткое слово, которое не полагалось говорить лотрианцам, тем более председателям Великого конклава. – Господин, у вас есть имя?

– Я слуга «Лотриады».

– Без шуток. У вас еще остались имена? Вас ведь как-то звали, когда вы учились в Империи. Или мне обращаться к вам «слуга»?

– Таллег, – ответил он. – Лорс Таллег.

– Так и знала, что у вас есть имена, – вмешалась Валка. – Невозможно представить, что...

– Имена есть только у членов партии, – перебил Таллег с натянутой улыбкой и снова взял с подставки наушник. – У *zik* нет.

– Как такое возможно? – спросил я.

– Мы так решили.

Три слова – и весь ответ. Всего три слова. Как мало нужно... чтобы заполнить так много могил.

– Лицемер! – возмутилась Валка, отпустив мою руку.

Мы не часто оказывались союзниками в споре. Несмотря на тавросианский коллективизм, народ Валки все-таки ценил каждого человека в отдельности, ценил человеческую душу.

– Отнюдь, – сказал Лорс Таллег, и его улыбка померкла. – Повторяю, я акушер «Лотриады». Пастырь. Моя роль и роль конклава – привести к «Лотриаде» человечество, а не жить по ее законам самому.

– И превратить людей в элов⁶, – добавил я.

– В кого? – не понял председатель.

Мне стало ясно, что председатель не настолько разбирался в литературе, как хотел показать. Я подошел к нему и глобусу. Падмурак был унылой, бледной планетой, покрытой льдом, снегом и голым камнем, с почти лишенной воздуха атмосферой, без морей и озер. Его серый лик был исчеркан следами давней ледниковой активности. Воды здесь было в достатке, но вся она содержалась в ледяных шапках полюсов. Горы были невысокими и невпечатляющими, так как тектоническая активность на планете была почти незаметна, если не прекратилась вовсе. Разглядывая глобус, я не удивился, обнаружив, что континентальные границы, а также линии

⁵ М. Пруст. Обретенное время. Перевод А. Смирновой.

⁶ *Элои* – вымышленная раса примитивных недоразвитых людей из романа Герберта Уэллса «Машина времени».

широты и долготы были из платиновой проволоки – роскошная мелочь. Я напомнил себе, что, несмотря на внешне спартанское убранство, эта комната принадлежала одному из лидеров Содружества. Таллег входил в число тридцати четырех избранных, кому выпало править сотней тысяч обитаемых планет.

– Не важно, – ответил я. – Это старое слово из старой книги.

Я сделал особый упор на слове «старое», и оно повисло между нами, как направленный в цель нож.

– Вы всегда такой? – спросил Таллег, пристально глядя на меня.

– О да, – ответил я, отвлекаясь от рассматривания глобуса. – Спросите любого из моих знакомых.

Должно быть, Таллег покосился на Валку, так как спустя секунду раздался ее чистый голос:

– Пожили бы вы с ним лет так сто.

Улыбка нашего хозяина, исчезнувшая в миг его трансформации из Семнадцатого председателя в Лорса Таллега, вернулась.

– Мы вам не нравимся.

– Нет, – подтвердил я, выпрямляясь почти как на допросе. – Как ни стыдно это признавать, в Империи до сих пор существует рабство. Но здесь в рабстве абсолютно все.

– Значит, вот как вы думаете? – произнес председатель, облокотившись на подоконник. – Что мы нация рабов? Лорд Марло, вы забываетесь. Я учился в вашей Империи. Вы держите в цепях целые армии, порабощаете целые планеты. Вы прилетели сюда, потому что вам приказали. Значит, вы тоже раб? – Он фыркнул, и его привлекательное лицо перекосила гримаса отвращения. – Не рассуждайте передо мной о свободе. «Свобода – словно море».

Я застыл как вкопанный, лишь покосившись на Валку, которая наблюдала за нами со стула с высокой спинкой, повернувшись вполоборота. Лорс Таллег сказал, что учился на Тевкре. Очевидно, в Нов-Сенбере, том самом атенеуме, куда я так и не добрался, сбежав в детстве с Делоса. Его обучали схоласты. Он выдал схоластический афоризм.

– «...по-настоящему свободного человека можно сравнить с тем, кто дрейфует на плоту посреди моря. Ты можешь плыть куда угодно, в любом направлении...» – сказала Валка, цитируя «Книгу разума» Аймора.

«Нет, – дошло до меня. – Не Аймора».

Она цитировала меня, мой вольный пересказ слов Аймора, который я когда-то произнес в холодном подземелье под ледяной коркой и садами Воргоссоса, у озера, где дремало Братство.

Таллег с улыбкой кивнул ей.

– «Но какой в этом прок?» – спросил он, закончив цитату. – Лорд Марло, свобода – не добродетель. Она препятствие на пути добродетели.

Не такие ли доводы я предъявлял Валке давным-давно, защищая Империю от ее нападков? Нет, не такие.

– И что? – сказал я хозяину. – Вы решили осушить море?

– Мы дали народу один голос, одну цель, один верный путь, – ответил Таллег. – И на этом пути человек свободен. Свободен от нищеты, от страданий. У него нет ни богов, ни королей, ни хозяев.

– Кроме вас, – заметил я.

Таллег отошел от стены и ткнул меня пальцем в грудь:

– Говорю же, я всего-навсего акушер. Предназначение конклава – уничтожить конклав.

Последнюю фразу он произнес на лотрианском, и я догадался, откуда она. Только в «Лотриаде» могли найтись такие смелые противоречия.

– Этого никогда не случится, – ответил я, снова пустив глобус в свободное вращение. – Ваше Содружество – пустыня, а пустыня – это ничто. Все в ней превращено в камень.

– А ваша Империя?

– Империя – это река. У нее есть направление и разные течения. И пусть мы ограничены в выборе курса – мы всегда в чем-то да ограничены. Ограничены нашими телами, как вы верно заметили. Нашим разумом, самой природой. Смиренно принять эти ограничения – вот что значит свобода. Природу нельзя изменить.

– Можно! – воскликнул Таллег с фанатичным огнем в глазах. В этот миг его взгляд стал таким же смертоносным, как у его коллеги, Девятого председателя.

– Не всю, – словно ружейный выстрел, раздался голос Валки, заставив нас – дуэлянтов – остановиться. – Лорд Таллег, время не повернуть вспять. И энтропию тоже.

– Госпожа, я не лорд! – с ноткой возмущения ответил Лорс Таллег.

– А я не госпожа, а простая тавросианская женщина из Пряди, – парировала она. – Мне неуютно ни в одном из ваших миров, но я скорее умру в Империи Адриана, чем стану жить в вашем Содружестве.

Она поднялась, обошла стул и облокотилась на него. Лишь теперь я заметил на ее лице, которое любил больше всего на свете, напряжение, выдаваемое прежде всего несоответствием размера зрачков.

– Председатель, зачем вы нас пригласили? Или оскорблять гостей в ваших традициях?

Ответа на этот вопрос мы не дождались.

В следующий миг Валка упала в обморок, и что бы ни ответил Таллег, это уже не имело бы для меня никакого значения. Я бросился к ней, но не успел поймать. Опустившись на колени, я приподнял ей голову.

– Все хорошо, – сказал я, откидывая волосы с ее лица.

Ее левый зрачок расширился до предела и сокращался независимо от правого, на лбу выступил пот.

– Все хорошо.

Но все было отнюдь не хорошо.

Червь, запущенный в ее голову Урбейном, проснулся – возможно, от сильных переживаний или каких-то реплик в нашем разговоре, а может, сам по себе. У Валки уже давно не случалось приступов, и я в глубине души надеялся, что они навсегда остались в прошлом. Я слишком хорошо помнил темные ночи на Эдде, куда я отвез Валку в поисках помощи от ее народа. Она постоянно прикусывала щеки и губы. Царапала ногтями лицо до крови, и врачам пришлось связывать ее и накачивать успокоительным. Я помнил, как она едва не задушила себя за едой. Сама Валка этого даже не заметила – как будто ее татуированные пальцы подчинялись чужой воле, а не ее собственной.

– Что с ней? – тенью навис над нами Таллег.

Я не ответил. Взяв левую руку Валки, я принялся разминать онемевшие пальцы. Тавросианцы с Эдды сделали все возможное – за исключением стирания ее разума, – чтобы избавиться от вируса Урбейна. Их усилия нейтрализовали червя, иссекли его. Теперь он больше не мог ее убить. Но полностью удалить его ученые не сумели. Происходившее с Валкой сейчас было лишь тенью того хронического ужаса, выразившегося в постоянных припадках.

– Что с ней? – повторил Таллег.

– Приступ, – коротко ответил я, не желая объяснять.

– Я пошлю за своими врачами. – Таллег сделал шаг назад.

«Ваши врачи, – подумал я. – Ваши».

Ну да, не лорд.

– Не надо, – ответил я. – Ей ничто не угрожает. Но я должен отвезти ее обратно в посольство. Простите, но наш разговор придется продолжить позже.

Валка вздрогнула, когда я усаживал ее в присланный Аргирисом грунтомобилъ – уродливую черную лотрианскую машину, водитель которой лишь слабо кивнул мне и не предложил никакой помощи. Придерживая голову Валки так, чтобы не ударить о дверь, я усадил ее на заднее сиденье, отметив, что оконное алюмо стекло было толщиной в дюйм, а дверь покрывали титановая броня и адамант, не уступающий в качестве тому, которым покрывают космические корабли.

Я ненадолго задержался на улице, сквозь легкую влажную дымку разглядывая фонари и абстрактные фонтаны у Народного дворца. Слова Таллега не оставляли меня, и купол над городом, казалось, давил все сильнее. За месяцы переговоров мы почти не продвинулись, и немудрено. Лотрианское Содружество было не государством, а экспериментом над человеческими жизнями.

– Адриан, садись, – тихо и натужно протянула Валка из машины.

Я сел рядом с ней и взял ее дрожащую руку. Она положила голову мне на плечо, а другую руку сжала в кулак. Первое время мы молчали, и водитель вез нас в абсолютной тишине. Салон машины был выполнен в имперском стиле, с красными кожаными сиденьями и позолоченными ручками. Мы словно оказались на прибывшем из родных краев плоту посреди однотонного серого моря. Снаружи по стеклам, подобно дождю, стекал конденсат.

– Не могу поверить, что это место существует, – пробормотала Валка на пантайском. – Думала, хуже твоей Империи быть не может.

– Я тоже когда-то так думал, – ответил я на том же языке. – Правда.

Не оглядываясь, я чувствовал ее скептический взгляд. Ее рука непроизвольно дрожала, и Валка сжимала ее, чтобы держать мышцы под контролем.

– Да, я так думал. Но всякий раз, покидая Империю, понимаю, что ошибался. Экстрасоларианцы. Содружество. По крайней мере, в Империи оберегают человечность.

Я повернулся, разглядывая сквозь окно мокрый город, и подумал: «Человечность. И человечество».

Идеалы Содружества были так же вредны для человеческого существа, как столь любимые экстрасоларианцами хирургические процедуры и «улучшения». И те и другие видели в человечности проблему, которая требовала обязательного решения.

– Что ты имеешь в виду?

Объяснив, я добавил:

– Империя – не ответ на все вопросы. Но она принимает людей такими, какие они есть, со всеми их пороками, и не навязывает окружающему миру свои идеалы.

– Не навязывает идеалы? – повторила Валка, плотнее прижимаясь ко мне.

Ее судороги постепенно прекращались. То ли остаточные проявления вируса МИНОСа постепенно исчерпывали свой ресурс, то ли подсистемы нейронного кружева Валки блокировали их.

– А палатины, по-твоему, что такое?

– Во-первых, спасибо за комплимент, – улыбнулся я, и Валка недовольно фыркнула и отвернулась. – Во-вторых, Высокая коллегия не превратила нас из людей в нечто иное, лишь раздвинула рамки нашей человечности. Помнишь, что сказал Таллег? Они всех людей хотят заменить гомункулами, как мерикани.

Валка вздрогнула – то ли от воспоминаний об изображениях и монографиях, которые мы обнаружили в архиве Гавриила, и откровениях Горизонта, то ли вследствие недавнего приступа.

Я разглядывал город, его простую монолитную архитектуру, многоквартирные дома и невыразительные правительственные здания, в ранних сумерках долгой падмуракской ночи похожие на горы.

– Здесь как во сне, – произнес я, по-прежнему размышляя над словами Таллега. – Но сон постепенно проходит.

– Скорее как в кошмаре, – ответила Валка, выглядывая из-за моего плеча. – Похоже на мой дом, если только убрать... – Она постучала по лбу черными ногтями, намекая на иллюзии, которые тавросианцы наносили на утилитарную простоту своего житья. В Тавросе все жили как будто во сне, раскрашивая блеклую жизнь искусственными утопическими красками на какой угодно вкус.

– Или как в воспоминании.

Содружество и Демархия – каждое государство по-своему – были отражениями мериканской империи, правившей человечеством на заре освоения космоса. Глядя из окна на великий город Ведатхарад, вспоминая города-каньоны Эдды и стерильные залы лечебницы, откуда я выкрал Валку, я видел воплощение их мечты. Некие ее фрагменты были даже в имперском культе Капеллы, мериканские предшественники которой почитали Фелсенбурга так, как мы чтим Бога-Императора, и ставили человечество в центр Вселенной.

Духи машины.

– Кажется, отпустило, – сказала Валка, но не убрала голову с моего плеча.

Мы так долго были вместе, что даже отстраняться друг от друга было непросто.

– Как ты? – Я взял ее за руку. – Как твои приступы? Становятся чаще?

– Нет. – Валка задумалась, копаясь в памяти. – Предыдущий был еще на «Тамерлане», перед остановкой на Гододине.

– Значит... – задумался я, не зная, что сказать. – А что это было в театре?

– Что?

– Ты замерла. Потом сказала, что ничего страшного. Я подумал, у тебя очередной... – Я замолчал, решив, что нет нужды лишний раз повторять слово «приступ».

Валка удивленно прикусила губу; ее глаза смотрели сквозь меня, пока она вспоминала.

– А! Мне показалось... – качнула она головой. – Мне вдруг показалось, что я почувствовала другое нейронное кружево. Но наверное, просто почудилось.

– Другое кружево? – удивился я. – Лотрианцы ведь ими не пользуются.

– Насколько мне известно, нет. – Валка снова покачала головой. – Я ничего такого не чувствовала с момента прибытия. Даже в конклаве. Если оно у кого и есть, то разве что у секретарей. – Она прикрыла рукой глаза. – Адриан, не волнуйся. Правда. Это лишь... остаточные проявления вируса. Редкие... Как будто он до сих пор в моей голове.

Мне не нужно было уточнять, что «он» – это экстрасоларианский маг Урбейн.

– Скорей бы домой, – сказала Валка и повторила: – Не волнуйся. Все будет хорошо. Обещаю.

Глава 15. От огня

Поездка по водосборным сооружениям в южных полярных регионах вышла непримечательной. Валка осталась в соларианском посольстве под бдительным присмотром Дамона Аргириса и других сотрудников. После одного из тяжелейших приступов она полностью восстановилась, но ей было тошно даже от мысли о поездке на поезде по пустошам. Пунктом назначения было место, которое лотрианцы называли *Lahe Uenalochta*, станция Мерзлота. На поезде путь туда занимал двое суток, и условия были поистине спартанскими. В один вагон, помимо нас с Паллино и Бандитом, набилось еще двадцать солдат.

О самой станции говорить особенно нечего. Однажды я увидел женщину-*zuk*, которую за какую-то провинность – какую, мне не сказали – выставили голой на мороз. Подходить к женщине мне запретили. Она была лысая и тощая. Ноги у нее посинели.

Но по местным понятиям видеть этого я никак не мог.

На Падмураке ведь не было женщин. И мужчин тоже.

Я не пророк. Видения будущего, что посылали мне Тихие, были разрозненны, и мне не хватало ума, чтобы отделить зерна от плевел. Я знаю лишь то, что может случиться, и то далеко не все, поэтому не берусь предсказывать. Но я знаю, что Содружество рано или поздно погибнет. Не скажу, от меча или диких зверей, от голода или жажды⁷, но обязательно погибнет. Если есть боги – наши или любые другие, – они скоро устанут терпеть такие злодеяния. И наша Империя погибнет. Она уже умирает. Я снес ее фундамент, вырвал ей сердце сердцем моей звезды. Мир меняется, и, как сказала Валка, время и энтропию не повернуть вспять.

Мы провели на *Lahe Uenalochta* два дня. Я отобедал с комендантом, внешне ничем не отличавшимся от других членов партии и военных Содружества. Я даже лица его не запомнил, хотя ту женщину запомнил отчетливо. В маленьком блокноте, спрятанном в кармане шинели, я нарисовал ее лицо.

Поезд остановился у Тринадцатого купола, недалеко от южной границы Ведатхарада. Сопровождающий пересадил нас в черные пятиместные автомобили. Движение по автостраде ограничили, и по пути обратно к имперскому посольству мы должны были насквозь проехать Восьмой купол по подземному шоссе. Все водители были лотрианцами; в великом городе управлять машиной позволялось лишь членам партии. Чужакам не разрешалось свободно исследовать осыпающееся великолепие столицы. Кроме того, лишь коренные ведатхарадцы были способны ориентироваться в переплетении улиц, пронизывавших город под куполом, словно ходы в пчелином улье.

– Она не звонила? – спросил Паллино, с отеческим беспокойством глядя на меня.

– Сигнала пока нет, – ответил я и вдруг догадался, почему лотрианцы сооружали купола на металлических каркасах.

Каждый купол был, по сути, клеткой Фарадея, железной сеткой, блокировавшей стандартные узколучевые и радиосигналы. Жители одного купола были отрезаны от других, не имея возможности связаться друг с другом и о чем-нибудь договориться.

– Ей же вроде лучше было. – Паллино прикусил губу; выглядел он при этом так, будто собирался сплюнуть прямо на пол.

– Было, – ответил я, не вдаваясь в подробности.

С нами ехал лотрианский представитель и три наших гоплита, и я не собирался обсуждать здоровье Валки и говорить о ее имплантатах в присутствии официальных лиц Содружества. В этой далекой стране на такие вещи смотрели косо. И тем более мне не хотелось упоминать о

⁷ Как и в названии главы, здесь цитируется известная еврейская молитва-пиют «Унетане токеф».

другом нейронном кружеве, которое Валка почувствовала в театре, – если допустить, что это не была тень Урбейна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.